

Краснодарский университет МВД России

**ЭФФЕКТИВНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы
Международной научно-практической конференции

(26–27 мая 2017 г.)

Краснодар
2018

УДК 343.9
ББК 67.51
Э94

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

Т. М. Тхазеплов (председатель);
М. М. Ардавов; А. Ю. Тутуков; А. К. Карданов; М. М. Хамгоков;
Б. А. Тарчоков; Х. А. Аккаева; Н. Г. Канунникова;
Ф. Ч. Касимова (ответственный секретарь)

Эффективное противодействие преступности в условиях
Э94 **глобализации : проблемы и перспективы : материалы Междунар.**
науч.-практ. конф. (26–27 мая 2017 г.) / редкол.: Т. М. Тхазеплов,
М. М. Ардавов, А. Ю. Тутуков, А. К. Карданов, М. М. Хамгоков,
Б. А. Тарчоков, Х. А. Аккаева, Н. Г. Канунникова, Ф. Ч. Касимова. –
Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 158 с.

ISBN 978-5-9266-1453-1

Содержатся статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы противодействия вызовам преступности: терроризму, экстремизму, незаконному обороту оружия, незаконному обороту наркотических веществ, вопросы взаимодействия гражданского общества и государства в обеспечении правопорядка.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-9266-1453-1

© Краснодарский университет
МВД России, 2018

Кулик О.В.,
*ведущий эксперт отдела нормативно-правового обеспечения
Департамента государственной службы и кадров МВД России
адъюнкт кафедры теории государства и права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Вопросы противодействия терроризму, в том числе, совершенствования нормативной базы, на основе которой оно осуществляется, в настоящее время имеют крайнюю актуальность.

Существуя довольно продолжительное время в исторической ретроспективе, в настоящее время терроризм рассматривается одновременно как социальное, политическое и правовое явление¹.

В XX веке терроризм и вопросы противодействия ему с внутригосударственного уровня вышли на уровень международный, прочно вписавшись в повестку дня международных отношений. Данное обстоятельство неминуемо повлекло за собой включение данной проблемы в сферу международного права. Основной площадкой противодействия терроризму на международном уровне является Организация объединенных наций (ООН), в составе которой функционируют специально созданные структуры – Контртеррористический комитет, Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий, Контртеррористический центр Организации Объединенных Наций, а также ряд других вспомогательных органов². Деятельность ООН по противодействию терроризму строится на основе Глобальной контртеррористической стратегии³. Кроме того, под эгидой ООН принято более 10 международных документов антитеррористической направленности⁴. Не отстают в этом плане от универсальной между-

---

¹ См. Лепешков Ю.А. Определение терроризма и универсальные международные стандарты в сфере борьбы с ним // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 4. – С. 8.

² <http://www.un.org/ru/counterterrorism/>

³ <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/un-global-counter-terrorism-strategy>

⁴ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г., Конвенция о физической защите ядерного материала от 3 марта 1980 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, от 10 марта 1988 г., Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения от 1 марта 1991 г., Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г., Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г.

народной организации и региональные объединения государств, созданные как специально для противодействия терроризму, так и осуществляющие эту деятельность в пределах своей общей компетенции¹. Деятельность данных организаций невозможна без наличия правовой базы, определяющей порядок взаимодействия государств-участников, проведения ими совместных мероприятий, а также устанавливающих определение терроризма, ответственность за осуществление подпадающих под него действий, особенности их квалификации, что, несомненно свидетельствует о значительной юридикации данной проблемы.

Характерной особенностью терроризма в юридическом плане является то, что до настоящего времени не сформулировано четкого и универсального его понятия, в связи с чем в различных государствах в качестве терроризма зачастую квалифицируются различные по своему содержанию деяния. Более того, даже в пределах одного государства данное явление может трактоваться достаточно широко.

В связи с этим представляется актуальным определить, подпадает ли процесс создания правовых норм о противодействии терроризму в поле легализации правовой практики. И, если попадает, то в какой степени и насколько эффективно.

Под легализацией правовой практики в настоящей статье понимается процесс придания сложившейся в обществе правовой практике особого юридического статуса, что в итоге выражается в оформлении ее в соответствующих источниках. Учитывая, что основным источником права на территории Российской Федерации являются нормативные правовые акты, закономерным результатом легализации правовой практики является корректировка действующих либо принятие новых необходимых нормативных правовых актов различного уровня.

В связи с этим для ответа на вопрос о том, осуществляется ли легализация правовой практики в сфере противодействия терроризму или нет, данный процесс должен соответствовать определенным составляющим. Представляется возможным выделить три таких составляющих: наличие либо отсутствие правовых норм, регулирующих данные общественные отношения, наличие самой правовой практики и способы ее легализации

Правовую основу противодействия терроризму в Российской Федерации составляют: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ

---

¹ Например, Международная организация уголовной полиции (Интерпол), Совет Европы Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Шанхайская организация сотрудничества, Организация американских государств, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности и др.

«О противодействии терроризму»¹, Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Уголовный кодекс Российской Федерации², Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и ряд других специальных нормативных правовых актов.

Таким образом, можно констатировать, что в своей основе противодействие терроризму осуществляется в сфере публичных правоотношений. Под публичными правоотношениями принято понимать те правоотношения одной из сторон (субъектов) которых является государство или его представители. При том в данных правоотношениях также накапливается правовая практика, которая впоследствии может быть легализована. Например, правовую практику представляет собой коллективная правовая деятельность – действия государства, его аппарата и органов³.

Обратимся теперь к ситуации с накоплением правовой практики в сфере противодействия терроризму и возможных результатах ее легализации. Первый документ, который обращает на себя внимание – это Закон о противодействии терроризму. К настоящему моменту всего внесено уже 16 поправок. Рассмотрение поправок позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев они носят технический и уточняющий характер. Логично, что данный случай под понятие легализации правовой практики не подпадает. Но отдельные изменения в Закон о противодействии терроризму имеют содержательный характер. Последними из них стали два федеральных закона: от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму»⁴ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных

---

¹ Далее – «Закон о противодействии терроризму».

² Далее – «УК РФ».

³ См. Философия права: формы теоретического мышления о праве: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С.181

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 28, ст. 4558.

мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹, которые принято называть пакетом Яровой – Озерова.

Основные изменения, внесенные пакетом Яровой – Озерова можно разделить на следующие основные блоки:

1. Расширение полномочий правоохранительных органов.
2. Новые требования к операторам связи и интернет-проектам.
3. Новые требования к перевозчикам-экспедиторам и операторам почтовой связи.
4. Усиление регулирования религиозно-миссионерской деятельности².

Интересным представляется тот факт, что еще на стадии законопроектов их обсуждение вызвало широкий общественный резонанс как среди обычных граждан, так и среди представителей экспертного сообщества. Часть возражений поступила от представителей бизнес сообщества, интересы которого напрямую затрагивались данными нормативными правовыми актами в техническом, финансовом и правовом отношении. Вместе с тем, большая часть предложений и поправок к моменту издания федеральных законов учтена не была. Данное обстоятельство достаточно ярко демонстрирует тот факт, что в рассматриваемых отношениях практически не учитываются интересы частных и публичных субъектов.

Особое место в системе нормативных правовых актов, направленных на противодействие терроризму является УК РФ. Отличительной чертой кодекса является то, что статьи, устанавливающие ответственность за преступления террористической направленности, содержатся в нем отдельно друг от друга. Официальная систематизация данных статей приведена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»³, согласно которому в целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств УК РФ устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 227, 277, 278, 279, 360.

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 28, ст. 4559. Далее – «Федеральный закон № 375-ФЗ».

² Под закон Яровой подпадают все облачные сервисы и интернет-магазины // <https://rb.ru/opinion/yarovaaya-pack/>

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

Интересным является тот факт, что до 2006 года существовали противоречия между УК РФ и действовавшим тогда Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»¹. Данные нормативные правовые акты имели как чисто терминологические, так и концептуальные разночтения. Ситуация значительно выправилась с принятием в 2006 году Закона о противодействии терроризму, нормы которого в гораздо большей степени соотносятся с УК РФ. Кроме того, развитию уголовного законодательства в этой сфере способствовала судебная и правоприменительная практика, что отразилось в принятии соответствующих поправок.

Возвращаясь к Федеральному закону № 375-ФЗ необходимо отметить, что им внесены изменения в УК РФ, которыми расширен перечень преступлений террористической направленности, ответственность за которые наступает с 14 лет, введены такие составы преступлений, как «несообщение о преступлении террористической направленности» (статья 205^б) и «акт международного терроризма» (статья 361).

Примечательно, что ходе обсуждения законопроекта также было предложено расширить перечень деяний, за которые иностранцы могут быть лишены российского гражданства, дополнив его наркобизнесом, бандитизмом, торговлей оружием и людьми. При этом инициатива данного законопроекта в целом не основывается на мировой или отечественной правовой практике, способствующей снижению террористической активности.

Однако свой вклад в развитие законодательства о противодействии терроризму на основе накопленной правовой практики правоохранительные органы все же вносят. Рассмотрим эту ситуацию на примере МВД России.

В 2014 году МВД России на основе проведенного мониторинга правоприменения была выявлена необходимость разработки нормативного правового акта МВД России, регулирующего порядок применения мобильных инспекционно-досмотровых комплексов в системе МВД России. В этом же году данная инициатива была реализована².

Из доклада о результатах мониторинга правоприменения, осуществленного Министерством внутренних дел Российской Федерации

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 31, ст. 3808.

² Доклад о результатах мониторинга правоприменения, осуществленного Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2014 году // <https://мвд.рф/document/6723290>

в 2015 году следует, что: «Актуальным оставался вопрос объединения составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК. Вместе с тем разграничение субъектов в этих статьях основано на рекомендациях Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). В то же время работа по внесению изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на совершенствование практики выявления и расследования преступлений о легализации преступных доходов, а также разработке мер по конфискации имущества и обеспечению возмещения ущерба по уголовным делам указанной категории ведется в рамках деятельности Межведомственной рабочей группы по противодействию незаконным финансовым операциям под председательством помощника Президента Российской Федерации Е.М. Школова, в работе которой принимают участие представители МВД России. Принимая во внимание существовавшие проблемы в правоприменительном толковании статей 174, 174¹ УК и решающую роль судебных органов при привлечении граждан к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления, МВД России в период с 2011 по 2013 год неоднократно обращалось в Верховный Суд Российской Федерации с предложением о необходимости актуализации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». В 2015 году Верховным Судом Российской Федерации завершена работа по анализу судебной практики и вынесено постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», в котором освещена значительная часть спорных вопросов»¹.

При этом мониторинг правоприменения является самостоятельным инструментом правотворчества, позволяющим легализовывать правовую практику, хоть и используется специальными субъектами. Данное утверждение также подтверждается приведенными выше тезисами о многообразии правовой практики и путей ее легализации.

---

¹ Доклад о результатах мониторинга правоприменения, осуществленного Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2015 году // https://мвд.рф/upload/site1/document_file/DOKLAD.pdf

Подводя итог проведенному в настоящей статье исследованию можно сделать следующие основные выводы.

Правотворчество в сфере противодействия терроризму по сути своей является монополией государства и выражается в создании правовых норм в виде обязательных предписаний, за несоблюдение которых предусмотрена ответственность. При этом та часть нормативных правовых актов, напрямую не регулирующих противодействие терроризму, в ряде случаев носит обеспечительный характер по отношению к основным документам в данной сфере.

Однако при этом не следует утверждать, что образующиеся нормативные правовые акты не имеют под собой соответствующих социальных предпосылок. Помимо учета государственного интереса, правовое регулирование противодействия терроризму в первую очередь направлено на защиту соответствующих общественных отношений, а говоря конкретными категориями – безопасность, жизнь и здоровье человека и гражданина. Более того, поскольку государство выступает в качестве одной из форм общественного объединения, одной из функций которого является охранительная, данные полномочия уже изначально ему делегированы

В рамках правоотношений по противодействию терроризму правовая практика формируется в основном специальными субъектами – государственными органами (в большей части правоохранительными) и их должностными лицами, то есть во многом основана на правоприменении.

Складывающаяся правоприменительная практика в ряде случаев выявляет отдельные правовые пробелы как технического (связанные с выполнением государственными органами своих функций), так и содержательного характера. В этом случае посредством специальных инструментов, таких, как мониторинг правоприменения, правовые основы противодействия терроризму удастся своевременно совершенствовать.

Яхьяев М.Я.,
декан факультета психологии и философии ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет»,
заслуженный деятель науки Республики Дагестан
доктор философских наук, профессор

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ ДАИШ

Одним из глобальных и в то же время загадочных вызовов современности является военно-политический феномен, обозначаемый аббревиатурами ИГ, ИГИС, ИГИЛ, ИГИШ, ДАИШ, ISIS. Таинственность этого явления связана с тем, что пока еще не ясны ни его истоки, ни причины живучести и набираемой популярности среди мусульман по всему миру. Непонятно даже то, чем, по своей сути, этот феномен является – государством, квазигосударством, террористической организацией, чем-то другим. Сегодня широко распространен стереотип об ИГ как об искусственно созданной вооруженной политической структуре, наспигованной агентами самых различных спецслужб мира, но вышедшей из-под их влияния.

Первый же вопрос, который возникает при попытке осмысления сути этого феномена, связан с адекватностью отражения его природы понятиями, сопрягающими его с исламом. Тем более что все чаще слышатся призывы отказаться от использования самоназваний этой организации, которые обосновываются тем, что их употребление ведет к отождествлению в массовом сознании терроризма с исламом и формированию специфического психологического восприятия террористической организации по схеме: «Исламское – значит террористическое, государство – значит какое-то мощное структурированное образование».

Вместо них все чаще предлагается использовать акроним ДАИШ являющийся сокращением самоназвания организации на арабском языке (араб. داعش), созвучным со словами, обозначающими «топающий/давящий ногами» и «сеющий раздор/разрушения». Сами ИГИловцы очень не любят это сокращение из-за его негативных эмоционально-оценочных оттенков, жестко наказывают тех, кто его использует. Поэтому акронимом ДАИШ чаще пользуются противники террористической организации.

Так в чем же суть феномена, который впервые заявил о себе в 1999 году как Организация единогобожия и джихада («Джамаат аль-Таухидваль-Джихад») и получил первоначальную известность как

«Иракская Аль-Каида»? «Исламским государством» организация стала именовать себя после ряда изменений самоназвания лишь в июне 2014 года. На захваченных ею территориях был провозглашен Халифат, а халифом объявлен Абу Бакр Аль-Багдади, который с начала 2004 года и до конца 2009 года находился в американской тюрьме Кэмп-Букка в городе Умм-Каср, что, собственно, и стало для многих аналитиков основанием объявления ИГ детищем спецслужб США.

Но для нас вопрос не в том, правомерно ли на основании факта пребывания Аль-Багдади и иже с ним в американской тюрьме констатировать подобное. Было бы очень странным, если бы спецслужбы разных государств не заботились бы о вербовке, финансировании, корректировке активности подобных ему лиц в угоду интересам своих национальных государств.

Вопрос в том, не является ли такой вывод упрощением проблемы, вуалирующим действительные причины социальных потрясений, которые за короткий промежуток времени взорвали ситуацию в ближневосточном регионе, и сформировали условия, породившие организации террористического характера. Очевидно же, что деятельность различных спецслужб приносит ощутимые плоды далеко не во всех регионах мира, а только там, где существует целый клубок нерешенных внутренних проблем, экономических, социальных, политических, религиозных и иных предпосылок перевода назревающих противоречий в фазу вооруженного конфликта. Внешний фактор, в данном случае – деятельность спецслужб США – играет, как правило, провокационную роль, а в последующем может превратиться в значимую причину перевода внутренних проблем в предельную фазу обострения.

Что же касается ДАИШ, то сегодня не секрет, что его прото-структуру создавали бывшие офицеры спецслужб Саддама Хусейна, включая деятелей партийной разведки БААС. И это сегодня является одной из причин того, что организация выгодно отличается от других террористических образований высоким профессионализмом своего офицерского состава, управленческих кадров, пропагандистского аппарата, структур обеспечения безопасности и пр.

Фактор активного участия в возникновении и укреплении ДАИШ военной разведки США, и не только, но и Великобритании, Саудовской Аравии, Сирии, Турции и др. стран, несомненно, должен быть учтен при осмыслении истоков организации, но его вовсе не следует преувеличивать. По нашему убеждению, использование разными спецслужбами возможностей ДАИШ в своих интересах, откры-

тая или тайная поддержка его террористической деятельности не может считаться достаточным основанием для рассмотрения Запада в качестве повивальной бабки организации.

Верно то, что США руками ДАИШ ослабляет правительство аль-Малики в Ираке, пытается свергнуть режим Башара Асада в Сирии и, тем самым, обессиливает союзников Ирана в Ираке и Сирии. Но это только одна сторона медали. Другая же сторона заключается в том, что и Иран, в свою очередь, активно использует укрепление ДАИШ как весомый аргумент давления на Запад и налаживания отношений с США. И Турция заигрывает с ним, используя время от времени его особенности и потенциал в своих интересах.

Более того, и ДАИШ умело пользуется возможностями спецслужб разных стран мира, манипулируя временным или частичным совпадением своих интересов с иными из противников для решения уже собственных стратегических и тактических задач. Очевидно, что и Россия не остается сторонним наблюдателем ближневосточного паянса. И это далеко еще не все политические нюансы, связанные с деятельностью ДАИШ, которые не позволяют нам однозначно определить, «кто в этой игре мышка, а кто кошка».

Вот ряд общеизвестных аргументов, которые ставят под сомнение роль Запада в создании ДАИШ.

Первый: практическая невозможность эффективного контроля и руководства деятельностью этой террористической организации.

Второй: неожиданность практически мгновенного превращения мало кому известной террористической группировки в значимую региональную военно-политическую силу и центр притяжения радикалов исламистов со всего мира.

Третий: все возрастающая массовая поддержка организации верующими-суннитами по всему миру.

В любом случае ДАИШ сегодня претает как мощная и самостоятельная военно-политическая структура, способная противостоять международной коалиции, включающей около 80 государств мира. Недавно в Британской газете «Гардиан» была опубликована внутренняя инструкция, проясняющая строение и особенности функционирования этого квазигосударства. Согласно этой инструкции в структуру ДАИШ входят:

1. Департамент достатка, нацеленный на использование старых специалистов в качестве управленцев производства, создание резервов для безостановочной работы предприятий и обеспечение нужд местного населения.

2. Департамент инвестпроектов, привлекающий инвесторов к вложениям в земли, предприятия, заводы.

3. Департамент образования, внедряющий исламские ценности и основы шариата.

4. Департамент внешних сношений, нацеленный на ведение «дипломатии по шариату».

5. Департамент пропаганды, обеспечивающий информационное сопровождение «побед» ДАИШ на поле брани и преступлений «неверных».

Отвлекаясь от множества других истоков и причин существования ДАИШ, сконцентрируем свое внимание на его идейно-политической основе.

В качестве идейно-политической основы ДАИШ многие исследователи указывают на ислам радикального толка. Однако вожди-вдохновители самой террористической организации не считают ислам радикального толка своей идеологической основой. Краеугольным камнем собственной идеологии они обозначают идею Всемирного Халифата, которая в массовом сознании верующих-мусульман воспринимается в качестве идеальной формы политико-правовой организации мусульманской уммы и которая реально является притягательной для мусульман всего мира идеей, к тому же способной повышать религиозную мотивацию террористов.

Во-первых, возрождение Великого Халифата идеологами терроризма представляется как возврат к исконным исламским политико-правовым ценностям.

Во-вторых, восстановление Халифата изображается как идеологическая реакция мусульманского мира на доминирование Запада и его вторжение не только в повседневную жизнь, но и сакральное пространство культуры ислама.

В-третьих, идеологи терроризма преуспевают в убеждении мусульман в том, что практическое воплощение Халифата в современных условиях возможно только лишь военными средствами и на пути мученичества.

В этой связи обратим внимание на одно заблуждение, играющее исключительно провокационную роль в разжигании исламофобии, а заодно и порождающие антизападный настрой в среде мусульман. Оно заключается в том, что некоторые отечественные, но преимущественно западные средства массовой информации систематически тиражируют суждения типа: «члены ИГИЛа придерживаются безумной идеи», а в качестве таковой называется идея Халифата.

Но идея Халифата для мусульманина не может быть безумной. В сознании мусульманина Халифат всегда предстает ясным политико-правовым воплощением мусульманской уммы. Он мыслится ими как форма практического объединения социальных, политических и сакральных смыслов жизни уммы, как социально-политическая реальность, единственно придающая подлинный смысл жизни мусульманской личности.

В то же время идеологическая привлекательность Халифата для вдохновителей терроризма обусловлена не сутью самой идеи, а возможностями ее тенденциозной трактовки и превращений, которые в последующем используются как сакральное обоснование террористической деятельности. С этой целью они селективно актуализируют отдельные аспекты этой великой для мусульман идеи, пропагандируют возможность личного участия мусульманина в ее практическом воплощении. При этом они виртуозно играют на необразованности мусульман, плохом знании ими истории и догматики аутентичного ислама, умело используют упрощенную логику и яркую риторику, подтасовывают информацию, манипулируют тенденциозно подобранными фактами.

Направляя с помощью идеологических превращений Халифата исторически накопившиеся обиды мусульман в выгодное для себя русло, идеологи терроризма оправдывают ненависть и вражду приверженцев Ислама ко всему светскому и немусульманскому, как правило, отождествляемому с Западом. Результатом таких манипуляций становится жесткое противопоставление мусульманского мира всему остальному человечеству. Иначе говоря, существующий на абстрактном уровне межцивилизационный конфликт, они, манипулируя идеей Халифата, переводят в конкретную плоскость политико-силового противостояния мусульман и немусульман.

Хотим мы того или нет, но надо признать, что вождям-вдохновителям ДАИШ, его идеологическому пропагандистскому аппарату удалось адаптировать идею Халифата к интересам своего квазигосударства и представить ее перед множеством мусульман по всему миру как борьбу за подлинный ислам и его ценности. Поэтому для эффективного идеологического противодействия терроризму в исполнении ДАИШ необходима не менее привлекательная для мусульман идея, как идея Халифата.

А какая идея может стать столь же значимой для мусульман, или что может быть идеологической альтернативой Халифата? Такой идеи нет, и не может быть по определению. Из чего следует, что

идеологическое противодействие ДАИШ может заключаться исключительно в разъяснениях подлинной сути Халифата и того, что террористическая организация представляет эту великую мечту мусульман в искаженном, трансформированном виде. Иначе говоря, нужно не объявлять Халифат безумной идеей, а, разъясняя ее подлинную сущность, противостоять попыткам поставить ее на службу терроризму.

В чем могут заключаться такие разъяснения? А в том, что террористические извращения Халифата, как они осуществляются идеологами ДАИШ, приводят к тому, что врагами ислама объявляются как все неверующие, так и приверженцы всех других религий. Более того, врагами ислама террористы, называющие себя мусульманами, объявляют других мусульман, не так молящихся, не так постящихся, не так одевающихся и пр. А если учесть, что не все толки даже суннитского ислама признаются за истинно исламские, то становится понятным, что трансформированная идеологами ДАИШ идея Халифата противопоставляет ее сторонников не только всему неисламскому миру современности и шиитской части мусульманкой уммы, но также большей части мусульман-суннитов. Таким образом, террористический Халифат – это политическое устройство, которое предполагает наличие в нем только представителей исключительно суннитского направления в исламе, которые должны утвердить свою власть путем насилия и террора, уничтожения всех несогласных.

Иначе говоря, идеология террористического Халифата мыслит себя в качестве абсолютно истиной, отвергающей ценности любых других идеологических систем. А это уже не что иное, как перевод идеи из плоскости исключительно мусульманского самосознания в общечеловеческую плоскость. И в этой плоскости превращенная идея Халифата утверждается именно как желание уничтожить любых оппонентов, даже если они находятся внутри исламской религии.

И это тогда, когда подлинный Халифат, как его представляют многие авторитетные исламские ученые, является стержневым исламским проектом справедливого обустройства общества и государства. Это проект движения к такой цивилизации, в которой все нормы *«направлены на сохранение души, разума, чести, религии и имущества людей, проявление уважения к людям, поощрение высоких нравов и принципов, возвеличивание ценности детей и женщин, сохранение окружающей среды, соблюдение прав творений Аллаха... Никто не должен чувствовать в этой цивилизации, что он ущемлен, или что на него оказывается давление....»* (Усама ас-Саййид Махмуд аль-Азхари. Явная истина в ответ тем, кто играет с религией и прикрыва-

ется ею, экстремистским течениям (от «Братьев-Мусульман» до ИГИЛ) с точки зрения исламских ученых. – Казань. – 2015. с. 89-90).

При таких разъяснениях становится очевидным, что ДАИШ имеет мало общего с подлинным Халифатом, что он не является политическим образованием, приемлемым для всей мусульманской уммы.

И все же ослабить влияние даже такой превращенной идеи Халифата на умы мусульман невозможно только одними военными усилиями коалиции или России. Нельзя забывать о признаниях многих видных боевиков в том, что они «вступили в ряды террористов из-за ненависти к западной "демократии" и социальному неравенству». А это значит, что для победы над идеологией терроризма необходимо устранить подлинные причины, привлекающие мусульман в террористически извращенный Халифат. Эти причины в каждой стране и в каждом конкретном случае индивидуальны, но есть и общие моменты. Среди них – низкий уровень жизни большинства мусульман региона, их разочарованность властью, высокий уровень коррупции, низкий моральный уровень части представителей официальных мусульманских структур и пр. Это все то, что в совокупности становится толчком к разочарованию в традиционном мироустройстве и переходу к радикальным идеям.

И в заключение скажу, что идея Халифата, даже в исполнении ДАИШ, является идеологией протестного движения тех социальных слоев на Ближнем Востоке, которые оказались выброшенными из социально-экономической и политической жизни собственных стран. Лишить превращенную идею Халифата влияния на массовое сознание возможно только комплексными мерами экономического, социального, политико-правового, духовно-нравственного, просветительского и воспитательного плана. Однако такие реформы в Ближневосточном регионе не проводятся сегодня и не просматриваются в обозримом будущем. А это значит, что и протестная превращенная идеология Халифата, подавляемая в одном месте исключительно военными мерами, будет неизбежно проявляться в другое время и в другом месте. И к этому тоже мы должны быть готовы.

Решняк М.Г.,
*заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук, доцент*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Как известно, квалификация преступлений предполагает установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактически совершенным деянием и признаками состава преступления, предусмотренными уголовным законом¹. Как показывает анализ открытых источников, нередко следователи, расследующие уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности, считают, что использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, при совершении указанных преступлений, необходимо изначально оценивать как публичный способ совершения преступления. Однако, с этим нельзя согласиться в полной мере.

Анализ статей 280, 280¹, 282 УК РФ показывает, что использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, является одним из альтернативных способов совершения данных преступлений, причем в ст. 282 УК РФ указанный способ является признаком объективной стороны его основного, а не квалифицированного состава. Однако, как показывает практика, при расследовании уголовных дел, предусмотренных ст.ст. 280 и 282 УК РФ, признак публичности учитывается в качестве обязательного во всех случаях, причем, как публичность автоматически расценивается сам факт использования информационно-телекоммуникационных сетей.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации², примерами публичных действий в сети Интернет могут являться размещение соответствующей информации на

---

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и дополн. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. С. 18.

² См.: абз. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля; п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной (массовой) рассылки электронных сообщений и т.п.). В этой связи необходимо согласиться с мнением тех ученых¹, которые утверждают, что само по себе использование сети Интернет для пересылки материала экстремистского характера не всегда означает совершение преступления, предусмотренное ст. 280 или ст. 282 УК РФ, поскольку в таких случаях необходимо установить еще и умысел соответствующего лица, а также другие признаки того или иного состава преступления. Поэтому, исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, если кто-либо в частной переписке по электронной почте с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети Интернет, допускает отдельные высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по национальному признаку, но при этом не инициирует распространения данной информации среди других пользователей, то в деянии отсутствует признак публичности, что не дает оснований для квалификации действий лица по ст. 282 УК РФ.

Традиционно первоначальный этап расследования любого преступления предполагает установление фактических признаков преступления, дающих основание для квалификации деяния. При осмотре места происшествия и проведении иных неотложных следственных действий первичная информация в основном касается объективных признаков преступления, поэтому его квалификация начинается именно с оценки обстоятельств, характеризующих объективную сторону состава преступления. Анализ и оценка указанных обстоятельств имеет существенное значение для определения наличия основания для возбуждения уголовного дела, в процессе расследования которого осуществляется дальнейшее исследование всех обстоятельств преступления.

Таким образом, содержание первоначального этапа расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, включает в себя аналитическую деятельность, направленную на определение юридического значения признаков, характеризующих совершение общественно опасных действий, прежде всего, способа и обстановки их осуществления, позволяющих сделать

---

¹ См.: Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2012. С. 401.

вывод об использовании указанных сетей и публичности деяния¹. При этом для правильной квалификации необходимо обращать внимание на выявление следующих, имеющих существенное значение, обстоятельств:

1) название, оформление и содержание сайтов или иных электронных ресурсов, в том числе их отдельных элементов, личных страниц в социальных сетях, в которых могут присутствовать слова и символы, прямо или косвенно свидетельствующие о направленности размещаемой информации на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

2) возможность свободного доступа к указанным электронным ресурсам, наличие ссылок на них в поисковых системах и данных, свидетельствующих о посещении их другими людьми.

При возникновении сомнений в характере выявленной информации необходимо обращаться к специалистам в соответствующих областях знания. Как показывает практика, по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, как правило, назначаются и проводятся не только лингвистические, но и иные экспертизы, в том числе комплексные, в частности, разные виды компьютерно-технической экспертизы. В большинстве случаев указанные экспертизы проводятся в процессе расследования, однако, в связи неполнотой исследования доказательств на стадии предварительного расследования, суд может назначить повторную экспертизу.

Помимо установления объективной стороны преступления, в действиях обвиняемого требуется установить наличие прямого умысла. То есть в его действиях необходимо найти конкретное проявление понимания им общественной опасности совершаемого деяния, в том числе осознание экстремистского содержания используемой информации, а также желание совершить соответствующее деяние.²

На основе выявленных объективных признаков можно получить информацию о субъекте соответствующих преступлений, в частности, о его возрасте, социальном статусе, роде профессиональной деятельности, интересах и т.д. (например, в социальных сетях можно получить информацию о месте рождения, местонахождении лица, его

---

¹ См.: Борисов С.В. Этапы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Международного юридического института. 2011. № 2 (38). С.4-6.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. - М.: ИД «Юриспруденция», 2015. С. 832 (автор – С.В. Борисов).

принадлежности к каким-либо сообществам, объединениям и т.п.). Данная информация может дать основания предположить наличие устойчивой группы и позволить определить потенциальное количество соучастников преступления.

Правильное установление признаков объективной и субъективной сторон преступления способствуют правильному определению объекта преступления. Это имеет существенное значение, так как направленность умысла может указать на нарушение иного объекта, который относится к преступлениям не экстремистской, а террористической направленности, например, к публичным призывам к осуществлению террористической деятельности.

Необходимо обратить внимание на то, что нарушения, допущенные в процессе расследования, в первую очередь, на первоначальном этапе, способны привести к признанию полученных доказательств недопустимыми и, как следствие, недоказанности причастности конкретного лица к совершению определенного деяния.

Практика показывает, что нередко лица, привлекаемые к уголовной ответственности за совершение преступлений, особенно таких, по которым еще практика расследования в полной мере не наработана, используют ошибки органов предварительного расследования, которых можно было бы избежать, в первую очередь, при более тщательном производстве неотложных следственных действий, ориентированных на доказывание наличия в содеянном фактических признаков, совпадающих с признаками состава соответствующего преступления.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что доказанность преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети Интернет, во многом определяется его первоначальным этапом, который призван установить наличие достаточной и непротиворечивой доказательственной базы для правильной квалификации деяния. При этом на первоначальном этапе расследования особое внимание необходимо обращать на признаки, характеризующие внешнее проявление таких преступлений, устанавливаемые уже при производстве неотложных следственных действий. Прежде всего, необходимо исследовать способ и обстановку совершения деяния, подтверждающие его публичность, а также содержание обращений, размещаемых в информационно-телекоммуникационных сетях.

Ищенко С.А.,
профессор кафедры административной деятельности ОВД
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор

Скребец Е.С.,
преподаватель-методист группы
профессионального обучения учебного
отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
адъюнкт кафедры административной деятельности ОВД
Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции

КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

Одной из актуальных и сложных проблем современной действительности является наличие в обществе идей и взглядов экстремистского характера. Распространение данных элементов экстремизма является серьезной проблемой, что в свою очередь влечет за собой необходимую, своевременную и опережающую реакцию со стороны всех субъектов противодействия экстремизму.

Важное значение функционирования всех правоохранительных органов является координация деятельности, ее согласованность и систематическое совершенствование.

В связи с этим в Указе Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 года № 1316 определено: на органы внутренних дел возложена функция головного координатора всей деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности.

Считаем, что сложившаяся обстановка в мире, возрастание правонарушений экстремистской направленности в России, проникновение представителей экстремистских организаций на территорию нашего государства и активизация их деятельности по распространению своих идей вызывает особую и обоснованную тревогу. Поэтому отдельное внимание необходимо уделить проблеме организации и координации деятельности субъектов противодействия экстремизму.

Так, научные подразделения, разрабатывающие методические рекомендации по координации действий правоохранительных органов в общем и полиции в частности должны иметь в своем арсенале

как теоретические знания, так и информацию практического характера по данному направлению.

Под координацией принято понимать формирование деятельности различных государственных органов для достижения общих целей и задач государственного управления. Таким образом координация означает согласование всех действий в организации (подразделении) для обеспечения эффективности и успеха. Грамотно выстроенная координация деятельности сотрудников полиции в административной сфере в целях противодействия экстремизму также в существенной степени позволит добиться желаемого результата в борьбе с этим негативным явлением.

Успешной борьбе с проявлениями экстремизма способствует тесное взаимодействие служб и подразделений как между собой, так и иными организациями, гражданским обществом. Практический опыт в данном аспекте является руководящим элементом эффективного противодействия угрозам экстремизма. При этом обмен полученным опытом способствует расширенному и углубленному изучению причин существования, условий распространения, а также поиску наиболее эффективных способов и методов противодействия экстремизму.

Основным органом координационных отношений в сфере противодействия экстремизму является Главное управление по борьбе с экстремизмом, который является главным координатором и оперативным подразделением Министерства внутренних дел Российской Федерации в сфере противодействия экстремистской деятельности, основные задачи которого состоят в:

- организации и участия в формировании основных направлений государственной политики по вопросам своей деятельности;
- противодействию экстремистской деятельности и терроризму;
- организации взаимодействия подразделений Министерства с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам своей компетенции;
- координации в установленном порядке деятельности территориальных органов МВД России и подразделений центрального аппарата МВД России по вопросам деятельности ГУПЭ МВД России;
- организационно-методическом обеспечении и оказании практической помощи территориальным органам МВД России и их структурным подразделениям по вопросам своей деятельности.

Вся структура МВД в сфере экстремистской направленности скоординирована и иерархична. Так в каждом регионе России действуют Центры по противодействию экстремизму, которые выполняют свои функции в зависимости от региональных особенностей, криминогенной обстановки и других факторов. Главными управлениями, управлениями областей различных регионов России накоплен значительный опыт координации подразделений полиции в данной деятельности. В районных отделах внутренних дел создаются группы по реагированию на правонарушения экстремистской направленности, в состав которых входят участковые уполномоченные, сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних, уголовного розыска и др.

Другим не менее важным элементом эффективной координации административной деятельности полиции является ведение учета правонарушений, которые совершены экстремистами, а также лиц, которые подпадают под подозрения в экстремистской деятельности. Получение, регистрация, оценка и учет информации должен осуществляться с использованием новых информационных технологий, стоящей на вооружении МВД России.

Административный процесс осуществления координационных действий руководителями органов внутренних дел также направлен на предупреждение экстремистской деятельности, то есть осуществление и проведение предупредительных мероприятий. В данном контексте важное значение имеет сотрудничество полиции с гражданским обществом, представителями организаций, диаспор, религиозных объединений.

Информационная война, существующая сегодня, также требует глубокого анализа и выработки легитимного и эффективного противодействия. Всемирно поглощенная людьми сеть Интернет, в текущее время, представляет собой одну из основных угроз в рамках распространения экстремистских настроений. Мы вполне солидарны с мнением А.А. Коноплевой в том, что информационное противодействие экстремизму представляет собой комплекс просветительских и психологических мер, предпринимаемых государственной властью и гражданским обществом, с целью предупреждения развития радикальных взглядов и убеждений, становящихся основой для развития экстремизма. В данном контексте С.А. Буткевич определяет, что в целях противодействия экстремизму должны реализовываться следующие мероприятия: обеспечение информационной открытости органов публичной власти; повышение эффективности работы пресс-

служб органов безопасности и правопорядка в этой сфере; активизация информационно-пропагандистской работы муниципалитетов, СМИ и образовательных организаций с целью изменения общественного мнения в сторону неприятия всеми слоями общества любых проявлений терроризма и экстремизма; усиление факторов формирования общероссийской идентичности, укрепления государственности, межнациональных отношений, снижения уровня религиозного противостояния; вовлечение молодежи в мероприятия по профилактике экстремизма и терроризма; сокращение пособнической базы, имеющих сторонников и потенциальных неопитов данных деструктивных течений; формирование гражданского, патриотического сознания, духовно-нравственной основы личности, укрепление дружбы между народами; повышение правовой грамотности специалистов по работе с молодежью муниципалитетов и кадровых подразделений образовательных организаций.

Проводимые мероприятия в Российской Федерации за последние 10 лет показывают, что в стране успешно существует и реализуется государственная политика в сфере противодействия экстремизму во всех формах его проявления. Все чаще комплексно используются методы противодействия экстремизму (социальные, экономические, идеологические, административные), что в свою очередь позволяет успешно противодействовать проявлениям экстремизма на всех уровнях его организации.

Баженов С.В.,
докторант адъюнктуры Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ И ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В соответствии с законодательством Российской Федерации подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), при проведении контролируемых поставок, проверочных закупок, оперативного эксперимента, сбора образцов для сравнительного исследования, оперативного внедрения, исследования предметов и документов наделены правом использования оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (далее – оружия и предметов вооружения). Отдельные положения их использования в ходе ОРМ урегулированы Федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Законом об ОРД), «Об оружии», «О полиции», «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Уголовным кодексом Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, рядом других нормативных правовых актов.

Однако порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в этих ситуациях до настоящего времени не определен. В результате проведенного нами исследования мы не смогли найти нормативные правовые акты, регламентирующие допустимые границы использования оружия и предметов вооружения в оперативно-розыскной деятельности, источники их приобретения, возможность передачи третьим лицам. Отсутствие правового регулирования нередко приводит к негативным последствиям и, как следствие, к привлечению оперативных уполномоченных к уголовной ответственности за незаконные действия.

В первую очередь нельзя упускать из вида, что проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, не допускается, если они проводятся на основании сведений о противоправном деянии, содержащем признаки преступления, предусмотренного ч.ч. 1 или 4

ст. 222 УК РФ, т.к. по этим составам проводится дознание, а не следствие. Это обусловлено тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД проведение ОРМ, которые ограничивают вышеупомянутые конституционные права граждан, допускается только при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

Кроме того, необходимо соблюдать требование исключения возможности провокации при проведении проверочной закупки. Результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора, только если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот оружия и предметов вооружения, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

При этом для принятия решения на осуществление оперативно-розыскных мероприятий по контролю за незаконной перевозкой или пересылкой оружия и предметов вооружения требуется наличие следующих условий:

- факт обнаружения органами внутренних дел перевозимых оружия и предметов вооружения неизвестен преступникам;
- имеется достаточный запас времени, необходимый для разработки операции и согласования ее плана со всеми взаимодействующими органами;
- в случае проведения межгосударственной контролируемой поставки нет препятствий со стороны действующего законодательства и правоохранительных органов государств, через территории которых будет следовать контролируемый груз;
- имеется возможность обеспечить надлежащий контроль за сохранностью перевозимого груза по всему маршруту следования и безусловное пресечение его использования в преступных целях.

Последнее положение может иметь различное толкование, не имеет четкой правовой регламентации и его следует рассмотреть более подробно. При проведении оперативного эксперимента или контролируемой поставки оружия и предметов вооружения, пригодных к использованию по назначению, по нашему мнению, нельзя допускать их попадания в боеспособном состоянии к лицам, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие.

В частности, при обнаружении партии оружия и предметов вооружения и необходимости проведения контролируемой поставки или оперативного эксперимента в случае вероятности утраты за ними контроля в ходе проведения ОРМ предлагаем использовать полную или частичную замену оружия и предметов вооружения на муляж, что подлежит отражению в постановлении на проведение данного ОРМ. Факт изъятия оружия и предметов вооружения, вместо которых использован муляж, можно оформить протоколом изъятия в ходе проведения ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования».

Представляет интерес, что если будут выявлены оружие и предметы вооружения, нелегально ввозимые в Российскую Федерацию или вывозимые из нее, то они могут быть полностью или частично изъяты или заменены в порядке, определяемом Положением об изъятии или о замене товаров, ввозимых в Российскую Федерацию и вывозимых из Российской Федерации, при осуществлении контролируемой поставки¹.

Если контролируемая поставка или оперативный эксперимент проводятся в отношении единичных образцов, то как мы считаем, возможна также передача оружия и предметов вооружения, предварительно обработанных для снижения их поражающего действия, либо частей оружия и боеприпасов, если промежуток времени, необходимого для приведения с их использованием оружия и предметов вооружения в боеспособное состояние, заведомо больше промежутка времени, необходимого для задержания лиц, их получивших. Для опровержения вероятной линии защиты лиц, в отношении которых проводилось данное мероприятие, которые могут заявить, что хотели приобрести именно недействующее оружие, как это и произошло в действительности, мы придерживаемся мнения, что факт предварительной обработки оружия и предметов вооружения подлежит отражению в постановлении на проведение данного ОРМ, и оно должно быть до этого исследовано и признано пригодным к использованию.

Следует отметить, что по нашему мнению, необходимо будет сделать исключение из вышеуказанного правила о необходимости снижения поражающих свойств оружия и предметов вооружения, если контролируемая поставка проводится в зоне действия правового режима контртеррористической операции для установления местона-

---

¹ Об утверждении Положения об изъятии или о замене товаров, ввозимых в Российскую Федерацию и вывозимых из Российской Федерации, при осуществлении контролируемой поставки : пост. Правительства РФ от 5 ноября 2003 г. № 671 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 45. ст. 4389.

хождения членов незаконных вооруженных формирований либо иных лиц, причастных к террористической деятельности.

В этих условиях выявление преступниками негодности полученных ими оружия и боеприпасов нередко может привести к смерти лица, осуществляющего поставку. Помимо этого, данное ОРМ при проведении контртеррористической операции чаще всего преследует цель не документирования преступных действий проверяемого, а установления местонахождения членов незаконных вооруженных формирований и их связей для немедленного задержания или ликвидации, что не дает им времени воспользоваться переданным им оружием.

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на процедуру осуществления гласных ОРМ, связанных с использованием оружия и предметов вооружения, является необходимость обеспечения безопасности лиц, принимающих в них участие. При изъятии взрывных устройств и взрывчатых веществ обязательно присутствие специалиста-взрывотехника. Взрывное устройство упаковывается отдельно от детонатора. В случае опасности транспортировки изъятые взрывчатые вещества и взрывные устройства подлежат уничтожению на месте. Решение об уничтожении и способе уничтожения принимается специалистом-взрывотехником, о чем указывается в акте осмотра объекта¹.

Кроме того, если производство гласного ОРМ связано с опасностью для жизни и здоровья людей, оно может производиться без участия представителей общественности, о чем в документе, описывающем ход и результаты ОРМ, делается соответствующая запись. Для удостоверения хода проведения, а также фиксации места и характеристик изъятых в случае проведения ОРМ без участия представителей общественности, на наш взгляд, следует применять технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе проведения ОРМ применение технических средств невозможно, то оперативный сотрудник может сделать об этом пометку в документе, описывающем его ход и результаты. В ст. 43 авторского проекта «Оперативно-разыскного кодекса Российской Федерации» В. Ф. Луговик рассматривает схожую ситуацию, когда «понятые» не участвуют в проведении оперативно-разыскного мероприятия², но мы хотели бы акценти-

---

¹ Об утверждении Порядка осуществления приема изъятых, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ: приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107 (пп. 10,11).

² Луговик В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. – Омск : Омская юрид. академия, 2014. С. 61.

рывать внимание, что в его предложении не отражены условия, наличие которых требуется для того, чтобы их отсутствие было признано допустимым.

Далее мы хотели бы рассмотреть, из каких источников возможно получение оружия и предметов вооружения для использования в оперативно-розыскной деятельности. Мы предлагаем порядок, аналогичный использованию в ОРД наркотиков. В связи с этим, на наш взгляд, было бы целесообразно принять нормативный правовой акт, предусматривающий возможность передачи оружия из следствия, дознания или суда для использования в ОРД. В соответствии с ним сотрудник оперативного подразделения на любой стадии расследования уголовного дела или доследственной проверки по факту изъятия оружия и предметов вооружения до разрешения уголовного дела судом либо принятия решения о прекращении или об отказе в возбуждении уголовного дела должен будет направить в орган дознания, следствия или в суд мотивированную заявку. Использование в ОРД оружия и предметов вооружения, являющихся вещественными доказательствами, не допускается.

В случае положительного решения вопроса копия приговора (постановления, определения) суда либо постановление следователя или органа дознания о прекращении или об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием в нем необходимости передачи оружия и предметов вооружения для использования в ОРД в соответствующее оперативное подразделение должна быть направлена для исполнения в орган, обеспечивающий хранение оружия и предметов вооружения, и инициатору заявки.

Еще одним вариантом является выдача со складов вооружения оружия и предметов вооружения из числа не признанных вещественными доказательствами изъятых, добровольно сданных, найденных оружия, патронов к нему и боеприпасов, которая может быть произведена на основании приказа руководителя органа, уполномоченного на осуществление ОРД, по запросу заинтересованного подразделения.

Получив оружие и предметы вооружения, сотрудник оперативного подразделения будет нести персональную ответственность за их сохранность.

В случае отсутствия необходимости в использовании оружия и предметов вооружения в ОРД, оно должно быть сдано на склад вооружения, с которого выдавалось.

В случае утраты или расходования оружия и предметов вооружения (или их части) в ходе ОРМ инициатор его проведения должен

будет немедленно доложить об этом рапортом руководителю органа, уполномоченному на осуществление ОРД.

В заключение мы хотели бы акцентировать внимание, что отсутствие правовой регламентации поднятых в статье вопросов приводит к боязни оперативных сотрудников использовать оружие и предметы вооружения в оперативно-розыскных мероприятиях, снижению наступательности оперативно-розыскной деятельности и вызывает настоятельную необходимость в устранении выявленных нами пробелов.

Трикоз Е. Н.,

*доцент кафедры истории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов (г. Москва),
кандидат юридических наук, доцент*

Швец А.А.,

*доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар),
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ АВСТРАЛИИ, КАНАДЫ, ИНДИИ

Эти три государства относятся к *англосаксонской модели анти-террористической политики*, где выработаны следующие *основные принципы* антитеррористической стратегии: развитие внутреннего анти-террористического законодательства с ужесточением мер уголовного наказания; антитеррористическая деятельность национальных правоохранительных органов; пропагандистское обеспечение антитеррористических действий властей через СМИ¹. Во всех трех государствах – Австралии, Канаде и Индии сложились два главных направления противодействия терроризму: недопущение террористических актов внутри страны (антитерроризм на внутригосударственном уровне) и нейтрали-

---

¹ Например, контрпропаганда исламизма в Индии, где велико влияние этого движения, блокирование используемых для вербовки веб-ресурсов, распространение альтернативных предложений о волонтерстве в гуманитарных проектах, др. См.: *Плахтич Е.В.* Практика борьбы зарубежных государств с международным терроризмом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 21.

зация террористических угроз за рубежом (контртерроризм на международном уровне)¹.

Питательной средой современного терроризма в странах – бывших членах Британского Содружества наций являются нищета, неконтролируемая миграция, религиозно-этнические конфликты, иные несправедливости. Здесь считают, такова официальная позиция по крайней мере в Канаде и Австралии, что продвижение демократии и либеральных ценностей при помощи дипломатии и других *невоенных методов* является наиболее эффективным средством отражения террористических угроз². Однако, несколько лет назад возникла трудно решаемая дилемма, когда в борьбе с терроризмом столкнулись две фундаментальные *демократические ценности*: обеспечение безопасности и защита гражданских свобод³.

Все три указанные в заголовке государства относятся к группе бывших доминионов Содружества наций, которые раньше других членов Британской империи получили нетипичные для этой правовой традиции кодифицированные акты – собственные *Уголовные кодексы*. Кроме того, их сближает сходная двухуровневая система уголовно-правового регулирования (федерация – штаты/провинции). Сегодня эти три государства играют роль «активного гражданина» в мире, основываясь на общих культурно-правовых ценностях и национальных интересах в противодействии террористическим угрозам.

Уголовно-правовая система Австралии (Австралийского Союза) частично кодифицирована – на уровне трех из шести штатов (Квинсленд, Западная Австралия и Тасмания) и в самой федерации⁴. В остальных штатах и двух союзных территориях изданы консолидированные акты по английскому образцу, устанавливающие ответственность по определенным преступлениям (убийства, кражи, терроризм, коррупция и др.)⁵. За последние два года Австралии существенно ужесточила свое федеральное антитеррористическое законодательство. Принят закон о слежке за

---

¹ Чуганов Е.Г. Международно-правовые стандарты и нормы в области противодействия терроризму // Российский следователь. 2004. № 12.

² Зеленый В.В. Эволюция подходов к решению проблемы терроризма на примере США и России // Власть. 2009. №12. С. 78.

³ Keum H., Hillback E.D., Rojas H., Zuniga de H.G., Shah D.V., Mcleod D.M. Personifying the Radical – How news framing polarizes security concerns and tolerance judgments // Human Communication Research. 2005. № 31(3). P. 337-364.

⁴ Козочкин И.Д., Трикоз Е.Н. Основные принципы австралийского уголовного права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. №2. С. 161-165.

⁵ Уголовный кодекс Австралии 1995 г., принят федеральным парламентом Австралийского Союза в марте 1995 г.; Общая часть вступила в действие 15 декабря 2001 г. = The Criminal code act 1995 of Australia / Пер. с англ. Е.Н. Трикоз; Науч. ред. И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз. СПб., 2002. 386 с.

гражданами в целях борьбы с киберпреступностью и терроризмом, согласно которому телекоммуникационные компании и Интернет-провайдеры должны в течение года хранить данные об активности телефонных абонентов и пользователей. Согласно Закону о лишении гражданства за террористическую деятельность 2015 г., лицо может утратить гражданство Австралии вследствие признания его виновным в следующих преступлениях, предусмотренных УК Австралийского Союза 1995 г.: международная террористическая деятельность с использованием взрывчатых веществ или смертоносных устройств; призывы к терроризму; шпионаж и схожая деятельность; нападения и вербовка за рубежом; подстрекательство к мятежу; терроризм. Кроме того, санкции по этому Закону 2015 г. могут распространяться на лиц, которые замечены в участии в «определенных террористических действиях», в том числе предоставление или получение обучения, связанного с подготовкой, участием или содействием в террористическом акте; руководство деятельностью террористической организации; вербовка для террористической организации; финансирование терроризма, финансирование террориста; либо участие в нападениях и вербовке за рубежом. Например, в 2017 г. подобная санкция о лишении австралийского гражданства на основании вышеуказанного Закона коснулись Халида Шаруфа, сына ливанских эмигрантов, обвиненного в терроризме за то, что он в 2014 г. опубликовал фотографию своего 7-летнего сына, державшего в руках отрубленную голову казненного¹.

Уголовный кодекс Канады 1892 г. как один из старейших в британском правовом сообществе действует по настоящее время в редакции 1985 года². Но вплоть до 2001 года этот Кодекс не содержал уголовно-правовых положений, связанных с *терроризмом*. Лишь после трагических событий 11 сентября 2001 г. был принят специальный «*Антитеррористический закон*» Канады (Закон «О борьбе с терроризмом С-56») 2001 г.³ Среди его новелл расширение определения «посягательств на безопасность», охватывающее простые «вмешательства, которые различным образом влияют на экономическую и финансовую стабильность Канады» (как, например, сепаратистская демонстрация в Квебеке, мирные протесты «Первых Наций» или блокада экологами строительства нефтепровода). Закон предоставил правительству широкие полномочия определять, какие люди и организации представляют угрозы националь-

---

¹ Подробнее см.: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/12/v-avstralii-vpervye-primenen-zakon-o-lishenii-grazhdanstva-za-terrorizm> (дата обращения: 01.05.2017).

² An Act respecting the criminal law, R.S., 1985, C-46, as amended // <http://laws.justice.gc.ca/en/C-46> (дата обращения: 01.05.2017).

³ The Anti-terrorism Act, C-56, S.C. 2001, c. 41.

ной безопасности, заметно ограничивает свободу выражения мнений и политическую активность граждан, позволяет Министерству здравоохранения и Налоговой службе, которые напрямую не связаны со службами безопасности Канады, раскрывать без ордера личную информацию о гражданах по запросам Королевской канадской конной полиции. Закон С-56 также направлен на ужесточение режима т.н. «превентивных арестов», в два раза увеличивая длительность арестов без предъявления обвинений, в том числе по простому подозрению в вероятной будущей деятельности. Так как УК Канады и без того позволял полиции арестовывать, задерживать и накладывать ограничения (например, комендантский час, запрет на поездки) в отношении людей, которые никогда раньше не обвинялись в преступлениях, но существуют веские основания полагать, что они могут потенциально участвовать в террористической деятельности. «Антитеррористический закон» расширил полномочия Канадской службы разведки и безопасности, предоставив ей права, аналогичные полномочиям полиции, но при этом сохранив за ней право на тайную деятельность, разведку и слежку с целью сбора информации¹.

Наконец, этот Закон ввел в УК Канады новую Главу II.1 под названием «Терроризм». Под этим преступлением здесь понимается деятельность, преследующая политические, религиозные или идеологические цели, угрожающая общественной безопасности, вызывающая гибель людей, наносящая им физическое увечье и создающая опасные условия для жизни человека². В Главе II.1 УК Канады содержатся также положения об уголовно-правовом преследовании за финансирование террористических действий, а также необходимость ведения особых списков террористических организаций, способы замораживания их счетов и конфискации их имущества. Здесь впервые была установлена наказуемость простого участия и содействия (как форм преступного соучастия), а также введен новый состав в виде *обучения и укрывания террористов*. Эти положения направлены в том числе на запрещение свободных объединений с террористическими целями и террористических организаций в Канаде³.

---

¹ Alyssa Stryker, Carmen Cheung. Six Things Protesters Need to Know about Bill C-51. Preventative arrest? Secret police? Rights lawyers break down anti-terrorism law // The Tyee, March 14, 2015. URL: <https://www.commondreams.org/views/2015/03/14/six-things-protesters-need-know-about-bill-c-51> (дата обращения: 01.05.2017)

² МаршакOVA Н.Н. Дефиниция терроризма в доктринальных и законодательных источниках // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2015. №2 (82). С. 8.

³ Дело в том, что «свобода объединений» признается конституционными законами Канады, например, в т.н. Билле о правах Канады 1960 г. говорится: «...признается и заявляется, что в Канаде существовали и будут существовать ... основные свободы, а именно свобода объединений и мирных собраний» (п. «е» раздела 1).

В сентябре 2003 г. канадские спецслужбы признали существование в стране около 50 международных террористических организаций¹.

В современный период основными группами террористической угрозы в Канаде признаются сикхи, мусульмане, армяне, франкоговорящие сепаратисты². Так, в 1980-е гг. террористы из «Армянской революционной армии» атаковали турецкое посольство в Канаде, убили охранника и взяли заложников, а сикхские террористы взорвали индийский пассажирский самолет, вылетевший из Ванкувера (погибло 329 пассажиров). Но при этом в этой стране действуют строгие нормы, запрещающие расистские выступления, пропаганду и провокационные заявления, выражающие ненависть или презрение на основании вероисповедания, национальности, расовой или этнической принадлежности. В Канаде существует особый уголовно-правовой состав в виде возбуждения религиозной вражды и оскорбления религиозных чувств верующих (*hate speech* – «враждебная речь»). Верховный Суд Канады особо подчеркнул в своем решении то, что *hate speech* несет в себе двойной вред, так как причиняет психологический и моральный ущерб отдельным лицам, и в то же самое время направлена против социальной и нравственной структуры всего государства. Нормы об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств содержатся в «общем праве» Канады, и предусматривают необходимость представить доказательства того, что оно угрожало общественному спокойствию либо содержало умысел на разжигание розни, либо вероятность нарушения мира в результате этих преступных действий³.

В 2014 г. террорист исламского вероисповедания радикального толка расстрелял почетный караул у военного мемориала в Оттаве и затем проник в местный парламент, где и был убит полицией⁴. После этой атаки премьер-министр Канады С. Харпер пообещал ужесточить борьбу

---

¹ North of the Border / CBS News. 07.09.2003. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2003/09/04/60minutes/main571584.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 24.05.2017).

² Johnston H.J.M. *Jewels of the Qila: The Remarkable Story of an Indo-Canadian Family* (2012); См.: Sikhism in Canada // <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/sikhism/> (дата обращения: 01.05.2017).

³ См.: Предупреждение и борьба с терроризмом: российский и зарубежный опыт законодательного регулирования (этноконфессиональный аспект) // Аналитический вестник Федерального Собрания РФ. Вып. 17. Сер. «Государственное строительство и конституционные права граждан». М., 2003. URL: <http://www.antiterror.ru/text/library/comments/70778520> (дата обращения: 01.05.2017).

⁴ Terrorism in Canada: Timeline of plots, attacks, and allegations // <http://www.ctvnews.ca/canada/terrorism-in-canada-timeline-of-plots-attacks-and-allegations-1.2067337> (дата обращения: 01.05.2017).

с терроризмом. И вот в мае 2015 г. вступил в силу новый Закон, разрешающий лишать гражданства лиц, признанных виновными в терроризме, государственной измене или шпионаже. Хотя его положения критикуются как неконституционные со стороны защитников прав человека. Более того, как заявил министр Канады по вопросам гражданства и иммиграции К. Александэр, при наличии неопровержимых доказательств, что кто-то выезжает из Канады для совершения преступлений террористической направленности, канадские власти будут приостанавливать или аннулировать действие их паспортов¹, и в первую очередь речь идет о канадцах, выезжающих на Ближний Восток воевать в Сирии и Ираке в составе террористической организации «ИГ»².

Таким образом, Канада проявляет заметную активность в борьбе с *международным терроризмом*, оперативно включается в выработку резолюций Совета Безопасности ООН и международно-правовых инициатив развитых стран³. Сегодня можно видеть ряд отличий политики премьер-министра Дж. Трюдо от прошлой уголовно-правовой стратегии Канадского правительства. В частности, он отказался в настоящее время от участия канадских военно-воздушных сил в авианалетах на позиции «Исламского государства» в Сирии и Ираке, хотя и сохранил практику обучения солдат иракской армии. Трюдо принципиально не использует в своей политической риторике одиозную концепцию «война против Исламского государства», что отвечает ожиданиям рядовых канадцев и профессионалов внешней политики.

Уголовный кодекс Индии 1860 г. был первым в Британской колониальной империи кодификационным актом уголовного права⁴. Англичане в спешном порядке после кровопролитного восстания сипаев в 1857 г. приняли этот УК, где предусмотрели ответственность за различные формы преступного соучастия, националистические выступления, сепаратистские мятежи и террористические угрозы. Сегодня в Индии внутренний терроризм связан с насильственными практиками различных фунда-

---

¹ Цит. по ст.: «В Канаде начали аннулировать паспорта граждан, уличенных в связях с террористами» // URL: <http://antiterrortoday.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/kanada...> (дата обращения: 01.05.2017).

² «Исламское государство» (ИГ) – террористическая организация, запрещенная на территории России.

³ *Абдуллин А.Ш.* Конвенциональное регулирование российско-канадского сотрудничества в рамках борьбы с международным терроризмом // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 116.

⁴ Central Act XLV of 1860, или “IPC” (Indian Penal Code) // The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an Analytical Abstract Prefixed to Each Act. Vol. 5. Calcutta, 1862. P. 129-266.

менталистских движений¹. Это националистические движения малых народов на северо-востоке (штаты Ассам, Манипур, Нагаленд, Трипура), религиозный сепаратизм на северо-западе (два штата – Пенджаб и в особенности Джамму и Кашмир), и левый радикализм наксалитов, своего рода полоса «красных» территорий, находящихся под влиянием маоистов².

В штатах Бихар, Гуджарат, Орисса и Уттар-Прадеш местные христианизированные племена нередко становятся мишенью для индуистских террористических группировок, которые атакуют их деревни и церкви, грабят, насилуют и убивают женщин, детей, монахинь, пасторов. Так, в 1992 г. группировка индуистских фанатиков буквально снесла древнюю исламскую мечеть могольского императора Бабура в штате Уттар-Прадеш, где мусульманское население составляло 31 млн. человек. Этот случай спровоцировал волну столкновений между мусульманами и индусами в различных частях Индии³.

В современный период террористическая сеть в Индии охватывает не только индусские группировки, но и мусульманскую диаспору в Кашмире. Конфликт здесь зародился еще в середине прошлого века сначала как борьба за определение территориальной принадлежности «Джамму и Кашмир», бывшего княжества Британской Индии. Но до сих пор здесь сохраняется конфликтогенный конфессиональный потенциал, с учетом ядерного статуса Индии и Пакистана, и сложившегося в Кашмире рассадника исламского терроризма и экстремизма⁴. Кроме того, высокое напряжение существует в северо-восточном регионе Индии, где прохристианские сепаратистские организации «Национальный фронт освобождения Трипура» и «Национал-Социалистический Совет Нагаленд» периодически требуют независимости, хотят создать собственное христианское государство.

В специальном Законе Индии о борьбе с терроризмом 2002 г. было дано более полное (расширенное) определение террористического акта, с учетом судебной практики и особенностей национал-террористической

---

¹ Swamy S. Terrorism in India. New Delhi, 2008. P. 3.

² Яковлев А.Ю. Индийский терроризм: история и современность // Власть. 2009. № 5. С. 50-53.

³ Babri mosque demolition case hearing today // Yahoo News. 18 September 2007; Скосырев В. Индийскую оппозицию уличили в заговоре // Независимая газета, 26.11.2009.

⁴ За последние два десятилетия в этом штате произошло более 64 тыс. терактов, свыше 2,5 тыс. человек похищены. Soundrarajan R., Rajan P. Impact of Terrorism on Jammu and Kashmir Tourism. Delhi, 2006. P. 167.

деятельности в Индии¹. В приложении к этому Закону помещен перечень более двух десятков экстремистских и террористических группировок, в том числе базирующихся в Пакистане – «Харкат-уль-Муджахеддин»², «Джаиф-и-Мохаммад» и «Лашкар-э-Тайба»³. В частности, члены этой последней были обвинены в организации теракта 13 декабря 2008 г. в здании индийского парламента. И в тот же день нападения боевиков на Мумбаи погибли более 170 человек, свыше тысячи были ранены.

С учетом вышеописанной криминогенной обстановки, Индия разрабатывает прикладное уголовное законодательство и принимает анти-террористические стратегии. Властями страны ратифицированы важнейшие международные конвенции о борьбе с терроризмом, а их положения имплементированы во внутреннее законодательство – в Особенную часть УК Индии 1860 г. и специально принятые законы (например, Акт о противодействии угонам с похищениями людей, 1982 г.; Акт о подавлении незаконных актов, представляющих угрозу безопасности гражданской авиации, 1982 г.; Акт о наркотических и психотропных веществах 1989 г.; Акт о Конвенции Организации Регионального Сотрудничества стран Южной Азии (SAARC) о противодействии терроризму, 1993 г.). Важно напомнить, что в рамках ООН дорабатывается предложенный именно Индией проект «Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом».

Для снижения накала внутреннего терроризма на религиозной почве в Индии принято пять специальных уголовных законов, предусматривающих тюремное заключение за умышленное разжигание межобщинной ненависти. Законодательством запрещаются оскорбления по религиозному или национальному признаку (англ. *hate speech*) против какой-либо религиозной группы, касты или общины. Государство вправе запрещать организации, придерживающиеся экстремистских религиозных позиций, подвергать цензуре фильмы и произведения искусства. В частности, Таможенный закон Индии 1962 г. устанавливает запрет на импорт/экспорт товаров, включая книги и другие издания, если в них содержатся оскорбления по религиозному признаку⁴. Так, совсем недавно в

---

¹ Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего, индийский национализм и история // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 108-129.

² Их лидер Саид Салауддин в Пакистане периодически делает громкие публичные заявления с призывами к джихаду против всех индусов, США, Индии и демократии в целом. См.: Гринько С. Понятие терроризма // Законность. 2005. № 8. С. 41.

³ Данная группировка несет ответственность за серию убийств кашмирских пандитов (брахманов-богословов) в Джамму и Кашмире в 1998 г.

⁴ См.: Предупреждение и борьба с терроризмом: российский и зарубежный опыт законодательного регулирования (этноконфессиональный аспект) // Аналитический вестник Федерального Собрания РФ. Вып. 17. М., 2003. URL: <http://www.antiterror.ru/text/library/comments/70778520> (дата обращения: 01.05.2017).

2014 г. министерство внутренних дел Индии запретило прокат фильма «Kaam De Heere» об убийстве премьер-министра Индиры Ганди за якобы «возвеличивание» убийц, которыми оказались сикхи – ее собственные телохранители, осужденные впоследствии к смертной казни¹. Представители власти напомнили, что тогда поводом к трагедии в 1984 г. стало подавление правительством Ганди сепаратистского восстания сикхов в штате Пенджаб, в ходе которого военные осквернили главную святыню этой религиозной общины – «Золотой храм» в Амритсаре. После политического убийства Ганди страну захлестнули массовые нападения на сикхов, которые привели к гибели только в Дели более двух тысяч сторонников этой религии.

Таким образом, к началу XXI в. в трех рассмотренных бывших доминионах Британского Содружества Наций – Австралии, Канаде и Индии сложилась такая комплексная модель антитеррористического законодательства, сочетающая в себе элементы криминологической модели, которая распространена в бывшей их метрополии – Великобритании (а также в Японии, Израиле, Филиппинах и др.) и собственно уголовно-правовой модели (в чистом виде присутствует, например, в Германии, Испании, Грузии и др.). Именно такая модель также формируется в настоящий период в Российской Федерации². Следует отметить отсутствие в законодательстве указанных англосаксонских государств унифицированной дефиниции террористической деятельности и четких элементов (критериев) криминализации международного терроризма. Они идут по пути расширения перечня деяний, составляющих терроризм, и криминализируют преступное соучастие в нем и даже простое содействие террористической деятельности. Во исполнение Международной Конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999 г., в отдельных из рассмотренных стран (кроме Индии) установлена самостоятельная ответственность за финансирование терроризма в специальном законодательстве о противодействии терроризму.

---

¹ Напомним, что сын Индиры Ганди Раджив, ставший премьер-министром Индии, тоже погиб от рук террористов группы «Тигры освобождения Тамил Илама» в 1991 г., которые так отреагировали на ввод войск в Шри-Ланку в середине 1980-х гг.

² *Серебряков А.В.* Зарубежный опыт криминализации содействия террористической деятельности // Вестник КРУ МВД России. 2010. №2. С. 41.

Кочеров Ю.Н.,

*преподаватель кафедры АПиАД Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук*

Кочерова Л.А.,

*преподаватель кафедры криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук*

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ И МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Прогрессивное развитие российского государства зависит от стабильности общественных отношений, защищенности интересов личности, общества и государства и требует повышения эффективности работы всех правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел¹.

События, происходящие в ряде ближневосточных стран и республик бывшего Советского Союза показали, что роль и значение правонарушений, мотивированных ксенофобией, экстремистскими и антисемитскими причинами, оказались явно недооцененными обществом². В этих условиях на первый план выходит деятельность орга-

---

¹ Кочеров Ю.Н. Самопознание в профессиональном становлении и развитии сотрудника органов внутренних дел // Вестник Академии права и управления. 2015. № 40. С. 268.

² Сотников С.С., Кочеров Ю.Н. Совершенствование деятельности участковых уполномоченных полиции по профилактике экстремистских проявлений в высших и средних специальных учебных заведениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3-х томах. Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. 2016. С. 47-51.

нов внутренних дел Российской Федерации по предотвращению совершения тяжких и особо тяжких преступлений¹.

По данным ГИАЦ МВД России за январь-декабрь 2015 года на территории РФ зарегистрировано 26,9 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов взрывчатых веществ и взрывных устройств. Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем-июлем 2015 г. возросло на 1,6 % и составило 17,6 тыс. В январе-июле 2016 г. с использованием оружия совершено 3,5 тыс. (-15,4%) преступлений на территории Российской Федерации².

Одной из мер предотвращения тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе террористической направленности, при обеспечении безопасности граждан во время проведения публичных и массовых мероприятий с большим числом участников является недопущение проноса в место проведения мероприятия опасных предметов и веществ, представляющих опасность для участников мероприятия.

Согласно пункту 5 части 1 статьи 23 Федерального закона «О полиции» к ним относятся оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, ядовитые и радиоактивные вещества.

В соответствии с пунктом 18 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право «осуществлять в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места».

---

¹ Димитров А.Н., Кочеров Ю.Н. Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов и рентгенотелевизионных интроскопов по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. 2016. С. 406.

² Неупокоева И.А., Кочерова Л.А., Кочеров Ю.Н. Расследование незаконного оборота оружия, поджогов и террористических актов // курс лекций по дисциплине: учебное пособие / Ставропольский филиал Краснодарского Университета МВД России. Ставрополь, 2017.

С этой целью при подходе к месту проведения публичного и массового мероприятия организуются контрольно-пропускные пункты (КПП) или пункты досмотра, оборудованные стационарными металлодетекторами, а также сотрудники полиции, несущие службу на КПП и пунктах досмотра, обеспечиваются портативными ручными металлодетекторами, а при проведении международных или значимых мероприятий применяются большой спектр технических средств досмотра: людей, вещей и ручной клади, транспортных средств, устройства локализации взрыва и другие технические средства.

Наши данные показывают, что смысл самообразовательной деятельности понимается сотрудниками органов внутренних дел по-разному. Для одних сотрудников на первый план выступает его практический, утилитарный аспект для других - духовная составляющая¹.

В 2014 году в структуре МВД России были созданы подразделения, деятельность которых направлена на осуществление досмотровых мероприятий в зоне ответственности федеральных контрольно-пропускных пунктов на территории Северо-Кавказского федерального округа.²

Необходимость разработки такой программы для обучения сотрудников полиции вызвана, прежде всего, террористическими актами, совершенными в последнее время. Наглядным примером является террористический акт, который произошел в г. Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 года в метро (Справочно: мощность бомбы составила 500 г в тротиловом эквиваленте, в качестве поражающего элемента использовались шарики из подшипника, а также было обезврежено самодельное взрывное устройство, замаскированное под огнетушитель, мощностью 1 кг в тротиловом эквиваленте, начиненное металлическими поражающими элементами). Наличие при входе на каждую станцию метро стационарных и портативных (ручных) металлодетекторов у сотрудников полиции и присутствие в самодельных взрывных устройствах в качестве поражающего элемента металлических шариков из подшипника свидетельствует о том, что система без-

---

¹ Кочеров Ю.Н. Психолого-педагогические условия, детерминирующие готовность сотрудника органов внутренних дел к самообразовательной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 64-66.

² Кочерова Л.А., Кочеров Ю.Н. Применение сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов как средства противодействия ядерному и радиологическому терроризму // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 140.

опасности не сработала и террористу - смертнику удалось пронести СВУ начиненное металлическими поражающими элементами.

Одним из ключевых требований подготовки является четко выраженная профессиональная направленность учебного процесса на формирование компетенций, связанных с характером предстоящей профессиональной деятельности, важное условие при этом - контроль и оценка приобретаемых знаний, умений и навыков¹.

Должное решение профессиональных задач сотрудников органов внутренних дел зависит от степени их профессиональной образованности, подготовленности, ответственности². Остановимся подробнее на том, какие вопросы должна включать данная программа подготовки:

1. Изучение способов сокрытия оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств и других опасных предметов и веществ на теле человека. Методы их выявления.

2. Алгоритм осуществления личного осмотра с использованием технических средств досмотра.

3. Действия сотрудников полиции при обнаружении опасных предметов и веществ в ходе личного осмотра граждан, при получении информации или возникновении угрозы совершения террористического акта.

4. Действия сотрудников полиции при выявлении радиоактивных веществ в ходе личного осмотра граждан с помощью радиационных мониторов "Янтарь". (Приказ Роспотребнадзора № 1149, ФСБ России № 623 от 06.12.2012 года «Об утверждении Порядка действий пограничных органов и территориальных органов Роспотребнадзора при выявлении источников ионизирующего излучения в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза» может быть применен и в отношении сотрудников полиции осуществляющих личный осмотр).

---

¹ Кочеров Ю.Н. Рейтинговая оценка профессионального обучения будущих бойцов отрядов милиции особого назначения // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. № 12. С. 56.

² Кочеров Ю.Н., Кочерова Л.А. Актуальные проблемы профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции в вузах МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-2. С. 151.

5. Методика личного осмотра ручным (контактным) методом. (Приказ Министерства транспорта Российской Федерации № 104 от 25 июля 2007 г. «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» п. 57 определяет порядок проведения досмотра пассажиров ручным (контактный) методом. Данный приказ необходимо взять за основу при составлении указанной методики).

6. Методика проведения личного осмотра граждан с ограниченными физическими возможностями, а также маломобильных групп населения (Политика и процедуры на период проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи:

- осмотр лиц с нарушениями зрения;
- осмотр лиц с медицинскими устройствами (включая протезы и импланты);
- осмотр глухих и слабослышащих;
- осмотр лиц с животными-поводырями;
- осмотр детей (младенцев и детей младшего возраста) и слабозащищенных взрослых;
- осмотр женщин, закрывающих лицо по религиозным соображениям;
- осмотр лиц с приспособлениями для перемещения.

7. Методика проведения профайл - метода и электронного профайлинга.

Также назрела необходимость разработки единого приказа МВД России «Об утверждении правил проведения личного осмотра граждан и находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места», взяв за основу приказ Министерства транспорта Российской Федерации № 104 от 25 июля 2007 г. «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров».

Хотелось бы отметить, что подготовка сотрудников полиции не должна превышать 72 часов обучения и проводиться как дополнительное повышение квалификации. Соответственно сотрудники полиции, назначенные для несения службы на КПП при проходе на объекты, должны иметь удостоверение о повышении квалификации.

Подводя итоги своего выступления хотелось бы выделить основные моменты на которые необходимо, на наш взгляд, обратить внимание в первую очередь:

1. Информация и алгоритмы действий сотрудников полиции при личном осмотре граждан и находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места при проведении публичных и массовых мероприятий известны и опробованы сотрудниками полиции на различных всероссийских и международных массовых мероприятиях.

2. Назрела необходимость обобщения имеющейся информации и опыта работы и создания нормативно-правовых актов, которые четко определяют действия сотрудников полиции в различных ситуациях.

3. Необходимо создать дополнительную программу обучения (повышения квалификации) сотрудников полиции, принимающих постоянное и непосредственное участие в охране общественного порядка при проведении публичных и массовых мероприятий во всех территориальных органах МВД РФ на базе образовательных учреждений МВД РФ с привлечением сотрудников территориальных органов МВД, ФСБ, Таможенных органов, службы авиационной безопасности аэропортов, работников музеев, имеющих отношение к данной теме, и других правоохранительных органов (период обучения 40-72 часа).

4. Проработать вопрос внесения дополнения в нормативно-правовые акты МВД РФ, касающегося обеспечения безопасности граждан и общественного порядка при проведении публичных и массовых мероприятий, о запрете несения службы на КПП и пунктах досмотра сотрудникам полиции, не прошедшим обучение и не имеющих свидетельств об обучении.

5. Разработать приказ МВД России «Об утверждении правил проведения личного осмотра граждан и находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся публичные и массовые мероприятия», взяв за основу, например, приказ Министерства транспорта Российской Федерации № 104 от 25 июля 2007 г. «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров».

Верховецкий И.В.,
заместитель начальника отделения
Управления по противодействию экстремизму
ГУ МВД России по СКФО,
подполковник полиции

Голяндин Н.П.,
профессор кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Анализ складывающейся в СКФО ситуации свидетельствует, что оперативная обстановка остается сложной, но контролируемой сотрудниками правоохранительных органов.

По данным ГИАЦ МВД России на территории Северо-Кавказского округа за 4 месяца 2017 года зарегистрировано 447 преступлений террористического характера, что составляет 63,3% от всех преступлений данной категории, совершенных в Российской Федерации - 706¹.

Рост количества преступлений данной категории отмечен только в Чеченской Республике (144 преступления, +84,6%). В остальных субъектах РФ в СКФО динамика преступлений данной категории имеет тенденцию к снижению: в Карачаево-Черкесской Республике (15, -77,9%), в Республике Ингушетия (27, -51,8%), в Республике Дагестан (181, -45,5%), в Ставропольском крае (13, -31,6%) в Республике Северная Осетия - Алания (17, -19%) и в Кабардино-Балкарской Республике (50, -3,8%).

При этом из общего числа зарегистрированных преступлений данной категории только 1,6% приходится на диверсионно-террористическую деятельность бандподполья.

Подавляющее большинство зарегистрированных преступлений террористического характера приходится на установленные факты выезда граждан Российской Федерации для участия в вооруженных конфликтах в Сирии и Ираке, инициативно выявленные сотрудниками правоохранительных органов, а также преступные деяния

---

¹ Здесь и далее использованы информационные материалы ГИАЦ МВД России. Форма 282 «Антитеррор»

террористического характера в сети Интернет, что объясняет рост приведенных выше показателей.

Динамика преступлений экстремистской направленности в СКФО также характеризуется снижением их проявлений. По данным ГИАЦ МВД России в округе за анализируемый период 2017 года выявлено 53 преступления, что составляет 9,5% от всех преступлений указанной категории, совершенных на территории РФ - 557.

Рост числа совершенных преступлений экстремистской направленности отмечен в Чеченской Республике - 4 преступления, Республика Ингушетия - 5 преступлений, в Ставропольском крае - 8 преступлений и в Республике Северная Осетия - Алания - 8 преступлений.

В остальных субъектах РФ в СКФО динамика преступлений экстремистской направленности демонстрирует тенденцию к снижению: в Карачаево- Черкесской Республике - на 100% (преступлений не выявлено), в Кабардино- Балкарской Республике - на 53,8% (6 преступлений) и в Республике Дагестан - на 15,4% (22 преступления).

Вместе с тем относительная стабилизация динамики зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и уменьшение числа террористических проявлений в среднем по округу еще не является достаточным основанием для вывода о стабилизации оперативной обстановки, поскольку степень радикализации общества на Северном Кавказе по-прежнему остается высока. Об этом свидетельствуют данные в отношении более 2700 лиц, выехавших в Сирию и Ирак для участия в боевых действиях на стороне международных террористических организаций.

К основным факторам, дестабилизирующим обстановку в округе следует отнести:

- деятельность бандподполья, объединенного в так называемый «Вилаят Кавказ Исламского государства»;

- возвращение в регион участников международных террористических организаций из числа граждан России, получивших боевой опыт и несущих идеологию терроризма;

- активное распространение экстремистской идеологии, инициированное зарубежными исламистскими центрами;

- сложная социально-экономическая ситуация, характеризующаяся объективными и субъективными причинами, низким уровнем жизни значительной части населения округа, безработицей;

- латентно сохраняющиеся межнациональные конфликты и трения на межнациональной почве;

- деструктивная деятельность ряда иностранных государств, международных и российских некоммерческих организаций, направленная на дискредитацию органов государственной власти и местного самоуправления.

Основная угроза общественной безопасности в регионе по-прежнему исходит от экстремистского бандподполья. Вместе с тем в результате активной деятельности правоохранительных органов численность участников бандподполья значительно уменьшилась (со 136 до 94 боевиков), также сократилось количество диверсионно-террористических групп - с 23 до 16. При этом бандгруппы разрознены, действуют разобщенно и испытывают существенные затруднения с восполнением потерь в своих рядах, а также пополнением материально-финансовой базы.

Учитывая достаточно высокий уровень террористической угрозы, исходящей от международных террористических организаций, во взаимодействии с территориальными подразделениями УФСБ, МВД, ГУ МВД субъектов РФ в СКФО, ВОГО и П МВД России и другими заинтересованными ведомствами была продолжена реализация комплекса специальных мероприятий. Так сотрудники органов внутренних дел округа с начала 2017 года приняли участие в 11 контртеррористических операциях и более 870 специальных мероприятиях, в результате которых нейтрализованы 32 боевика (РД - 13, РСО - 1, СК - 2, ЧР - 16), в том числе 3 лидера преступных формирований. Кроме того, ликвидированы 19 баз и блиндажей боевиков (РД - 9, РИ - 5, ЧР - 5), а также 85 тайников с оружием, боеприпасами и средствами террора. Из незаконного оборота изъяты: 1 установка ПТУР, 3 огнемета, 23 гранатомета, 469 единиц стрелкового оружия, 14 авиабомб, 604 снаряда и мины, 354 гранаты, 1739 выстрелов к гранатометам, свыше 54,2 тыс. патронов, 56,8 кг взрывчатых веществ и 36 самодельных взрывных устройств.

Существенные потери, которые на протяжении последних лет несет экстремистское подполье, обусловили рост активности идеологов террористических организаций, направленной на восстановление его численности за счет новых сторонников.

В целях вовлечения в противоправную деятельность новых участников и расширения пособнической базы лидеры и идеологи МТО наращивают пропаганду экстремистской идеологии в молодежной среде, в т. ч. с использованием современных информационных технологий.

На экстремистских интернет-сайтах регулярно размещаются аудио- и видеоматериалы, содержащие комментарии с оправданием терроризма и направленные на разжигание межэтнической и межконфессиональной вражды.

Технологии вербовки в ряды международных террористических организаций направлены, как правило, на людей, проводящих много времени в Интернете, находящихся в трудных жизненных ситуациях, одиноких, а также имеющих радикальные воззрения. При виртуальной работе вербовщики активно используют психолингвистические технологии «промывания мозгов» и внедрения в мировоззрение людей экстремистских ценностей, приукрашенных религиозной, националистической или иной «благообразной» риторикой.

Для установления постоянных контактов с пользователями Интернета и поддержания с ними доверительных дружеских отношений выявляются личные проблемы людей и предлагаются варианты их решения посредством приобщения к «истинной вере» и совместной борьбы с «неверными» в рядах международных террористических организаций, уничтожения коррумпированных чиновников и работников силовых структур.

Наиболее активно пропаганда ведется в социальных сетях. В целях повышения эффективности информационного противодействия идеологии терроризма и экстремизма, основные усилия подразделений по информационному противоборству МВД, ГУ МВД субъектов РФ в СКФО были направлены на:

- обеспечение мониторинга материалов сети Интернет и средств массовой информации в целях информационного противодействия проявлениям экстремистского характера;
- реализацию задач по выявлению и пресечению деятельности лиц, осуществляющих распространение экстремистских и террористических материалов в сети Интернет;
- ограничение доступа к ресурсам сети Интернет, признанным в судебном порядке экстремистскими;
- выявление в сети Интернет ресурсов с содержимым экстремистского характера, не включенных в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ, сбор и подготовку материалов для пресечения их деятельности;
- организацию проведения информационно-пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий в рамках кампании по информационному противодействию экстремистской деятельности и

обеспечению правового режима на территории оперативного обслуживания.

На системной основе осуществляется мониторинг сети Интернет, в рамках которого проводятся мероприятия по выявлению и пресечению деятельности сайтов, содержащих агитационно-пропагандистские материалы в поддержку действий МТО и призывы к осуществлению экстремистской деятельности, пропагандирующих идеологию радикального ислама.

За 4 месяца 2017 года органами внутренних дел, дислоцированными на территории субъектов РФ в СКФО, в процессе мониторинга сети Интернет было выявлено 645 источников информации, содержащих материалы с признаками идеологии экстремизма (КБР - 67, КЧР - 2, РД - 294, РИ - 2, РСО - 15, СК - 12, ЧР - 18, ГУ МВД РФ по СКФО - 235).

Материалы по выявленным информационным ресурсам, содержащим экстремистский контент, направлены в органы прокуратуры и территориальные управления Роскомнадзора РФ для принятия решения в соответствии с законодательством РФ. В результате заблокирован доступ к 233 интернет-ресурсам (КБР - 46, КЧР - 1, РД - 123, ЧР - 17, МВД РФ по СКФО - 46).

На основании материалов, собранных сотрудниками подразделений по информационному противоборству МВД, ГУ МВД субъектов РФ в СКФО, территориальными органами безопасности и подразделениями Следственного комитета РФ по субъектам в СКФО возбуждено 29 уголовных дел (КБР - 3, РД - 6, РИ - 2, РСО - 1, СК - 4, ЧР - 3, ГУ - 10) по фактам распространения экстремистской и террористической идеологии, по которым на учет поставлено 37 преступлений (из них 7 раскрыто).

Осужденных за распространение экстремистских и террористических материалов в истекшем периоде 2017 года не имеется.

Помимо пресечения деятельности экстремистов в международной информационной сети сотрудниками МВД, ГУ МВД субъектов РФ в СКФО в истекшем периоде 2017 года проводились мероприятия контрпропагандистского характера, в т.ч. размещение антиэкстремистских материалов в периодических печатных изданиях, на радио и телевидении, на сайтах сети Интернет.

Согласно полученным сведениям, в эфире региональных и местных теле- и радиокompаний размещено 278 телепрограмм (КЧР - 1,

РД - 15, ЧР - 262) и 190 радиопередач (РД - 38, ЧР - 1 52), в печатных СМИ опубликовано 183 статьи (РД - 31, ЧР - 152).

В рамках деятельности по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма во всемирной информационной сети, в истекшем периоде 2017 года сотрудниками МВД, ГУ МВД субъектов РФ в СКФО на различных интернет-ресурсах опубликовано свыше 8100 информационных пропагандистских материалов и комментариев контрпропагандистского содержания.

В результате проведенной пропагандистской работы удалось сформировать в группах пользователей социальных сетей надлежащий идеологический фон, свидетельством чему выступают их многочисленные высказывания в поддержку позиции о нетерпимости идеологии экстремизма, о неприятии экстремистского мировоззрения.

Вместе с тем эффективное противодействие экстремистской идеологии сугубо силами правоохранительных органов представляется маловероятным, поэтому особую важность приобретает совершенствование взаимодействия ОВД с другими органами охраны правопорядка, органами государственной власти и местного самоуправления, общественными объединениями и администрацией учебных заведений.

В целях разъяснения пагубности влияния идей исламского фундаментализма и правовых последствий участия в экстремистской деятельности, получения информации о возможных негативных процессах, идеологах и руководителях общественных организаций, пытающихся вовлечь молодежь в совершение правонарушений экстремистской направленности, сотрудниками Центров по противодействию экстремизму СКФО в учебных заведениях во взаимодействии с духовенством, органами местной власти, заинтересованными министерствами и ведомствами проведено 243 профилактических мероприятия с учащейся молодежью (КБР - 68, КЧР - 17, РД - 38, РИ - 2, РСО - 9, СК - 109), а также 113 встреч с администрацией и преподавательским составом учебных заведений (КБР - 10, КЧР - 16, РД - 14, РСО - 67, СК - 6).

Анализ проявлений участников НВФ и поступающей информации, а также прогнозные оценки возможного развития ситуации свидетельствуют о сохранении экстремистских угроз в регионе и нацеленности бандглаварей на активизацию диверсионно-террористической деятельности.

Цалиев А.М.,
Председатель Конституционного суда
Республики Северная Осетия - Алания,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, член Президиума Совета судей РФ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ВОПРОСЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Законодательной основой противодействия коррупции, в том числе осуществляемой органами судебной власти, в первую очередь, являются Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство и Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 23 декабря 2008 г. Специалисты, проанализировав Конституцию РФ, выделяют 4 разновидности ее норм, влияющих на борьбу с коррупцией:

- «ценностные» ориентиры (определение сущности российского государства как демократического и правового);
- коллизионные нормы (приоритет Конституции РФ над иными законами, приоритет международных договоров над федеральными законами, разграничение компетенции между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации);
- конституционные гарантии (закрепление основных прав и свобод человека и гражданина и гарантий от их нарушения со стороны государства);
- организационные основы (определение системы органов публичного управления, их взаимоотношений друг с другом и с населением)¹.

Согласно ст. 2 Конституции РФ 1993 г. Российская Федерация – это демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В контексте борьбы с коррупцией данная норма является одной из важнейших. В демократическом государстве чиновники и иные публичные лица подотчетны и подконтрольны народу. Контроль власти может осуществляться как непосредственно гражданами – с помощью выборов, референдумов, отзывов выборных должностных лиц, так и через различные демократические институты – представительные органы власти всех уровней (парламенты), незави-

---

¹ См.: Богомолов Н.С. Конституция РФ как правовая основа противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 2. С. 17.

симые суды, средства массовой информации, общественные организации и т. п.

К сожалению, большинство указанных правовых институтов не работают или работают не в полной мере. Так, приняв новую Конституцию РФ, народ высказался за смертную казнь, и она предусмотрена в ч. 2 ст. 20 Основного закона страны. Несмотря на это, Конституционный Суд РФ, призванный охранять Конституцию, приостановил действие этой нормы, хотя такими полномочиями он не наделен. Легитимность такого решения вызывает сомнение ввиду того, что Конституционный Суд вышел далеко за пределы своих полномочий, предусмотренных ст. 125 Конституции РФ. По существу, он вторгся в сферу компетенции законодательной власти и сформулировал новые нормы, содержание которых существенно расходится с положениями ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, предусматривающей смертную казнь¹. Но это не согласуется с характеристикой России как правового государства, где основным принципом организации государственной власти является ее разделение на законодательную, исполнительную, судебную, а органы, осуществляющие их, самостоятельны и не вмешиваются в деятельность друг друга.

Характеристика Российской Федерации как правового государства также несовместима с наличием системной коррупции. Правовое государство подразумевает, в том числе, господство принципов законности, справедливости и неотвратимости ответственности за правонарушения. Данные принципы закреплены в ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», однако они во многом не обеспечиваются, хотя в последнее время в стране многое делается для их соблюдения.

Коллизионные нормы, закрепленные в ст. 15 Конституции РФ, определяют структуру российской правовой системы, а значит, и структуру антикоррупционного законодательства, с учетом федеративного характера нашего государственного устройства, разделения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (ст. 71, 72, 73 Конституции РФ). Согласно этому принципу должна строиться система законодательства о противодействии коррупции. Так, наряду с Федеральным законом «О противодействии коррупции», во всех субъектах РФ приняты аналогичные законы,

---

¹ См., напр.: *Малько А. В., Жильцов С. В.* Смертная казнь в России. История. Политика. Право. М., 2003. С. 189–191; *Быков В. М.* Имел ли право Конституционный Суд приостановить действие Конституции Российской Федерации? // *Российский судья.* 2010. № 3. С. 34–35.

учитывающие местные особенности коррупционных правонарушений, что способствует повышению эффективности антикоррупционной деятельности.

В рамках рассмотрения коллизионных норм следует отметить особую роль общепризнанных принципов и норм международного права в данной области. Коррупция выходит за рамки национальных границ и борьба с ней требует усилий на международном уровне. Этим обусловлена устойчивая тенденция к консолидации международных усилий по борьбе с коррупцией.

В связи со сказанным актуальным является вопрос об имплементации норм международного антикоррупционного права в отечественное законодательство. Механизмы имплементации международных антикоррупционных стандартов, как правильно отмечают специалисты, зависят от многих факторов, в том числе от: содержания конкретного международного антикоррупционного стандарта, особенностей обязательств, вытекающих из него; особенностей правовой системы государства и уровня развития его антикоррупционного законодательства; его организационного и территориального устройства; уровней экономического развития государства и политической обстановки в нем; моделей взаимодействия, соотношения международного и внутригосударственного права; моделей действия международно-правовых норм в правовом порядке государства; наконец, от самого желания государства реально и действенно воспринять, ввести данные международные антикоррупционные стандарты в свое право и т. д.¹

В России лишь после принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» от 23 декабря 2008 г. начали активно заниматься разработкой конкретных мер антикоррупционного законодательства, поэтому его качество оставляет желать лучшего. Следовательно, необходимо интенсивнее использовать более развитое международное законодательство, поскольку во многих странах вопросами противодействия коррупции начали заниматься значительно раньше в связи с масштабностью ее распространения.

К числу фундаментальных основ антикоррупционной политики следует отнести следующие конституционные гарантии: конституционный принцип равенства граждан перед законом и судом; свободу слова и мысли; право на судебную защиту прав и свобод; презумпцию невиновности; защиту прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений власти, компенсацию причиненного вреда; право на

---

¹ См.: Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / Отв. ред. д. ю. н., проф. С. А. Авакьян. М., 2016. С. 530.

возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц¹.

Важной конституционной гарантией защиты прав и свобод человека является конституционный принцип презумпции невиновности. Несмотря на данную конституционную норму, отдельные специалисты предлагают ратифицировать статью 20 Конвенции ООН против коррупции, предполагающую уголовную ответственность за незаконное обогащение. Если чиновник, получая официально два миллиона рублей в год (берем высокопоставленного чиновника), имеет недвижимость, автомобили стоимостью в десятки миллионов, счета в банках, тратит в месяц столько, сколько зарабатывает за год, то все это уже является уголовно наказуемым деянием (если не будет им доказана законность денежных поступлений). Однако, по мнению российских органов власти, эта статья не соответствует ст. 49 Конституции РФ, согласно которой «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (презумпция невиновности). Тем не менее, такие признанные специалисты в области конституционного права, как В. Д. Зорькин и В. Е. Чиркин, полагают, что ратификация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции является необходимой мерой для эффективной борьбы с коррупцией,² с чем нельзя не согласиться. Более того, на мой взгляд, незаконное обогащение следует криминализовать, а конфискацию имущества в таких случаях производить в строго установленных Законом рамках.

Криминализация общественно опасных деяний в сфере коррупции является важным уголовно-правовым средством антикоррупционной деятельности. Ее результатом является конструирование новых специальных составов преступлений, а также распространение «коррупционных признаков» на некоторые другие (нередко смежные) составы преступлений, которые при наличии определенных характерных элементов приобретают свойства коррупционного преступления. Полностью согласен с профессором В. В. Лунеевым, который отмечает, что в Уголовном кодексе отсутствуют широко практикуемые в

---

¹ См.: Богомолов Н. С. Указ. соч. Л. 3.

² См.: Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции РФ) // Журнал Конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 1–9; Чиркин В. Е. К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 15–22.

нашей стране коррупционные деяния, такие как: коррупционный лоббизм; коррупционный фаворитизм; коррупционный протекционизм; коррупционный nepотизм¹; тайные взносы на политические цели; взносы на выборы с последующей расплатой государственными должностями; проведение приватизации, акционирования, залоговых аукционов «в узком кругу»; предоставление налоговых и таможенных льгот; переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на должности президентов банков и корпораций; коррупция за рубежом; совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью и т. д.² Именно данные виды коррупции причиняют основной вред государству, обществу и народу, поэтому их следует криминализировать с целью совершенствования уголовного законодательства о коррупционных преступлениях.

Наряду с криминализацией общественно опасных деяний, как известно, законодатель определяет также виды уголовных наказаний и санкции за коррупционные преступления. Однако прежде чем более подробно рассмотреть данные вопросы, необходимо определиться с ролью уголовного наказания среди мер борьбы с преступностью, в том числе коррупционной. Отметим, что в последние годы происходит умаление его роли, как в сфере законодательства, так и в правоприменительной практике. Если в Уголовном кодексе РСФСР наказание являлось карой за совершенное преступление, то в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрено, что наказание есть мера государственного принуждения. Тем самым в общественном и профессиональном сознании с самого начала выхолащивается суть уголовного наказания как кары, то есть возмездия за совершенное преступление, применяемого судами от имени государства.

Другой аспект проблемы уголовного наказания заключается в том, что умаление его роли в борьбе с преступностью ведет к ухудшению криминальной ситуации в стране. И это закономерно, поскольку уголовное наказание включает в себя важную профилактическую функцию - устрашение потенциальных преступников. Исключением фактора устрашения из содержания наказания – идеалистическое видение сущности проблемы. Еще Сенека говорил: *преступник может иногда избежать наказания, но не страха перед ним*. Сами

---

¹ Nepотизм — раздача ради укрепления своей власти доходных должностей // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. 1434 с.

² См.: Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учеб.: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. 880 с.

осужденные говорят об этом. Так, 47% из них характеризуют смертную казнь как фактор устрашения, оказывающий сдерживающее воздействие. Криминологические исследования американского ученого И. Эрлиха привели его к выводу о том, что, например, каждая смертная казнь удерживает от преступления восемь потенциальных убийц, т. е. спасает как минимум еще восемь других жизней.

Против умаления роли уголовного наказания в борьбе с преступностью выступают известные отечественные ученые. Так, профессор А. Михлин указывал, что после введения смертной казни с начала 60-х годов наблюдалось стабильное снижение количества убийств. В СССР, где за многие особо тяжкие преступления была предусмотрена смертная казнь, уровень преступности было ниже, чем сегодня в Российской Федерации. Подчеркну, что многочисленные исследования, проводимые в разные периоды, показывают также, что абсолютное большинство народа за смертную казнь.

С учетом сказанного, а также сложной криминогенной ситуацией, во многом обусловленной такими особо тяжкими преступлениями, как терроризм, организованная преступность, коррупция, казалось бы, необходимо провести референдум по поводу смертной казни по этим и другим наиболее опасным преступлениям. Однако в нашей стране этой важной и необходимой юридической процедуры старательно избегают. Вместо этого, после теракта в Санкт-Петербурге, депутаты активно начали обсуждать вопрос о введении пожизненного заключения за такие преступления. Но опять забывают спросить народ, который и становится жертвой этих преступлений – как быть с теми, кто совершает эти преступления и хочет ли он на свои налоги пожизненно содержать особо опасных преступников и многочисленный штат, обеспечивающий исполнение такого наказания.

Умаление, а то и игнорирование криминологической сущности уголовно-правовых мер воздействия ведет к принижению их роли как важнейшего средства борьбы с коррупционными преступлениями. Безусловно, оно оказывает также отрицательное влияние на деятельность судебных органов по отправлению правосудия, поскольку ориентирует их на минимизацию уголовного наказания за коррупционные преступления. И это в противовес тому, что в последние более чем два десятилетия число преступлений коррупционной направленности, особенно связанных со взяточничеством заметно увеличилось, как и их общественная опасность, расширились также масштабы причиненного им ущерба. Несмотря на это, уголовная ответственность за получение и дачу взятки по действующему УК РФ (ст. 290, 291) зна-

чительно ниже, чем по УК РСФСР (ст. 173, 174). Санкция ч. 1 ст. 290 УК РФ содержит максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, в то время как ч. 1 ст. 173 УК РСФСР предусматривала лишение свободы от 3 до 10 лет с обязательной конфискацией имущества; санкция ч. 1 ст. 291 УК РФ – лишение свободы до 3 лет, в то время как санкция ч. 1 ст. 174 УК РСФСР предусматривала лишение свободы от 3 до 8 лет. В Уголовном кодексе Российской Федерации снижено наказание за мошенничество, незаконную банковскую деятельность, легализацию денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, манипулирование ценами, коммерческий подкуп и др. *По 118 составам преступлений исключен так называемый нижний предел наказания, по ряду составов преступлений в качестве основного наказания предусматривается штраф. За 2009–2013 гг. изменены и дополнены санкции в 285-й статье Особенной части Уголовного кодекса, и в большинстве своем в сторону смягчения. Еще раньше, в 2003 г., из Уголовного кодекса РФ был исключен такой вид наказания как конфискация имущества (ст. 52).* Из этого ряда уступок коррупции – введение в 2013 г. кратных штрафов¹. Но если за первое полугодие 2013 г. судами вынесены штрафы на сумму 20 млрд. рублей, то в казну государства были возвращены только 20 млн., т. е. 1 %²! Судебные приставы-исполнители были вынуждены обращаться в суды с требованием о замене штрафа лишением свободы в отношении каждого второго осужденного к штрафу за взяточничество.

Можно с уверенностью сказать, что либерализация уголовного законодательства за коррупционные преступления не дала никакого эффекта. Это признает и Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка. В интервью «Российской газете» он заявил, что либерализация законодательства в сфере коррупции должным образом пока не срабатывает. Неслучайно большинство ученых негативно оценивают законодательство о противодействии коррупции в стране и полагают, что оно не только не соответствует международным стандартам, но и трудно применимо в судебной практике³.

---

¹ Неслучайно в литературе пишут о том, что создается впечатление, что иные нормативные правовые акты как бы писали под диктовку коррупционеров или же ими самими. См.: Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 9.

² См.: Латухина К. Откаты с индексацией // Российская газета. 2013. 31 октября.

³ См.: Фоков А. П. Судебная власть: о противодействии коррупции в Российской Федерации // Российский судья. 2012. № 7. С. 8.

Сложившееся положение с определением наказания за коррупционные преступления в основе своей предопределено сверхлиберальной современной уголовной политикой в сфере уголовного законодательства и практикой назначения. Один из редких в истории случаев, когда в государстве, где наблюдается рост преступности, в том числе коррупционной, вместо ужесточения наказания происходит его либерализация – явление алогичное для любого здравомыслящего человека. Очевидным является тот факт, что совершенствование уголовного законодательства и практики его применения должно идти по пути их ужесточения. Неслучайно Президент РФ В. В. Путин в приветственной телеграмме участникам 1-го Евразийского антикоррупционного форума, состоявшегося 30–31 мая 2012 г., подчеркнул, что для искоренения коррупции необходимо решение «ключевых задач» – внедрение жестких антикоррупционных стандартов в национальное законодательство и правоприменительную практику. Полагаю, что эти установки должны лечь в основу уголовно-правовой политики в сфере антикоррупционной деятельности. Необходима не только криминализация коррупционных деяний, но и усиление наказания за их совершение. Специалисты вполне обоснованно отмечают, что возрастание общественной опасности коррупции обуславливает необходимость приведения мер правового воздействия за коррупционные явления в соответствие с основными нормами международного права (конвенциями ООН и европейскими актами). При этом необходимо учитывать как наш исторический опыт, так и нормы международного права в сфере борьбы с коррупцией.

Карнаушенко Л.В.,

*начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
доктор исторических наук, профессор*

«ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последние несколько десятилетий социальная система оказалась подверженной кардинальным изменениям, позволившим ученым констатировать факт перехода от поздней индустриальной к постиндустриальной стадии развития социума. Основным критерием, позво-

лившим зафиксировать факт коренного общественного сдвига выступает развитие информационных, микропроцессорных, телекоммуникационных технологий, позволивших значительно повысить роль информации в социальных процессах, сделать ее фактором производства и драйвером общественного развития. При этом оценка начавшегося перехода к постиндустриальному обществу является, безусловно, усредненной, так как различные национальные общества демонстрируют различное, порой кардинально несовпадающее, отношение к ключевым индикаторам трансформационных процессов.

По мнению исследователей, существенное место в постиндустриальном мире начинают занимать корпорации, надгосударственные союзы и объединения, общественные организации и ассоциации, соединяющие людей по профессиональной принадлежности или другим признакам их хозяйственной и интеллектуальной активности¹. Новое общество, в отличие от индустриального, предполагает доминирование электронно-коммуникационной среды, формирующей виртуальное, во многом, эфемерное пространство. Данный факт предполагает последовательные трансформации ключевых социальных институтов и подсистем как отражение адаптационных механизмов социума в аспекте преодоления угроз и вызовов, в том числе – стремительного инновационного развития.

Классик постиндустриализма Э. Тоффлер отмечал, что в новом обществе наблюдается эра смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые. Это происходит на фоне неоспоримого социального прогресса, индикаторами которого выступают не социальные революции, а научно-технические инновации и восхождение к более высокому уровню техники².

В нашей стране переход к постиндустриальной стадии развития имеет свои уникальные черты. Как полагает З.Т. Тимербулатов, речь идет о специфике функционирования современных средств массовой информации, своеобразии государственно-правового устройства, а также социокультурных и психологических факторах общественного и индивидуального сознания³.

---

¹ Саркисян Т. Конец государства или новая форма организации общества // 21-й век. 2008. № 1. С.3-24.

² Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.

³ Тимербулатов З.М. Информационное общество России: этапы становления и развития: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2006.

М. Кастельс и Э. Киселева отмечают, что Россия характеризуется запаздывающим развитием в сфере информационно-компьютерных технологий и Интернета. Основной причиной сложившейся ситуации выступает то, что «российская электронная промышленность сильно отстала от технологического уровня электронной промышленности США, Европы и Восточной Азии в 1980-х гг., и в первой половине 1990-х годов она потерпела крах»¹.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация в российском обществе на рубеже 1980-х – начала 1990-х г. несет в себе существенную отрицательную инерцию, так как сложившееся отставание от ведущих мировых держав ликвидировать крайне затруднительно. Более того, нет объективных данных о том, что подобное отставание хоть незначительно, но преодолевается, а не, наоборот, нарастает в 2000-е гг. Именно экономическое «запаздывание» нашей страны в процессе интеграции в постиндустриальный мир вызывает достаточно существенные проблемы в функционировании социальных институтов и подсистем.

Между тем, существует опасность редукции факторов социальных изменений лишь к технико-технологической составляющей. В этой связи стоит подчеркнуть, что не только и не столько информационная технологичность нового социума приводит к коренным трансформациям. Необходимо обратить внимание и на социокультурный базис социальных отношений в условиях постиндустриального мира.

Как отмечают исследователи, постиндустриальное общество отличается тем, что легитимация власти основана именно на культурных ценностях, а не на принуждении. Общество усваивает комплекс норм, обеспечивающих подчинение общественным решениям. Краеугольным камнем более или менее длительного сохранения общественной системы в устойчивом состоянии, гарантирующим развитие, становится наличие нравственного порядка².

Как полагает Т. Саркисян, в современном обществе происходит «размывание» институтов власти. На смену бюрократическим приходят новые формы управления обществом. Власть от государственных политических органов переходит к новым наднациональным, надгосударственным институтам (ООН, НАТО, различные ТНК и другие

---

¹ Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. 2001. № 1. С. 13.

² Саркисян Т. Конец государства или новая форма организации общества // 21-й век. 2008. №1. С.3-24.

глобальные структуры), местным органам самоуправления, самоорганизующимся структурам, зачастую действующим параллельно с государственным бюрократическим аппаратом. Неминуемо приходится изменяться и бюрократическому аппарату¹.

В числе прочих, в условиях постиндустриального общества меняется функциональный репертуар социального института государства. Ряд исследователей для обозначения качественной специфики институциональных структур государство применяют термин «электронное государство». Стоит отметить, что при всей условности данного терминологического аппарата междисциплинарной области научного познания, именно «электронное государство» наиболее полно и релевантно описывает содержание гносеологической проблемы, заключающейся в кардинальной смене облика государства. Во многом данное положение детерминировано именно виртуализацией социальной системы, опосредованием системы социальных действий, взаимодействий.

По мнению Ю.А. Нисневича, необходимым условием перехода к электронному государству является внедрение в сферу государственного управления постиндустриальных инфокоммуникационных технологий, систем и сетей. Использование таких технологий, систем и сетей создает принципиально новую не просто технологическую, а организационно-технологическую базу для реорганизации всей системы государственного управления².

Электронное государство, таким образом, является закономерным этапом эволюции от силового доиндустриального типа к новому, ранее не известному в истории типу. Новый облик социального института государства, по мнению исследователей, предполагает реорганизацию системы государственного управления на основе внедрения новейших информационно-компьютерных технологий и инфокоммуникационных сетей и систем. Электронное государство предполагает повышение мобильности власти по отношению к общественным интересам; информационную прозрачность и приближение непосредственно к гражданам процесса государственного управления; сокращение в этом процессе бюрократических издержек (коррупция, протекционизм, инерционность, низкая операционная эффек-

---

¹ Саркисян Т. Указ. соч. С.3–24.

² Нисневич Ю.А. Государство XXI в.: тенденции и проблемы развития. М., 2012. С.196.

тивность и производительность); повышение качества оказания государственных услуг и расширение спектра таких услуг¹.

В целях реализации концептуальных основ электронного государства в современной России, в начале XXI в. был инициирован старт федеральной целевой программы «Электронная Россия» (действовала в Российской Федерации в 2002-2010 годах). Целью программы стало обеспечение «кардинального ускорения процессов информационного обмена в экономике и обществе в целом, в том числе между гражданами и органами государственной власти, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления»².

Вместе с тем, стоит отметить, что однозначной научной оценки данный стратегический проект не получил. Наряду с позитивными отзывами присутствуют и негативные, указывающие на наличие тех или иных проблем системного характера. Именно поэтому в настоящее время назрела необходимость в совершенствовании первоначального стратегического замысла «Электронной России», устранение проблем и противоречий в ее работе, адаптация системы к новейшим технико-технологическим разработкам в данной отрасли. Особое внимание необходимо уделять социально-правовым аспектам проблемы, как наиболее тесно связанным с социальным институтом государства.

Как отмечает А.И. Химченко, в условиях глобализации динамично развиваются новые общественные отношения, которые требуют адекватного правового регулирования, обеспечивающего возможность эффективного взаимодействия граждан с государством, повышения уровня предоставляемых государственных и муниципальных услуг, открытости и прозрачности информации в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, при осуществлении правосудия, применения при этом облачных технологий³.

Становится очевидным, что нынешнее государство должно быть адаптировано к происходящим изменениям в социальной системы, быть более технологичным, современным и, возможно, даже инновационным. Вместе с тем, на практике такое случается далеко не всегда. В этой связи значительный теоретико-прикладной интерес представляет верификация теоретических знаний, связанных с функциониро-

---

¹ Нисневич Ю.А. Указ. соч. С.196.

² <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 25.03.2017).

³ Химченко А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

ванием современного электронного государства, а практическом материале. Для реализации данной цели нами было проведено изучение состояния общественного мнения касательно электронного правительства, его проблем и перспектив в современной России. Метод исследования – формализованное индивидуальное интервью. Общий объем выборки – 1200 человек, из них – 520 жители городов, а 670 – жители иных населенных пунктов Краснодарского края. В результате проведенного исследования был получен ряд данных.

Таблица 1. Приходилось ли Вам прибегать к услугам электронного правительства?

№	Вариант ответа	Жители города	Жители края
1.	Приходилось	64,8	45,1
2.	Не приходилось	31,5	49,1
3.	Затрудняюсь ответить	3,7	5,8

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что в социальных практиках жителей городов и иных населенных пунктов Краснодарского края имеются весьма значительные различия. Так, услугами электронного правительства гораздо чаще пользуются жители городов (64,8% против 45,1%). Соответственно, в крае возрастает показатель тех, кто никогда не пользовался услугами электронного правительства (49,1% против 31,5%). Эмпирическое исследование еще раз подтвердило достаточно известную закономерность о том, что именно горожане являются гораздо более активными пользователями услуг электронного правительства, чем жители небольших населенных пунктов, станиц, поселков.

Таблица 2. Как Вы оцениваете качество услуг электронного правительства?

№	Вариант ответа	Жители города	Жители края
1.	Высокое	22,7	14,9
2.	Среднее	63,2	50,7
3.	Низкое	12,4	31,0
4.	Затрудняюсь ответить	1,7	3,4

В результате проведенного исследования были получены данные о том, что среди жителей городов и иных населенных пунктов Краснодарского края имеются весьма существенные различия в восприятии качества услуг электронного правительства. Так, жители городов склонны в целом более высоко оценивать качество услуг электронного правительства (22,7% против 14,9% – оценка «высокое»; 63,2% против 50,7% – оценка «среднее»). Напротив, жители края в большей мере склонны негативно оценивать качество услуг электронного правительства: 31% против 12,4% – оценка «низкое»). В основе оценок респондентов может лежать как субъективный (неумение пользоваться электронными услугами и непонимание их функционального предназначения лично для респондента), так и объективный (худшая, по сравнению с городом, организация электронных услуг) факторы.

Таблица 3. С какими проблемами Вы сталкивались, пользуясь услугами электронного правительства?

№	Вариант ответа	Жители города	Жители края
1.	Необходимость личного обращения	34,1	28,6
2.	Нелогичность и противоречивость работы электронных систем	22,7	37,2
3.	Неполнота предоставления услуг	12,4	29,6
4.	Сложность в использовании простым человеком	7,8	15,0
5.	Другое	17,3	20,8
6.	Затрудняюсь ответить	2,5	3,4

Как показывает проведенное исследование, проблемы, с которыми сталкиваются жители города и края, зачастую существенно отличаются. Так, жителей края беспокоит нелогичность и неполнота предоставляемых электронных услуг, а также сложность в их использовании простым человеком. В свою очередь, горожан в гораздо большей мере беспокоит необходимость личного обращения в тот или иной орган власти, несмотря на осуществляемые «электронные» действия.

Таблица 4. Что, по Вашему мнению, необходимо предпринять для улучшения работы электронного правительства?

№	Вариант ответа	Жители города	Жители края
1.	Упростить работу систем	38,8	45,6
2.	Обучать людей	40,1	38,2
3.	Вернуться к традиционной системе	7,5	12,1
4.	Создание «электронного консультанта»	61,2	59,3
5.	Другое	12,2	11,4
6.	Затрудняюсь ответить	3,1	2,9

В результате проведенного эмпирического исследования была получена информация о том, что тенденции в распределении мнений жителей города и края в целом совпадают, за исключением незначительных различий в показателях. В частности, жители края в большей мере хотели бы упрощения работы электронного правительства, которое зачастую воспринимается ими как непонятное, сложное (45,6% против 38,8%); также жители края в большей мере хотели бы вернуться к традиционной системе предоставления государственных услуг (12,1% против 7,5%).

Таблица 5. Вам удобнее пользоваться традиционными услугами административных структур или электронным правительством?

№	Вариант ответа	Жители города	Жители края
1.	Традиционными	38,5	53,8
2.	Электронным правительством	45,2	31,7
3.	Когда как, нет закономерности	14,6	12,1
4.	Затрудняюсь ответить	1,7	2,4

В ходе исследования была получена информация о том, что мнения жителей городов и других населенных пунктов существенно разделились при ответе на вопрос о том, какими услугами они хотели

бы пользоваться – традиционными или электронным правительством. Оказалось, что жители городов в большинстве своем склоняются к электронному правительству, тогда как жители края – к традиционным услугам (соотношение мнений: традиционные услуги 53,8% против 38,5% для жителей края и электронное правительство 45,2% против 31,7% для жителей городов).

Таким образом, целесообразно отметить, что в настоящее время в российском обществе достаточно зримо проявляются проблемы и перспективы электронного государства. Несмотря на неоспоримость необходимости прогрессивного развития социального института государства в условиях постиндустриального общества начала XXI в., все же стоит подчеркнуть, что в российских условиях имеет место своя специфика, связанная как с запаздывающим научно-технологическим развитием, так и с особыми менталитетом россиян, особенно жителей не крупных и средних городов, а небольших населенных пунктов. Кроме того, немало проблем функционального плана было связано и со становлением работы электронного правительства в нашей стране. В настоящее время имеется ряд проблем в работе электронного правительства, которые позволило выявить проведенное эмпирическое исследование. Именно от оперативного и эффективного решения обозначенных проблем будет зависеть степень успешности продвижения нашего общества по пути генезиса структур электронного государства, соответствующего вектору развития социальной системы начала XXI в.

Список использованных источников и литературы:

1. Кастельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. 2001. № 1.
2. Нисневич Ю.А. Государство XXI в.: тенденции и проблемы развития. М., 2012.
3. Саркисян Т. Конец государства или новая форма организации общества // 21-й век. 2008. № 1.
4. Тимербулатов З.М. Информационное общество России: этапы становления и развития: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2006.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.
6. <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 25.03.2017).
7. Химченко А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Курсаев А.В.,
главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента МВД России,
кандидат юридических наук

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВЫДЕЛЕНИЯ
В УК РФ ГЛАВЫ 19 «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА»**

Системность в праве представляет собой атрибутивное свойство, присущее праву, предполагающее наличие у него признаков внутреннего единства, цельности и непротиворечивости. Данными свойствами обладает и Уголовный закон, что выражается в том числе в наличии у него Особенной части, построенной в зависимости о деления объектов преступления «по горизонтали» на общий, родовой, видовой и непосредственный объект преступления. Наглядным выражением такого деления выступает наличие в Особенной части УК РФ разделов и глав.

В то же время анализ Особенной части УК позволяет прийти к выводу, что объект преступления не всегда выступает в качестве единственного классификационного основания. В качестве таковых можно рассматривать и сходство объективной стороны ряда преступлений, например, хищений.

В этой связи М.С. Кириенко отмечает, что искусственная природа Особенной части УК РФ обуславливает необходимость выделения внешних целеопределяющих (Конституция Российской Федерации и международно-правовые акты), системоформирующих (правотворческая деятельность) и системосохраняющих (решения и разъяснения Конституционного Суда России, Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации) факторов. Первая группа факторов способствует установлению целевой заданности системы Особенной части УК РФ. Вторая обеспечивает организацию системы Особенной части УК РФ, создание и определение содержания ее элементов. Третья обладает интерпретационным значением и способствует учету международно-правовых актов и конституционных положений при создании и применении элементов системы Особенной части УК РФ, определению критериев формализации уголов-

но-правовых запретов и исключению из системы тех элементов, которые не соответствуют ее целям и задачам¹.

Следует согласиться с утверждением о том, что «характеристика взаимосвязи общего, родового и непосредственного объектов преступления не соответствует соотношению философских категорий общего, особенного и отдельного. Классификация явлений и выделение понятий, их отражающих, – процессы самостоятельные. ... правильней говорить не об общем. Родовом и непосредственном объектах преступления, а об общем, родовом и конкретном понятиях объекта»².

Соответственно, с учетом видового объекта преступления в УК выделены главы. Главой 19 УК установлена уголовная ответственность за посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина. Данные права непосредственно определяют статус личности, ее юридическую и социальную значимость и защищенность.

Соблюдение и охрана конституционных прав и свобод представляет собой одну из приоритетных задач права, так как свидетельствует об уровне развития государства, общества и тех возможностях, которые представляются гражданам. Кроме того, несоблюдение прав и свобод граждан следует признать в качестве дезорганизационного фактора в развитии общества.

С учетом этого, несмотря на незначительный удельный вес в общей структуре преступности, их относительно невысокую общественную опасность, выразителем чего являются санкции соответствующих преступлений, вопрос о декриминализации данных деяний не поднимается. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что наличие преступлений, объединенных Главой 19 УК, является важным элементом механизма соблюдения прав и свобод человека. Сама по себе направленность общественно опасного деяния на общепризнанные, фундаментальные, неотъемлемые права человека представляет собой достаточное основание для признания подобного деяния преступным.

---

¹ Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Омск. 2015. С. 8

² Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Классификация объектов преступления // Правоведение. 1987. № 2. С. 70.

Под преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина понимаются «предусмотренные в уголовном законодательстве деяния, непосредственно направленные на нарушение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод любого человека и гражданина»¹; «предусмотренные уголовным законом общественно-опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения по поводу реализации наиболее важных человеческих потребностей (в творчестве, безопасности и защите, управлении, познании, уважении), права на обеспечение которых закреплены в Конституции Российской Федерации»².

Тяжкова И.М. отмечает по этому поводу, что преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина объединены законодателем в одной главе по признаку видового объекта, каковыми являются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение провозглашенных Конституцией Российской Федерации основных прав и свобод человека и гражданина³.

В то же время указанное не означает, что права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, охраняются только Главой 19 УК. Уголовно-правовые запреты, обеспечивающие охрану таких прав и свобод, «распределены» по всей Особенной части УК с учетом специфики объекта, объективной и субъективной стороны преступления. Так, преступления против жизни охраняют право человека на жизнь, гарантированное статьей 20 Конституции Российской Федерации, а нормы об ответственности за хищения – право человека на собственность (статья 35 Конституции Российской Федерации).

Ситуация становится еще более сложной с учетом того, что согласно статье 55 Конституции Российской Федерации перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, перечень прав и свобод человека и гражданина носит открытый характер. Даже Конституция Российской Федерации не содержит их полного перечня. Многие права закреплены в

---

¹ Полный курс уголовного права. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. СПб. 2008. С. 578.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб. 2011. С. 133.

³ Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М. 2002. С. 285.

международно-правовых актах или в отдельных федеральных законах.

Учитывая изложенное, Н.И. Амрахов правильно отмечает, что многие преступления, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина, помещены в иные разделы и главы УК¹.

Справедливым представляется применительно к преступлениям против конституционных прав человека высказывание А.В. Петрушова о том, что «выделение таких преступлений довольно условно, так как, во-первых, объектом любого преступления являются отношения, так или иначе связанные с охраной прав и свобод человека и гражданина, и во-вторых, Уголовный кодекс РФ устанавливает уголовную ответственность за различные деяния, посягающие на права и свободы граждан, как непосредственно закрепленные Конституцией РФ, так и производные от них другие права и их гарантии, приобретаемые на основании федерального закона. Однако в гл. 19 УК РФ преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина выделены отдельно»².

Еще более критичен в отношении Главы 19 УК А.Э. Жалинский. Так, указанный автор отмечает, что «еще нагляднее не проявленность и общая неопределенность охраняемого блага видна на примере преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Здесь, в частности, следовало бы определить, что представляет собой равенство прав и свобод человека; какие составляющие этого равенства охраняет уголовный закон. Статья 136 УК РФ в этой части сформулирована так, что кроме насмешек и недоверия к уголовному закону она ничего вызвать не может»³.

Такая постановка вопроса представляется вполне справедливой, так как права и свободы человека и гражданина, представляя собой единый комплекс, в случае приложения их к уголовному закону распадутся на отдельные права и свободы, поставленные под охрану в зависимости от родового или видового объекта. Руководствуясь изложенными мотивами, законодатель сгруппировал данные преступ-

---

¹ Амрахов Н.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина: проблемы понятийного аппарата и законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 67.

² Петрушов А.В. Уголовно-правовые гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина. М. 2006. С. 87 – 88.

³ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М. 2015. С. 342.

ные посягательства на права и свободы в различных главах Особенной части УК.

Амрахов Н.И.-О. полагает, что при определении места отдельных видов преступлений против прав и свобод человека законодатель основывался на нескольких критериях: степени важности охраняемого объекта, характера и степени опасности причинения вреда охраняемому интересу, субъективных признаках (формах вины, целях и мотивах) посягательства¹.

Таким образом, Глава 19 УК, которая на первый взгляд может показаться как специально выделенная для уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина, включает в себя не все посягательства на права, обозначенный в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации.

Подавляющая часть преступлений против основных прав и свобод распределена по иным главам уголовного закона. Как правильно отмечает А.В. Серебренникова, объединение в один раздел уголовного закона всех посягательств на конституционные права и свободы человека практически невозможно².

Мачковский Л.Г. справедливо полагает, что может создаться ошибочное представление о том, что только в Главе 19 УК предусматривается уголовно-правовая охрана прав и свобод человека, установленных и гарантированных Конституцией Российской Федерации. В целях избежания этого наименование Главы 19 УК он предлагает изменить: с «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» на «Преступления против равноправия, личных, политических и социально-экономических прав»³.

Аналогичные мнение высказаны А.С. Курмановым, И.Н. Амраховым и А.А. Бидильдаев. Главу 19 УК А.С. Курманов предлагает переименовать в «Преступления против личных, политических, соци-

---

¹ Амрахов Н.И.-О. Права и свободы человека и гражданина как объект уголовно-правовой охраны: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М. 2006. С. 21.

² Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М. 2008. С. 9.

³ Мачковский Л.Г. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: Проблемы теории и практики правового регулирования: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М. 2005. С. 13.

альных и интеллектуальных прав и свобод человека»¹, Н.И. Амрахов – в «Некоторые преступления против конституционных прав человека»², а А.А. Бидильдаев – «Преступления против личных, политических и социально-экономических прав и свобод человека и гражданина»³.

Впрочем, данные предложения поддерживаются не всеми. М.М. Лапунин отмечает, что такое изменение главы вряд ли стоит приветствовать – такой перечень, тем более закрытый, вряд ли добавит определенности уголовному закону⁴.

Более того, не все основные (конституционные) права и свободы человека и гражданина обеспечены уголовно-правовой охраной. Указанный вывод основан на сопоставительном анализе Конституции Российской Федерации и УК РФ 1996 года. Курманов А.С., опираясь на данное положение, сформулировал внутренне противоречивую идею о том, что «непосредственной объектом преступлений указанной группы следует рассматривать общественные отношения в сфере реализации прав и свобод человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, однако в части, охраняемой уголовным законом»⁵, то есть допустил логическую ошибку, введя в определение само определяемое понятие.

Так, статья 37 Конституции Российской Федерации устанавливает, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Несоблюдение этого правила не является основанием для привлечения виновного к уголовной ответственности. Подобное нарушение

---

¹ Курманов А.С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование: Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2008. С. 19–20.

² Амрахов Н.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина: проблемы понятийного аппарата и законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 69.

³ Бидильдаев А.А. Система преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 6. С. 112.

⁴ Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб. 2011. С. 109.

⁵ Курманов А.С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование: Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2008. С. 10.

ние является существенным нарушением норм процессуального права и влечет иные виды ответственности¹.

При таких обстоятельствах можно констатировать, что конституционные права и свободы человека и гражданина гораздо шире по объему, чем преступления, охраняющие данные права и свободы. Объекты конституционно-правовой и уголовно-правовой охраны человека и гражданина не совпадают по объему и содержанию. Кроме того, охранительные функции Главы 19 УК гораздо уже не только Конституции Российской Федерации, но и соответствующих положений норм международного права.

Содержание указанной проблемы нами видится в неоднозначном толковании термина «конституционные права и свободы» применительно к уголовному праву. Если брать за основу общеправовое понимание конституционных прав и свобод, то объектом всех преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, являются конституционные права и свободы. Однако содержание Главы 19 УК гораздо уже его наименования. Указанное требует корректировки наименования Главы 19 УК в целях исключения данной текстологической ошибки.

Доказательством выдвинутого тезиса о том, что система преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина еще не в полной мере сформировалась и претерпевает в этой связи постоянные изменения. Глава 19 УК была дополнена новыми статьями 138¹, 141¹, 142¹, 145¹. Неоднократному изменению и уточнению подвергались признаки составов преступлений. В связи с этим юридическая наука и основанная на ней законодательная практика находится в процессе выявления оптимального спектра нарушений прав человека в сфере обеспечения их конституционных прав и свобод, подлежащих уголовно-правовому регулированию.

Развивая данные положения, в литературе ставится вопрос, о том, что объект отдельных преступлений, размещенных в настоящее время в Главе 19 УК, определен неправильно. Так, Н.И. Амрахов полагает более разумным преступление, предусмотренное статьей 145¹ УК (Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат) указать в Главе 22 УК (преступления в сфере экономической деятельности). Предлагает он и более революционные измене-

---

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2016 г. № 49-КГ16-15.

ния, в частности, путем выделения из Главы 19 УК самостоятельной Главы «Преступления против равноправия». В названную главу он предлагает переместить в том числе деяния, ответственность за которые в настоящее время установлена статьями 136 (Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) и 145 (Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет) УК¹.

С нашей точки зрения названное положение следует оценивать критически. Действительно, различного рода предложений и модификаций по изменению места Главы 19 УК или о выделении из нее отдельных глав может быть множество. Однако полагаем, что указанные предложения недостаточно проработаны и не учитывают как критерии построения Особенной части УК, так и особенности криминализации общественно опасных деяний против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Без внимания остаются и исторические традиции отечественного уголовного права.

В итоге реализация данного предложения приведет к тому, что один объект уголовно-правовой охраны (конституционные права и свободы человека и гражданина) будет искусственно раздроблен на несколько более мелких, что вызовет неизбежные сложности в их квалификации и отграничении друг от друга.

Напротив, отдельные авторы отмечают, что выделение Главы 19 УК имеет определенный смысл. Так, Н.Г. Иванов полагает, что Глава 19 УК представляет собой систему норм общего плана, где сосредоточены статьи, имеющие определенную специфику субъективной стороны. Безусловно, что и нормы других глав также имеют определенную специфику в субъективной направленности поведения виновного. Например, убийство предполагает сознание и желание причинения смерти. Нормы же Главы 19 УК в этом случае предусматривают ответственность за совершение деяний, характеризующихся главным образом умыслом, предполагающим сознание и желание нарушить именно конституционные права и свободы человека и гражданина².

Потерпевшими при таких обстоятельствах будут выступать граждане или их родственники, чьи права были нарушены.

---

¹ Амрахов Н.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина: проблемы понятийного аппарата и законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 69.

² Полный курс уголовного права. Т. II. Преступления против личности / Под ред. А.И. Коробеева. СПб. 2008. С. 577.

По существу, Глава 19 УК РФ является резервной по отношению к иным главам уголовного закона. В нее были включены те преступления, определить место нахождения которых в уголовном законе оказалось затруднительным.

В то же время, безусловно, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина характеризуются наличием собственного объекта. Поэтому «условность» выделения их в отдельной главе УК кажущаяся.

Модельный Уголовный кодекс стран Содружества Независимых Государств также предусмотрел выделение специализированной Главы 21 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

С учетом этого решение законодателя о выделении преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина следует признать оправданным. Уголовно-правовые нормы играют существенную роль в деле защиты прав граждан. Их успех зависит от большого количества различного рода обстоятельств, в том числе и от правильного определения приоритетов и направлений этой борьбы. Указанное выражается и в выделении для преступлений против конституционных прав и свобод отдельной главы в уголовном законе.

Законодательство зарубежных стран по вопросу охраны прав и свобод граждан не отличается единством в этом вопросе. Если уголовное законодательство постсоветского пространства, руководствуясь в целом общими принципами построения уголовных законов, содержат главы о преступлениях против конституционных прав и свобод, то законодательство стран дальнего зарубежья отличается большим разнообразием.

Так, в отдельных уголовных законах содержатся специальные главы, устанавливающие ответственность за преступления против конституционных прав и свобод. Например, общегражданский Уголовный кодекс Норвегии 1903 г. содержит специальную главу 10 «Преступления, касающиеся осуществления гражданских прав»¹.

Уголовное законодательство ряда стран содержит как самостоятельные разделы против конституционных прав граждан, так и отдельные разделы в отношении видов данных прав. Так, УК Республики Сербия 1977 г. содержит как главу VIII «Преступные деяния про-

---

¹ Уголовное законодательство Норвегии / Науч. ред. Ю.В. Голик. СПб. 2003.

тив прав и свобод человека и гражданина», так и главу X «Преступные деяния в сфере труда»¹.

Законодательство третьей группы стран исходит из выделения в УК только отдельных видов преступлений против конституционных прав. Уголовный кодекс Республики Польша 1997 г. содержит главу XXVIII «Преступления против трудовых прав» и главу XXXII «Преступления против выборов и референдума»², Уголовный кодекс Австрии – восемнадцатый раздел «Преступные деяния, связанные с выборами и всенародным голосованием»³. В четырнадцатом разделе «Проступки против воли народа» Швейцарского уголовного кодекса 1937 г. содержатся общественно опасные деяния против избирательных прав граждан⁴.

Уголовный кодекс Турции 1926 г. содержит самостоятельный раздел второй «Преступления против свободы». В рамках данного раздела выделяются отдельные главы, с первой по шестую: преступления против политической свободы, преступления против религиозной свободы, преступления против личной свободы, преступления против неприкосновенности жилища, преступления против сохранности тайны, преступления против свободы труда и трудовой деятельности⁵.

Уголовное законодательство Германии, устанавливающее уголовную ответственность за посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина, по сравнению с законодательством Российской Федерации, имеет иную систему. В УК Федеративной Республики Германии 1871 г.⁶, в отличие от главы 19 УК РФ, не имеется самостоятельного раздела, в котором содержались бы составы преступлений рассматриваемой группы. Нормы о посягательствах на конституционные права и свободы человека и гражданина рассредоточены по различным разделам Особенной части УК Германии: в разделе 4 «Преступные деяния против конституционных органов, а также связанные с выборами и голосованием», в разделе 7 «Преступные

---

¹ Уголовный кодекс Республики Сербия / Науч. ред. Ю.А. Кашуба. СПб. 2009.

² Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. СПб. 2001.

³ Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред. С.В. Милуков. СПб. 2004.

⁴ Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред. А.В. Серебренникова. СПб. 2002.

⁵ Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. Н. Сафаров, Х. Бабаев. СПб. 2003.

⁶ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб. 2003.

деяния против общественного порядка», в разделе 11 «Преступные деяния, затрагивающие религию и мировоззрение», в разделе 15 «Нарушение неприкосновенности и тайны частной жизни»), а также в иных законах, относящихся к так называемому дополнительному уголовному праву (*strafrechtliche Nebengesetze*) (Законе о регулировании публичного права на объединение от 5 августа 1964 г., Законе о собраниях и шествиях от 24 июля 1953 г., Законе об авторских и смежных правах от 9 сентября 1965 г. и др.)¹.

В то же время необходимо сделать оговорку о том, что для немецкой уголовно-правовой доктрины, несмотря на высокую оценку проблемы объекта преступления («защищаемое благо» – *Rechtsgut*), проблема классификации объекта преступления по вертикали и объему не ставятся вообще².

Таким образом, выделение в системе Особенной части уголовного закона специального раздела или главы о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина является характерной чертой так называемой «восточной» ветви романо-германской системы уголовного права, то есть уголовного законодательства стран бывшего социалистического лагеря³.

В большинстве же стран остального мира вышеуказанные составы преступлений занимают различное место в системе Особенной части и не воспринимаются законодателем как нечто однородное. Место данных преступлений в уголовном законе определяется историческими традициями построения системы Особенной части уголовного закона.

Учитывая вышеизложенное, дальнейшее развитие Главы 19 УК требует построения внутренне непротиворечивой и обоснованной системы преступлений против конституционных прав граждан.

---

¹ Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М. 2008. С. 9.

² Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. М. 2015. С. 423–424.

³ Сравнительное уголовное право. Особенная часть / Под ред. С.П. Щербы. М. 2010. С. 156 – 177.

Бзаров Р.С.,
*заведующий кафедрой российской истории и кавказоведения СОГУ,
директор института истории и археологии РСО-Алания,
доктор исторических наук, профессор*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Радикальные религиозные течения и методы террористической борьбы известны с древности, а на Северном Кавказе были представлены неразлучной парой как в XIX в., так и в революционную эпоху начала XX в. Во всех случаях эти явления стояли в общем ряду с прочими проявлениями социально-политического кризиса. Однако и царская Россия, и советская власть в свое время справились с этим «букетом» проблем.

Исторический опыт важен, чтобы понимать: с радикализмом и терроризмом на Кавказе наше государство сталкивалось и справлялось не раз. Понятно, что в условиях демократии и открытого общества неприменимы имперские методы, хотя справедливости ради необходимо сказать, что далекие от демократизма империи никогда не ограничивались применением силы, в том числе силы закона, а стремились использовать социально-экономические и социокультурные механизмы.

Ключевой вопрос эффективности современной кавказской политики заключается как раз в выработке адекватного социального инструментария. При этом необходимо раз и навсегда отказаться от вульгарно-социологических и экономических теорий происхождения терроризма. Крайне бедных и неблагополучных обществ в мире великое множество, а все террористы почему-то выходят из весьма узкого круга стран и очень короткого списка обществ. И вовсе не безработица их объединяет. Значит, и причины, и пути их устранения придется искать глубже, и методы предупреждения окажутся сложнее, чем простое инвестирование экономики.

Часто говорится о совершенствовании государственного и муниципального управления, экономическом росте и укреплении социальной сферы, обеспечении занятости и возможностей самореализации граждан. Реже вспоминают о том, что устойчивое развитие, современная экономика, гармоничные межэтнические отношения не-

возможны без полноценной социальной и культурной модернизации, которая сопровождается существенными изменениями в жизни общества и человека.

Историко-социологическая теория модернизация понимает ее как переход от традиционного общества к индустриальному, от самоуправления к государству, от традиционных (то есть бесписьменных, этнографических, фольклорных) культур к модернизированным национальным культурам, которые призваны обеспечивать потребности современного общества и включают письменные, профессиональные, ученые компоненты. Между прочим, относительная легкость, с которой большинство кавказских обществ встраивались в российскую государственность и адаптировались в меняющемся мире, объясняется прежде всего успешным строительством национальных культур. Даже резкая трансформация традиционных институтов, стимулированная социалистической революцией, была компенсирована планомерным созданием государственных институтов национальной культуры, целенаправленной подготовкой профессиональных кадров, широкой программой национализации образования.

С середины XX в. открывается период денационализации на волне форсированного «движения к коммунизму» и создания «новой исторической общности – советского народа». Политика денационализации оказалась разрушительной для профессиональных отраслей национальных культур. Произошло массивное отступление к архаическому арсеналу традиционной культуры, которая в этих условиях сделалась главным бастионом самосохранения народов, консервации их духовных ценностей и нравственных ориентиров, спасения языков и национальной идентичности.

Последние четверть века, принесшие крупные социально-экономические и военно-политические потрясения, также отмечены возвращением к традиционным ценностям – это неоспоримый симптом отсутствия или недостаточного развития институтов современной национальной культуры, адекватных востребованным уровням самосознания народов и личностной идентичности граждан.

К тому же кардинальные изменения в политической жизни и социальной структуре общества создали типологически иную культурную ситуацию с новыми вызовами и рисками. Функционирование традиционной культуры, не защищенное престижем профессиональных национально-культурных институтов,

не подвергаемое переосмыслению в контексте новой эпохи, все чаще оказывается под контролем социальных аутсайдеров, подвергается формально-догматической рационализации и вступает в неразрешимое противоречие с интересами общества и государства.

Иными словами, фактически снят предохранитель, денационализацией и архаизацией уничтожен механизм, способный совместить развитие на этносоциальном и государственном уровнях, синхронизировать российскую политику и общественные ритмы сложного региона, укреплять неразрывность государственного контекста и национально-культурного содержания жизни российских народов Кавказа

Мы вновь стоим перед сложнейшими проблемами кавказской модернизации, созданием механизмов адаптации местных этнокультурных комплексов со всеобщей политизированной культурой государства и встраиванием их в меняющийся общегосударственный контекст. В подобных условиях неизбежно расширяется социальный диапазон маргинализации, то есть пограничного, промежуточного положения, в котором оказываются отдельные люди, социальные группы, иногда даже все общество, лишаящееся привычной социальной системы и не успевающее приспособиться к новой. Именно маргинальные слои становятся легкой добычей радикальных движений и источником социальных конфликтов.

Этнические традиции уже не выступают регулятором поведения маргиналов. Они обычно разрушаются в этой среде, взамен распространяются новые модели поведения, не свойственные ни традиционной этике, ни позитивным ценностям современной цивилизации. Зато широкое распространение получают пороки индустриального общества. В кризисной ситуации быстро растущий маргинальный слой населения способен сыграть роль детонатора.

Вспомним, как попытка форсированной модернизации России в 1990-е гг. сопровождалась радикальным сепаратизмом, так называемыми межэтническими конфликтами, этнокультурным и религиозным фундаментализмом. Нет смысла объяснять, что все это не имеет ни малейшего отношения к традициям и национальным культурам наших народов.

В российской науке отмечены такие проявления маргинализации, как радикализация традиционных мировоззренческих систем, появление маргинальных субкультур и контркультур, податливость

разрушительному внешнему влиянию, рост социальной и политической конфликтности. Отмечено и то, что маргинализация общества была одной из причин, стимулировавших кризис традиционных ценностей на Северном Кавказе на рубеже XX–XXI вв.

Исторический опыт показывает, что если маргинальные слои не становятся объектом активной социальной и культурной политики, они рискуют превратиться в источник деморализации и криминального поведения, а в случае вбрасывания подходящей идеологической основы – в агрессивного субъекта политики. Этапы острой социальной и военно-политической конфликтности неизбежно следовали за этапами массовой маргинализации Северного Кавказа в XIX и начале XX в.

Северокавказские проблемы неотделимы от общероссийских. Имперский и советский проекты безвозвратно провалились. Эффективность политических и гражданских институтов, целостность территории, патриотическая мотивированность населения, успех экономических реформ, в конечном счете – будущее нашего государства в значительной степени определяется необратимостью и темпами становления российской гражданской нации. Как записано уже в нескольких стратегических государственных документах, формировать общероссийское гражданское самосознание возможно лишь на основе национально-культурной состоятельности народов Российской Федерации.

Единственной надежной основой социально-политической стабильности и укрепления государственных институтов на российском Кавказе может служить полноценное национально-культурное развитие.

Только развитие национальной культуры обеспечивает успешную модернизацию и эффективное развитие общества в меняющемся социальном контексте. Выбор достаточно прост – либо развитие национальных культур, только и способных к саморазвитию и активным внешним контактам, либо риск духовной и социальной деградации на почве отсутствия национальных механизмов адаптации в российском и мировом культурном пространстве.

Будущее России – в укреплении федерализма и эффективном строительстве гражданской нации, опирающейся на собственный исторический и культурный опыт России, берегающей свои народы. Именно в этом заключается ответ на вопрос о секрете устойчивости России, в отличие от всех других многосоставных государств XIX и

XX веков. Чем сложнее внутренняя структура общества, чем многообразнее его этнический состав, чем сложнее и асимметричнее его культура, чем разнообразнее формы адаптации и встраивания в общегосударственный контекст, – тем больше у него шансов выжить, тем более оно устойчиво и жизнеспособно.

В числе важнейших технологий противодействия радикальным формам религии и сужения социальной базы терроризма следует рассматривать продуманную и эффективную систему поликультурного образования, способную служить инструментом формирования полиэтнической по составу, но единой по гражданской идентичности российской нации.

Такая система поликультурного образования разработана и уже прошла экспериментальную апробацию в федеральном формате. Она строится на принципе паритетного двуязычия. Такой подход совмещает сохранение образовательно-воспитательных функций родных языков народов России со специфическим усилением роли русского языка, который становится активным посредником в функционировании родного языка и действенным катализатором диалога культур.

Невозможно научить чему-то ребенка на языке, которого он не знает. Функциональное двуязычие, то есть преподавание части предметов на родном (нерусском), части – на русском языках, дополняется различным соотношением языков обучения на разных образовательных ступенях. На начальном этапе, чтобы заложить образовательный фундамент, должен активно использоваться родной язык, тем самым задаются языковые параметры гармоничного национально-культурного самоопределения личности. При этом происходит углубленное изучение русского языка, на который в среднем звене переходит преподавание общеобразовательных предметов.

Сверхзадача поликультурного образования – формирование российской гражданской идентичности. Поэтому три взаимодействующих культурных потока – национально-региональный, общероссийский и мировой – объединяются в федеральном компоненте образования. Для их органического объединения поликультурный подход предлагает образовательное описание мира с точно выбранной дидактической позиции, адекватной психологической, культурно-исторической и географической локализации сообщества, к которому принадлежат дети. Тем самым национальная традиция непротиворе-

чиво встраивается в масштабную картину российской, а затем и мировой цивилизации.

Концептуальное единство и содержательная целостность поликультурной основы образования – оптимальный способ избежать опасности противопоставления этнокультурной и гражданской идентичности, не допустить раздвоения личности ученика.

Пихов А.Х-А.,
*начальник кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Московского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции*

Гонтарь В.Н.,
*доцент кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Московского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, подполковник полиции*

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ТЕХНОГЕННОГО И ПРИРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Все большее место в жизни человечества в настоящее время занимают проблемы, связанные с преодолением кризисных явлений различного характера. Из-за частых катастроф сложилось мнение, что катастрофичность теперь является нормой жизни.

Чрезвычайные ситуации техногенного характера охватывают широкий спектр событий, возникающих в результате нарушения нормальной работы технических устройств и сооружений транспорта, промышленности, жилья и коммунально-бытового обслуживания, при которых возникает угроза жизни и здоровью граждан и значительного ущерба экономики.

На территории России имеется около 800 ядерных энергетических установок, 1500 химически и биологически опасных объектов, огромная сеть газо- и нефтепроводов и других опасных объектов. Немало потенциально опасных объектов имеется в Москве.

Таким образом, предпосылок для возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС) предостаточно и наша основная задача заключается в том, чтобы свести к минимуму людские и материальные потери.

Особую опасность представляют ЧС на объектах высокорисковых производств, к которым относятся химически, радиационно, пожаро- и взрывоопасные предприятия промышленности и транспорта.

Основные задачи по ликвидации последствий ЧС возложены на подразделения Министерства по чрезвычайным ситуациям, но практически каждый раз первым, кому приходится принимать решения по защите населения, является сотрудник органов внутренних дел.

В последнее время угрозы возникновения ЧС на объектах высокорисковых производств приобрели в ряде случаев криминальный характер. Известны случаи, когда отдельные лица или преступные группы шантажируют государственные органы и администрацию объектов высокорисковых производств угрозой диверсии с целью удовлетворить их требования как законного, так и криминального характера. Естественно, что и в этой ситуации администрация промышленных объектов обращается в первую очередь в органы внутренних дел.

Необходимость приобретения специальных знаний, умений и навыков сотрудниками ОВД обусловлена несколькими обстоятельствами[1, стр.11]. В первую очередь, это возрастающее количество и тяжесть последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Кроме того, до настоящего времени не устранена угроза применения оружия массового поражения, а также сохраняется угроза возникновения природных и техногенных катастроф, которые могут привести к распространению поражающих факторов оружия массового поражения.

Следовательно, сотрудник органов внутренних дел должен:

- обладать знаниями, позволяющими осознанно действовать в зонах радиоактивного, химического и бактериологического заражения;
- уметь с помощью приборов радиационной и химической разведки оценить опасность обстановки, сложившейся на данной территории;
- владеть навыками использования средств индивидуальной защиты;
- активно действовать в целях защиты населения от негативных последствий чрезвычайных ситуаций.

В период возникновения ЧС значительно возрастает количество и объем задач, выполняемых органами внутренних дел. Причем некоторые задачи возникают внезапно, неожиданно и на их решение отво-

дится очень мало времени. И в этих условиях справиться с ситуацией могут только хорошо подготовленные сотрудники органов внутренних дел.

Анализ повседневного опыта показывает, что чрезвычайные ситуации, обусловленные авариями и катастрофами, на современном этапе развития общества стали более частыми, масштабными и опасными.

Крупные аварии или катастрофы в различных регионах нашей планеты происходят практически ежедневно. При этом органы государственного управления вынуждены принимать меры по оказанию помощи жертвам таких событий. К сожалению, приходится констатировать, что, во-первых, помощь, как правило, приходит после факта свершившейся трагедии; во-вторых, и это особенно тревожит, общество постепенно привыкает к происходящему и теряет остроту оценки событий. На небольшие по масштабам аварии (в силу частоты их проявления) оно перестает активно реагировать - требовать ответственности виновных за происходящее, организовывать и проводить постоянную работу по предупреждению таких событий. И только национальные трагедии пробуждают от апатии, заставляют руководителей государств обратить пристальное внимание на эти проблемы.

В связи с этим возникает необходимость проведения единой государственной политики в отношении:

- безопасности жизнедеятельности и защиты населения, объектов национального достояния и окружающей среды при чрезвычайных ситуациях;
- реализации системного подхода к государственному реагированию в этой сложной и приоритетной области национальной безопасности Российской Федерации.

Составной частью деятельности государства в области безопасности жизнедеятельности является создание надежной законодательно-правовой базы. Научные разработки показали, что эффективное государственное регулирование должно осуществляться, прежде всего, по трем главным направлениям функционирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) в центре и на местах:

- 1) профилактика чрезвычайных ситуаций, т.е. охват всего комплекса превентивных мероприятий, составляющих основу безопасности жизнедеятельности и защиты населения и национального достояния, поддержание устойчивого состояния защищенности жизни, здоровья, труда, жизненных интересов и средств населения, надежные

государственные гарантии безопасности условий жизнедеятельности каждому гражданину;

2) реагирование на чрезвычайные ситуации, т.е. постоянный мониторинг потенциальных угроз и опасностей, поддержание готовности сил, средств и необходимых ресурсов, оперативное задействование органов чрезвычайного управления соответствующего уровня, своевременное и правильное применение способов защиты людей, мобилизация необходимых финансовых и материальных ресурсов для оказания помощи в зоне бедствия и т.п.;

3) ликвидация чрезвычайных ситуаций, т.е. локализация очага или зоны бедствия, проведение спасательных работ, аварийное восстановление систем жизнеобеспечения, при необходимости дополнительная мобилизация резервов, сил и средств для поддержания жизнеспособности пострадавших, восстановление безопасных условий жизнедеятельности в зоне бедствия и т.п.

Таким образом, цели и задачи государственной политики в сфере деятельности и ответственности РСЧС могут быть в краткой форме сведены к трем положениям:

1) поддержание безопасности и устойчивости жизнедеятельности общества и государства в любых чрезвычайных ситуациях;

2) комплексная защита населения, объектов экономики, национального достояния и окружающей среды от поражающего воздействия источников чрезвычайных ситуаций и их неблагоприятных последствий;

3) готовность государства к оперативному реагированию и ликвидации чрезвычайных ситуаций различного характера и масштаба.

Органы внутренних дел как составная часть государства участвуют в решении возложенных на них задач. Служебная и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел подразумевает и подготовку к действиям при чрезвычайных ситуациях.

Значительную роль в решении задачи противодействия чрезвычайным ситуациям должен играть организационно-правовой механизм предотвращения и ликвидации ЧС.

Важнейшим компонентом основ применения сил и средств ОВД является использование разработанных принципов их применения.

К таким принципам относятся:

- заблаговременная подготовка органов управления сил и средств к действиям в ЧС;

- поддержание высокой готовности сил к действиям в ЧС;

- быстрое реагирование органов управления и сил при возникновении ЧС;

- регулярное использование сил и средств, соблюдение мер безопасности личным составом, участвующим в аварийно-спасательных работах;

- местное взаимодействие разнородных органов управления и сил.

Чрезвычайный характер ситуаций, возникающих вследствие крупных аварий и катастроф, объективно изменяет режим функционирования ОВД, вызывает появление новых задач и увеличение объема выполнения повседневных задач и обязанностей.

Вывод: Деятельность ОВД затрагивает важнейшие центры жизнеобеспечения населения при ЧС, что дает основание считать ОВД необходимой составляющей единой государственной системы предупреждения и действий при ЧС природного и техногенного характера.

Тарчоков Б.А.,

*начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)*

*Краснодарского университета МВД России,
кандидат экономических наук, полковник полиции*

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Антитеррористическая деятельность в Российской Федерации подчинена одной из важнейших целей, которая заключается в защите государства, общества и личности от различных проявлений терроризма и террористических актов.

В Российской Федерации функционирует общегосударственная система противодействия терроризму, которая представляет собой комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность субъектов антитеррористической деятельности. Эта деятельность заключается в своевременном и эффективном предупреждении, пресечении, выявлении, раскрытии и расследовании различных преступных посягательств, имеющих террористический характер, а также в осуществлении комплекса мер, направленных на минимизацию и ликвидацию последствий их проявлений. Данный вид деятельности

направлен на обеспечение проведения согласованной и четко выверенной политики государства в выше обозначенной области противодействия преступности, а также защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации основных прав и свобод человека и гражданина¹ и обеспечение национальной безопасности страны.

Сложная социально-политическая и агрессивная сущность терроризма определяет формы и методы противодействия различным террористическим проявлениям.

В общегосударственной системе противодействия терроризму субъектами являются соответствующие органы государственной власти, уполномоченные на проведение входящих в их компетенцию мероприятий по противодействию разного рода террористическим проявлениям, а также различные государственные объединения, организации, ассоциации и некоторые граждане, имеющие возможность оказывать поддержку органам государственной власти в организации и проведении мероприятий в указанной сфере.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и действующим федеральным законодательством в области противодействия терроризму основные направления государственной политики определяются Президентом Российской Федерации. На федеральном уровне законодательную основу противодействия терроризму формирует Федеральное Собрание Российской Федерации.

Руководство деятельностью федеральных органов исполнительной власти по противодействию терроризму, в пределах предоставленных им полномочий, осуществляет Правительство Российской Федерации, оно также определяет компетенцию данных органов в области противодействия терроризму.

Органы исполнительной власти и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий на территории субъекта Российской Федерации, организуют и осуществляют деятельность по профилактике терроризма², а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений³.

Упорядоченное, непрерывное и инициативное участие в противодействии терроризму администраций предприятий и учреждений различных форм собственности, а также активная гражданская пози-

---

¹ Правоведение: Учебник для вузов. 6-е изд., доп. и перераб. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2015. – 544 с.

² Административное право Российской Федерации : учебник / А.В. Мелехин под ред. и др. – Москва : Юстиция, 2016. – 615 с.

³ Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»: монография / С.Ю. Чапчиков. – Москва: Юстицинформ, 2012. – 400 с.

ция граждан, общественных объединений и иных институтов гражданского общества, их согласованность и скоординированность действий с субъектами общегосударственной системы противодействия терроризму являются неотъемлемыми условиями эффективности ее функционирования.

Одним из главных направлений противодействия терроризму остается борьба с радикальными идеологиями и профилактика радикализации, особенно в молодежной среде и в социально-уязвимых группах населения.

Безусловно, современный терроризм носит транснациональный характер и этот факт, в свою очередь, обуславливает необходимость создания различного рода антитеррористических коалиций и альянсов межрегионального и международного характера, с тем чтобы весь их потенциал направить на формирование глобальной антитеррористической стратегии, а также последовательное развитие и укрепление международного сотрудничества по всем возможным направлениям антитеррористической деятельности.

В складывающихся условиях нарастания тенденции распространения проблем безопасности и различного рода террористических угроз возникает острая необходимость в активизации, повышении эффективности, совершенствовании и корректировке антитеррористической деятельности в Российской Федерации, в ходе которой необходимо исходить из научно-аналитической, методологической и экспертной деятельности. Совершенствование и оптимизация указанной сферы деятельности должны основываться на результатах многосторонних консультаций со специалистами, профессионально исследующими проблемы безопасности и террористических угроз, представителями СМИ, образовательных организаций и исследовательских центров, что позволит поднять на качественно новый интеллектуальный уровень дискуссии о причинах и условиях, благоприятствующих распространению терроризма.

Шайдуллина Э.Д.,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Расследование любого преступления требует еще на этапе проверки сообщения о преступлении определить круг должностных лиц конкретного правоохранительного органа, на который может быть возложено производство по уголовному делу. Все это возможно определить посредством такого общего условия предварительного расследования, как подследственность. Именно таким образом определяются полномочия органов дознания и предварительного следствия по расследованию отдельных категорий дел в зависимости от состава совершенного преступного деяния, места его совершения и иных условий. Кроме того, подследственность включает в себя правила определения оснований и процессуальный порядок разрешения вопросов, связанных с данным условием предварительного расследования. Не являются исключением и преступления террористического характера и экстремистской направленности.

Итак, подследственность – это совокупность признаков преступления (общественно опасного деяния), по которым его расследование в полном объеме относится к компетенции строго определенного органа предварительного расследования, конкретной структурной единицы ведомства¹. В свою очередь в теории уголовного судопроизводства выделяют пять видов подследственности: предметная (родовая), территориальная, персональная, по связи дел и альтернативная. Правила определения подследственности определены в ст. 151 и 152 УПК РФ.

Следует отметить, что из перечисленных видов для органов внутренних дел по преступлениям террористического характера и экстремистской направленности актуальны правила предметной, территориальной, персональной и альтернативной подследственности. Остановимся на них более подробно:

---

¹ Рыжаков, А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (6-е изд., перераб.). М., 2008. С. 76.

1. Предметная (родовая) подследственность определяет конкретный правоохранительный орган расследования в зависимости от состава преступления, то есть от конкретной статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ¹. Для определения предметной подследственности следует установить круг составов преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Согласно действующему законодательству РФ, а также указанию Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 01.02.2016 № 65/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»² к преступлениям экстремистской направленности относятся преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 (с 12.08.2007³), п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³, 357 УК РФ. Кроме того, к преступлениям экстремистской направленности также относятся деяния, предусмотренные чч. 3 и 4 ст. 111, ст. 136, 141 (с 12.08.2007), 142 (с 12.08.2007), 142¹ (с 12.08.2007), 148, 149, ч. 4 ст. 150 (с 12.08.2007), ст. 212, 213 (с 12.08.2007), 214 (с 01.06.2007), 239, 243, 244, 335, 336, 354¹, 278 (с 12.08.2007), 279 (с 12.08.2007) УК РФ, в случае их совершения по мотивам ненависти либо вражды идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной, в отношении какой-либо социальной группы. К преступлениям террористического характера следует отнести составы преступных деяний, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 220 (с 29.10.2010), 221 (с 29.10.2010), 277, 360 УК РФ. Кроме того, к данным преступлениям относятся также деяния, предусмотренные ст. 206, 207 (до 10.03.2006), 209, 210, 211 (в период с 10.03.2006 до 05.05.2014), 278 (с 10.03.2006), 279 (с 10.03.2006), 281, 282¹ (с 10.03.2006), 282²

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 ноября 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2016. 24 ноября.

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10 декабря 2016 г.).

³ Здесь и ниже при перечислении в скобках прописаны даты возбуждения уголовного дела, с которых либо до которых состав преступления, указанный до скобок, признается как деяние экстремистской направленности либо террористического характера (прим. автора).

(с 10.03.2006), 295, 317, 318 УК РФ в случае их совершения в связи с террористической деятельностью или финансированием терроризма.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ преступления экстремистской направленности и террористического характера расследуются органами предварительного расследования органов внутренних дел РФ, Следственного комитета РФ, а также Федеральной службы безопасности РФ.

Из них органам внутренних дел РФ подследственны следующие составы преступных деяний рассматриваемой категории:

- экстремистской направленности: п. «е» ч. 2 и ч. 3 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ст. 213, 214 УК РФ;

- террористического характера: 206, 207, 208, 209, 210, 220, 221 УК РФ.

Из перечисленных составов преступлений расследование в форме дознания осуществляются органами дознания ОВД РФ по преступным деяниям, предусмотренным п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119, ч. 1 ст. 213, 214, ч. 1 ст. 207, ч. 1 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ. Остальные составы преступлений, относящиеся к подследственности органов внутренних дел РФ, расследуются в форме предварительного следствия следственными подразделениями.

2. Территориальная подследственность определяется в зависимости от места совершенного деяния. По общему правилу расследование уголовного дела осуществляется тем территориальным подразделением правоохранительного органа (в нашем случае - органом внутренних дел), на обслуживаемой территории которого было совершено преступление. Однако, из данного правила ст. 152 УПК РФ определяет ряд исключений:

- если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом, то его расследование осуществляется по месту окончания деяния;

- если преступления были совершены в разных местах, то расследование осуществляется по месту совершения большинства или наиболее тяжкого из них. Решение в таких случаях принимает вышестоящий руководитель следственного органа;

- кроме того, предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков;

- преступление расследуется по месту жительства или месту пребывания потерпевшего в РФ, либо по месту нахождения большинства свидетелей, либо по месту жительства или месту пребывания обвиняемого в РФ, если потерпевший проживает или пребывает вне пределов РФ в случаях совершения преступления террористического характера либо экстремистской направленности: вне пределов России гражданами РФ либо постоянно проживающими в РФ лица без гражданства, за которые предусмотрена уголовная ответственность по УК РФ; иностранными гражданами и лицами без гражданства, не проживающими постоянно в РФ, совершивших преступление вне пределов РФ, если преступление направлено против интересов РФ либо гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства; вне пределов России гражданами РФ, возвратившихся в РФ, по запросу компетентного органа иностранного государства.

3. Персональная подследственность определяется в зависимости от субъекта преступления. Применительно к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности, расследуемых органами внутренних дел, следует отметить, что при выявлении органами дознания необходимости применения к подозреваемому либо обвиняемому принудительных мер медицинского характера по рассматриваемой категории уголовное дело в отношении данного лица следует передать по подследственности органам предварительного следствия через прокурора. Кроме того, если в ходе расследования таких деяний будет установлено, что преступление совершено лицом, относящимся к особой категории лиц в соответствии со 447 УПК РФ, либо к категории должностных лиц, указанных в п. «в» ч. 2 ст. 151 УПК РФ, либо несовершеннолетним по тяжким и особо тяжким преступлениям, уголовное дело следует передать по подследственности в подразделение Следственного комитета РФ через руководителя следственного органа.

4. Альтернативная подследственность определяет возможность осуществления расследования тем органом предварительного следствия, который выявил данное преступное деяние. Применительно к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности к таковым следует отнести составы преступлений, предусмотренных ст. 205⁴, 205⁵, 206, ч. 2 ст. 207, ст. 208, 209, 210, 239, ч. 2 ст. 243, ст. 282¹, 282², 282³.

Следует также отметить, что следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголов-

ное дело руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности. По мотивированному постановлению руководителя вышестоящего следственного органа уголовное дело может быть передано для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган с письменным уведомлением прокурора о принятом решении (чч. 5 и 6 ст. 152 УПК РФ).

В правоприменительной деятельности в ряде случаев трудно решить вопрос о подследственности по предметному признаку, когда деяние может быть отнесено к ведению различных правоохранительных органов. Это касается как идеальной (если одним действием одного лица совершено несколько преступлений), так реальной (если разными действиями одного лица совершено несколько преступлений) совокупности преступлений. В таких случаях в практической деятельности уголовное дело расследуется либо следователем того ведомства, где оно было возбуждено, либо передается в следственное подразделение того правоохранительного органа, к подследственности которого относится наиболее тяжкое преступление.

Кроме того, если дознавателем выявлено, что лицо совершило два и более преступлений, одно из которых относится к подследственности органов предварительного следствия, уголовное дело следует передать по подследственности через прокурора в тот орган предварительного следствия, которому подследственно данное преступное деяние. В то же время следователь в аналогичной ситуации может продолжить расследование уголовного дела, подследственного органу дознания.

При этом, в случае соединения в одном производстве уголовных дел, подследственных разным органам предварительного расследования, подследственность определяется прокурором с соблюдением правил подследственности, определенных ст. 151 УПК РФ.

В заключение настоящей статьи следует отметить, что все споры о подследственности разрешаются прокурором (ч. 8 ст. 151 УПК РФ). Это обусловлено тем, что при современном построении следственных аппаратов и разделении функций между участниками уголовного судопроизводства, именно прокурор объективно обладает возможностями для надлежащего разрешения споров о подследственности¹.

---

¹ Захаров, Н. В. Теория и практика определения подследственности уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 15.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенного, можно сделать вывод, что прежде, чем приступать к расследованию уголовного дела террористического характера либо экстремистской направленности следователем либо дознавателем органа внутренних дел РФ, необходимо определить его подследственность согласно рассмотренным выше правилам. В случае же установления, что уголовное дело не подследственно должностному лицу, его следует передать по подследственности в соответствии со ст. 151 и 152 УПК РФ.

Гришай Е.В.,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор, полковник полиции

ПЕРСПЕКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современной научной и педагогической литературе понятие «юридический статус» обращено к осмыслению и диагностике индивидов, которые рассматриваются как непосредственные участники финансовой, производственной, коммерческой деятельности. То есть в реальности современной социальной, культурной, хозяйственной деятельности юридический статус личности предполагает понимание эволюции права в контексте усложнения социальной и экономической организации общества. Соответственно возрастает актуальность формулировки и решения комплексной задачи воспитания и перевоспитания личности, способной адаптироваться в условиях масштабных трансформаций. На практике это, прежде всего, выражается в умении и стремлении находить законные основания действия, решений в сложных и новых жизненных, профессиональных, проблемных ситуациях.

Правовые координаты личности имеют выраженный структурированный характер. В том числе такая структура предполагает социологически фиксируемую и измеряемую изменчивость. А также философскую переоценку правовых установок и ценностей индивидуального и общественного сознания. Управленческое содержание составляют размерности властных сопоставлений в сфере политики и адми-

нистрирования для юридического статуса в перспективах гражданского общества.

По содержанию юридического статуса личности мы выделяем не менее двух основных признаков. Во-первых, это стремление регулярно применять правовые знания и навыки в собственной практической деятельности. Во-вторых, потребность и понимание необходимости учить и усваивать нормы законодательства и правопримлемого поведения в течение всей жизни. Методики социально-правового проектирования позволяют формировать у гражданина сознание гарантий защищенности в ситуациях правоприменения.

Таким образом, юридический статус личности предельно зависим от приоритетов конкретной сферы социальных коммуникаций, образа жизни и исходных традиций социализации. В наибольшей степени правовой статус юридических лиц раскрывается через ролевое участие в гражданских взаимоотношениях. Так, при обосновании различных аспектов поддержания юридического статуса личности, современное российское законодательство выделяет актуальность правовой основы участия прокурора на всех стадиях судопроизводства. Безусловно – не затрагивая при этом принцип независимости судей, деятельность которых определена Конституцией Российской Федерации. В том числе защита прав, свобод и законных интересов граждан прямо обращена к идее повышения авторитета и компетенции государственно-правовой деятельности в целом. Так, Л.Ю. Егорова пишет: «... не являясь в материально-правовом смысле субъектом спора о праве, прокурор защищает права и законные интересы других лиц, государства и организаций и является носителем лишь процессуального интереса в решении спорного правоотношения, а интерес этот сосредоточен на реализации одной государственной функции – надзора за соблюдением законности. Участие прокурора в суде, как правило, является частью его основной деятельности по надзору за точным и безусловным исполнением законов»¹. В то же время в законодательстве нет предписаний для органов прокуратуры по выявлению обстоятельств и условий противодействия для комплекса проблем развития гражданского общества.

В условиях кардинальных преобразований основных сфер экономики, финансов, политики и культурной жизни страны остро встает вопрос юридических гарантий прав человека. Новые проблемы обеспечения общественной безопасности значительно разграничивают

---

¹ Егорова Л.Ю. Процессуальные противоречия судебной защиты публичных интересов // М., Законность. 2006. № 1. С. 14.

понимание данного феномена в сопоставлении с традициями этнической, языковой, национальной самобытности. Противодействие преступности в современных условиях отражает новые реалии преемственности и передачи правового опыта в обучении и воспитании новых поколений граждан России.

Действенными показателями юридических гарантий прав человека следует считать:

- гуманистическую направленность развития гражданского общества и участия его институтов в обеспечении общественной безопасности;

- компетентность специалистов управления и администрирования в знании индивидуальной и групповой психологии;

- владение технологиями объяснения и комментирования норм законодательства;

- совершенствование знаний по уровням правовой компетентности для всех категорий граждан;

- формирование культуры ответственного гражданственного поведения личности.

В аспекте юридических гарантий прав человека по предмету обеспечения общественной безопасности актуален следующий тезис В.П. Казимирчука: «... важным элементом (этапом) механизма социального действия права становится доведение правовых норм и предписаний до всеобщего сведения, или до сведения узкой социальной группы, на которую распространяется исключительное действие правовой нормы»¹. Одновременное выполнение указанных требований становится возможным при совершенствовании существующих норм понимания права и юридических гарантий для новых методов обеспечения прав человека и гражданина.

Юридический статус личности по формату социального государства раскрывает новые возможности индивида, а так же ресурсы государственного управления при обеспечении реальной ответственности за судьбу каждого гражданина и безопасность общества. Такое комплексное понимание позволяет рассматривать проекты в соотношении социального равенства и неравенства, социальной справедливости, несправедливости, оценки и переоценки проблем развития гражданского общества и участия его институтов в обеспечении общественной безопасности.

---

¹ Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Государство и право. – М., 1971. С. 37.

В перспективах юридического статуса личности для гражданского типа правоотношений может быть предложена классификация по объекту, предмету и степени формализации соответствующей деятельности. По нашему мнению, сюда должны быть включены следующие характеристики:

- формализация критериев по обеспечению общественной безопасности;
- социальная композиция в диапазоне соответствующих гражданских навыков;
- психологическая уверенность как характеристика развития личности, субъективной оценки и понимания такой динамики;
- управленческое проектирование для редких и новых ситуаций в комплексе проблем развития гражданского общества;
- диагностика состояний и логики развития ролевых и статусных установок личности в пределах ожидаемых возможностей гражданского общества;
- сопоставление перспективных проблем и процессов, актуальных в обосновании содержания юридического статуса личности для гражданского общества;
- организационное и техническое обеспечение статистического материала по условиям решаемых теоретических и практических задач.

Сфера юридической ответственности, как проявления одной из высших степеней гражданственности, вовлекает в круг своих проблем задачи развития законодательства, экономики, политики, культуры, личности конкретного человека. Например, отечественный автор Д.В. Кислов полагает, что «...деловая репутация – не какое-либо единичное явление, а совокупность факторов, позволяющих более успешно вести бизнес»¹.

Соотношение прав человека и юридических гарантий их соблюдения отражает специфический пласт человеческой истории и культуры. Объективно – социальный институт прав человека имеет истоки своей организации от начальных этапов человеческого общества. Однако многообразные трактовки прав человека для разных эпох и обществ весьма различны. Так, права, которыми наделены люди по основаниям в обществах рабства, крепостной зависимости, иных форм угнетения – это тоже права. Специфически трактуемые, но права. В то же время очевидно, что наделение правами в формате гражданского общества предельно отличается от известных в истории форм и опыта. Прежде всего, по ожидаемым основаниям гуманизма и справедливости. Новый юридический статус составляет разновидность культу-

---

¹ Кислов Д.В. Нематериальные активы: Учет и налоги. – М.: ГроссМедиа, 2006. С. 44.

ры управления и права, соизмерения социальных статусов и ролей в движении общества к гуманистическому идеалу. Права и ответственность – это прежде всего масштабная гарантия развития и совершенствования индивидов, общественных групп и социальных институтов.

Социализация и правовая адаптация определяют комплексное условие успешности обучения, развития, социального лифта в пределах юридического статуса личности. Специфическим условием развития данного статуса определяется необходимость координации, развития и регулирования контрольных и надзорных органов в диагностике факторов правовой, юридической дискриминации и адекватного реагирования со стороны заинтересованных структур.

В качестве вывода отметим следующее. Перспективы юридического статуса личности обусловлены предыдущими фрагментами и этапами соответствующей истории. В юридическом статусе комплексно воплощены духовные ценности семейного воспитания и обязательного образования, нормы гражданской ответственности и понимание исторических условий для формата конкретного законодательства. Социальным, граждански ответственным может быть только изначально правовое государство. В пределах такой государственности ведущей составляющей высокого юридического статуса личности является гуманистическая направленность субъекта в эффектах активности получения и практической реализации новых знаний по приоритетным темам социальной, гражданской, правовой ответственности.

Эриашвили Н.Д.,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЕЕ СУБЪЕКТАХ: ОБЩИЙ ПОДХОД И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Преступность является неизбежным спутником всякого государства, в том числе и Российской Федерации¹ как субъекта международного права.

---

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подроб. об этом см.: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // *Вестник Моск. ун-та МВД России.* 2010. № 5. С. 119–123).

Преступность в целом и ее отдельные аспекты достаточно часто избираются в качестве предмета научных изысканий¹.

Так, С.М. Иншаков обосновывает выделение трех «уровней исследования» преступности:

- 1) теоретическое осмысление криминальной реальности;
- 2) сбор эмпирической информации о преступности, ее детерминантах и об эффективности системы противодействия;
- 3) обобщение и анализ эмпирических фактов»².

По мнению И.В. Никитенко, при исследовании «миграционной преступности» в «азиатской части России» «именно криминальная составляющая этого явления представляет наибольшую угрозу миграционной безопасности Российской Федерации»³.

Представляет интерес и суждение А.Ж. Саркисяна о том, что в деятельности правоохранительных органов прогнозирование преступности приобретает большое практическое значение и, прежде всего, для получения информации о будущем состоянии преступности, которая используется в перспективном планировании⁴.

В.В. Макаров раскрывает «системные свойства» преступности («главная задача в этом направлении для науки должна заключаться в том, что преступность нужно изучать с позиций системного подхода и планировать самые серьезные меры государственного масштаба по ее нейтрализации»)⁵.

Ю.В. Трунцевский на основе анализа различных проявлений преступности, в частности, насильственной преступности, преступно-

---

¹ См. об этом, напр.: *Эриашвили Н.Д.* Присвоение и растрата чужого имущества как форма хищения. Уголовно-правовой анализ: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010;

Павлухин А.Н., Крутикина Ю.А., Эриашвили Н.Д. Уголовная ответственность за умышленные убийства из корыстных побуждений и совершенных по найму: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015;

Квалификация деяния. Тактика и методика расследования коррупционных преступлений. Настольная книга следователя: Учебное пособие / Под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015;

Экономическая безопасность: Учебник для студентов. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.С. Маиляна, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

² *Иншаков С.М.* Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. С. 3.

³ *Никитенко И.В.* Миграционная преступность в азиатской части России: Монография. М.: ФГКУ «ВНИИИ МВД России», 2014. С. 114.

⁴ *Саркисян А.Ж.* Криминологическое прогнозирование преступности на основе математических методов // Расследование преступлений. 2016. № 1. С. 84.

⁵ *Макаров В.В.* Преступность как система: институциональные проблемы // Рос. следователь. 2013. № 23. С. 31—34.

сти несовершеннолетних, коррупции, экономической преступности, уличной преступности осуществил прогноз развития преступности в Российской Федерации («Таким образом, в настоящих условиях широкого распространения интернет-технологий в сфере финансовой деятельности можно прогнозировать рост сетевой преступности, представляющей угрозу экономической безопасности потребителей, государства, общества и в особенности бизнесу»)¹.

В.М. Бозров, рассмотрев задачи и роль правосудия в сфере общественных ценностей и проанализировав превентивные возможности суда, высказал следующее по существу абстрактное суждение: «Криминологическая наука вполне обоснованно доказала, что озабоченность руководителей судов высоким уровнем преступности, а особенно среди несовершеннолетних, вполне обоснована. Понятно их стремление если не снизить, то хотя бы оказать помощь в сдерживании этого негативного процесса. Такое содействие в основе своей зачастую видится во вменении судьям и работникам аппарата воспитательных функций вне судебной деятельности. Идея хорошая, если бы она тоже не шла во вред правосудию, только ради которого существуют суды. Никому еще до сих пор не удавалось отменить или скорректировать закон сообщающихся сосудов. Если при нынешней судебной нагрузке силы и возможности судей и работников судов, пусть даже отчасти, отвлекать на несвойственную им профилактическую деятельность, то ровно настолько же (а может, и больше) пострадает правосудие. Повторюсь, речь идет о судьях судов общей юрисдикции, поскольку вся эта профилактическая работа стала в ряде регионов их обязанностью. Здесь опять возникает определенная непоследовательность в реализации идеи вовлечения судов в борьбу с преступностью, которая выражается в вопросе: а почему, собственно, этим должны заниматься только судьи судов общей юрисдикции? Ведь куда эффективней была бы эта борьба, если бы подключить к ней судей Конституционного Суда, арбитражных и уставных судей. Разве их деятельность не связана с защитой государственных интересов? Представляется, что вопросы эти носят заведомо риторический характер, поскольку эффективная превенция возможна лишь в рамках политических, экономических, правовых, социальных, психологических и педагогических мер, но совершенно неприемлема в рамках какой-то ответственности по конкретному уголовному или гражданскому делу»².

---

¹ Трунцевский Ю.В. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации и прогнозы ее развития // Рос. юстиция. 2016. № 8. С. 29–31.

² Бозров В.М. Борьба с преступностью – не судебное дело // Рос. судья. 2013. № 9. С. 46–48.

Противоречиво суждение Ю.В. Голика: «Таким образом, преступность нельзя вырвать из нашей жизни во всем ее многообразии. Она имманентно присуща человеческому сообществу и окончательно исчезнет, видимо, с исчезновением последнего человека. Побороть ее нельзя, но бороться нужно. При этом приемы и методы борьбы необходимо постоянно совершенствовать, подгоняя их под постоянно меняющиеся условия жизни. Нам будет сопутствовать успех только в случае постоянного движения вперед. Любое топтание на месте тут же превращается в движение назад. А вперед двигаться мы можем!»¹.

Корифей криминологической науки В.Н. Кудрявцев выделял три основных направления «борьбы с преступностью»:

«Первое направление – непосредственное воздействие на преступность, состоящее в предупреждении и пресечении преступлений, задержании и наказании виновных»;

«Второе направление – воздействие на главные, основные причины преступности, коренящиеся в экономическом строе общества со всеми его особенностями и недостатками, а также в социальной и политической сферах жизни общества, обусловленных этим строем»;

«...третье направление – связанное с общественным и индивидуальным сознанием, ценностными ориентациями, моральными, религиозными и правовыми представлениями и характерами людей»².

М.А. Сутурин, рассматривая преступность, применил «два основных концептуальных подхода»:

«с точки зрения классической криминологии»;

«с более широких социально-философских позиций как естественное, нормативное явление для любого общества»³.

Т.А. Алексеева в качестве предмета исследования избирала «теоретические положения и проблемы, касающиеся уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления, совершаемые в коммерческих организациях и в сфере их деятельности, а также мер их предупреждения»⁴.

В.В. Пилявец при исследовании «этнической преступности» сформулировал несколько обобщающих выводов:

---

¹ Голик Ю.В. Борьба с преступностью как проблема / Преступность, уголовная политики, закон: Сборник / Под ред. А.И. Долговой. М.: Рос. криминологич. ассоциация, 2016. С. 13.

² Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. С. 235.

³ Сутурин М.А. Теория и практика предупреждения преступности: Учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 92.

⁴ Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях (криминологическая характеристика и предупреждение): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 5.

«...понятие этнической преступности является неустоявшимся в криминологической науке»;

«...проблема противодействия этнической преступности тесно связана с миграционными процессами»¹.

Авторы-единомышленники Г.М. Аглямова, М.В. Талан, Р.Н. Хамитов разработали «концепцию предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления»².

Даже приведенные суждения видных представителей криминологической науки подтверждают отсутствие единообразного подхода по отношению к преступности. Иначе говоря, в юридической литературе высказываются разные суждения относительно преступности в целом и ее отдельных аспектов, в частности. И все-таки преступность, как нам представляется, необходимо исследовать как цельное негативное социальное явление. Относительно преступности (и всех ее разновидностей³) допустимо исключительно противодействие, а не борьба, ибо преступность необходимо рассматривать как «вечный спутник» человечества⁴.

Вероятно, именно данное обстоятельство предопределяет и несовершенство законодательства о преступности, в особенности уголовное законодательство⁵.

В первую очередь обращаем внимание на Указ Президента РФ «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» № 567 от 18 апреля 1996 г.⁶. В данном подзакон-

---

¹ *Пилявец В.В.* Этническая преступность (социальные и криминологические аспекты): Монография. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2016. С. 61–66.

² *Аглямова Г.М., Талан М.В., Хамитов Р.Н.* Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления в Российской Федерации: Монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 185–191.

³ Относительно так называемой «организованной преступности» см., например: Татаров Л.А., Галузо В.Н. О допустимости использования термина «организованная преступность» в юридической литературе и в законодательстве Российской Федерации // *Образование и право.* 2017. № 9. С. 179–185.

⁴ Подроб. об этом см.: *Галузо В.Н.* Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // *Закон и право.* 2008. № 7. С. 35–36.

⁵ Подроб. см.: *Галузо В.Н.* О системе уголовного законодательства в Российской Федерации / Конвенционные начала в уголовном праве: Междунар. науч.-практ. конф. 22 ноября 2013 г. / Отв. ред. Б.В. Яценко. М.: РПА Минюста России, 2014. С. 99–104;

Галузо В.Н. «Уголовный закон» или «уголовное законодательство» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. 23 мая 2014 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 74–78.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1958; 2016. № 50. Ст. 7077.

ном нормативном правовом акте¹ обнаруживаем две неопределенности: какие именно правоохранительные органы наделены соответствующей компетенцией²; речь должна вестись именно о противодействии преступности.

Это же относится и к иным нормативным правовым актам, а именно: к постановлению Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» № 345 от 15 апреля 2014 г.³; к приказу Генерального прокурора РФ «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» № 7 от 16 января 2012 г.⁴.

В некоторых федеральных законах РФ использован термин «противодействие» (Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» от 19 декабря 2008 г.;⁵ Федеральный закон РФ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 июля 2010 г.).⁶

Изложенное позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, преступность является неизбежным негативным социальным явлением, присущим всякому государству, в том числе и Российской Федерации.

Во-вторых, преступность необходимо исследовать как единую правовую категорию, без вычленения из нее иных разновидностей (например, миграционная, коррупционная, этническая и т.д.).

В-третьих, преступность как правовую категорию необходимо рассматривать именно в Российской Федерации. Относительно отдельных субъектов Российской Федерации необходимо учитывать имеющиеся особенности (например, в Хабаровском крае, неконтро-

---

¹ О системе нормативных правовых актов в РФ подроб. см.: *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // *Закон и право.* 2009. № 8. С. 28–30;

Галузо В.Н. О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2009. № 4. С. 27–30.

² О правоохранительных органах подроб. см.: *Галузо В.Н.* Теория правоохраны – новое направление в юридической науке? // *Закон и право.* 2009. № 12. С. 15–16;

Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. 10-е изд., перераб. и доп. / Под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой, О.Д. Жука. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

³ СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2188.

⁴ *Законность.* 2012. № 3.

⁵ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228; 2017. № 15 (ч. I). Ст. 2139.

⁶ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4193; 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4225.

лируемую миграцию граждан Китайской Народной Республики; в Кабардино-Балкарской Республике – роль исламской религии и др.).

В-четвертых, относительно преступности допустимо использование исключительно доктрины противодействия.

В-пятых, использование доктрины борьбы по отношению к преступности признать несовершеннолетним.

Халилов Т.А.,

*заместитель главного редактора - научный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
кандидат политических наук*

КОНЦЕПТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Длющаяся информационная революция уже привела к глобальным изменениям, в частности, к созданию так называемой «виртуальной инфосферы». Человечество столкнулось с такой существенной проблемой как информационная перегруженность¹. Уже в конце XX века появляется научное понятие «информационное оружие». Безусловно, этот вид оружия применялся и ранее, однако, в прошлом люди могли влиять друг на друга непосредственно в процессе общения, используя для воздействия на собеседника слова, жесты, мимику и интонацию. Сегодня же, создавая специальные технологии коммуникации и общения, человек открывает более широкий спектр способов воздействия на физическое тело, человеческую психику, политическое сознание. Последние международные события ярко отражают закономерности и эффекты информационной войны, где рушатся репутации и имиджи, делегитимируются позиции и статусы известных высокопоставленных лиц, терпят крах бренды и торговые марки, происходят деконструкции социальных капиталов и т.д.

Представителям элитарного, правоохранительного, академического, экспертного сообществ необходимо уделять особое внимание тем саморазрушительным механизмам цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов радикализма, экстремизма и терроризма, включая биологический и компьютерный. Существует столько различных политических, идеологических, когнитивных технологий,

---

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2002. С. 178.

угрожающих человечеству, что практически любая из них заслуживает самостоятельного хоррологического¹ исследования. Так, например, после 11 сентября 2001 года вполне уместно говорить о так называемой «хоррологии авиации и архитектуры». Крайне показательны, что террористы ничего своего, в материальном смысле, не вложили в акт массового убийства. Они так сгруппировали достижения современной цивилизации: самолеты с небоскребами, – что те разрушили друг друга. Террористы заставили весь технический прогресс работать на себя и обратить внимание всего человечества на тот факт, что победа *инновации* над *традицией* крайне спорна. Глубокая кенотипика² этого мегасобытия показывает, что терроризм в своих «высших достижениях» неотделим от самой цивилизации. Но это одновременно значит, что и цивилизация неотделима от заложенной в ней возможности террора³.

Многие государства вынуждены защищать национальные информационные ресурсы, сохранять конфиденциальность информационного обмена в международных публичных сетях во избежание политической и/или экономической конфронтации между глобальными акторами. В этой связи, сознание людей является объектом информационной войны, а целью – манипулировать сознанием общества.

Идеи и выводы исследования расширяют проблемное поле целого ряда политико-правовых дисциплин, в первую очередь, таких как политология, государственное управление, теория политических коммуникаций, этнополология, политическая конфликтология и др.

Согласно исследованиям доктора политических наук И.Н. Панарина можно утверждать следующее: чем большими возможностями в информационной сфере обладает государство, тем вероятнее (при прочих равных условиях) оно может добиться геополитических, геоэкономических и геокультурных стратегических преимуществ⁴.

Понятие «информационная война» сегодня оказалось в центре всеобщего внимания. Политологи и социологи ведут острые дискуссии на тему корреляций информационной войны и психологического давления на социум. Однако к универсальной теории эксперты еще не

---

¹ Horrology, horrorology; от лат. *horror* – ужас.

² Кенотипика (kenotype; от лат. *kainos* – новый и *typos* – образ, отпечаток) – «новообраз», обобщенно-образная схема сознания, не имеющая прецедентов в коллективном бессознательном и относимая к будущему по своему символическому значению.

³ Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 550.

⁴ Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Изд-во Поколение, 2006. С. 169.

пришли, поэтому мало, кто сможет дать точное и исчерпывающее определение и обоснование этого концепта. Любые феномены, особенно политические, стремящиеся к закрытости, всегда будут отрезаны от сколько-нибудь качественной экспертизы и объективной научной аналитики¹. Также вовсе не простой задачей для специалистов также является ответ на вопрос: когда именно зародилось словосочетание «информационная война» и когда люди стали рассматривать информацию как новый тип оружия? Противоборство политических идеологий и психологические конфликты обсуждались еще с античных времен. Военные конфликты не мыслимы без идей о самой войне, которых в истории было несчетное количество. Известный теоретик С.К. Падовер иначе формулирует понятие информационной войны, разграничивая его с войной психологической. Он считает, что это есть не что иное, как уничтожение желания противника сражаться, используя все возможные виды коммуникации².

Сегодня становление информационного общества и развитие информационно-коммуникационных технологий позволяют рассматривать термин «информационная война» как самостоятельную категорию в исследовательском дискурсе. Однако сложность объекта исследования и отсутствие универсального определения привели к возникновению множества различных концепций, подходов, а также методологических и теоретических позиций авторов различных научных школ и областей научного исследования.

Это позволяет рассматривать проблематику данного явления, акцентируя пристальное внимание на конкретных аспектах, связанных с определенной областью изучения. Так, с точки зрения психологической парадигмы под информационной войной подразумевают некое скрытое влияние информации на индивидуальное, групповое и массовое сознание, используя пропаганду, манипулирование и дезинформацию, чтобы сформировать новые взгляды на социально-политическую картину общества, изменяя при этом ценностные ориентации и базовые установки личности.

Социально-коммуникативный аспект информационной войны также выделяется и изучается отдельной группой ученых. Их методологический принцип исследования отличается тем, что в предметном

---

¹ Халилов Т.А. Рецензия на книгу Стейна Рингена «Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения». Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2-2. С. 205-206. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-205-206.

² Padover S.K. Psychological Warfare and Foreign Policy // The Theory and Practice of International Relations. Englewood Cliffs, 1960. 238 p.

поле доминирует информация, а не сознание людей. Информация, которая приобретает господствующее влияние в новой интерактивной реальности и формирует когнитивные ориентации.

Этой теории придерживаются такие отечественные исследователи как М.Ю. Павлютенкова: информационная война – это коммуникативная технология, главной целью которой является достижение информационного превосходства в интересах национальной стратегии¹. Данной логике также соответствуют рассуждения М.А. Родионова и В.С. Пирумова, которые рассматривают информационную войну как форму борьбы сторон, которая заключается в использовании специальных средств и способов влияния на информационные ресурсы противника, защищая при этом собственный информационный капитал. Главные методы – разведывательные и политико-психологические действия в отношении противника².

На наш взгляд, наиболее объемное видение изучаемого спорного феномена, достигнутое посредством системного подхода, представлено в работах отечественных исследователей С.Н. Бухарина, С.П. Расторгуева, В.В. Цыганова. Так, С.П. Расторгуев сформулировал базовое понятие, в котором информационная война трактуется как открытые/скрытые воздействия информационных систем друг на друга с целью деформации и/или уничтожения противоположной стороны. Они ориентированы на достижение преимущества не столько в материальной, сколько в политической и духовной сферах, нанесение обществу культурной травмы, влекущей демонтаж государства³.

С.Н. Бухарин и В.В. Цыганов рассматривают информационную войну как динамический процесс, происходящий в сложной системе с большим количеством параметров и элементов, связи между которыми имеют не детерминированный, а вероятностный характер. Данные авторы считают, что такая война является следствием опережающего развития какого-либо компонента, требующего перераспределения ресурсов в свою пользу и повышенной безопасности. Это выводит систему из состояния равновесия. Результатом информационной войны становится преобразование системы либо ее исчезновение и формирование новой организации⁴.

---

¹ Павлютенкова М.Ю. Информационная война: реальная угроза или современный миф? // Власть. 2001. № 12. С. 23.

² Пирумов В.С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5. С. 44.

³ Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. С. 198.

⁴ См.: Байгузин Р.Н. Информационная война. М.: Владимирская офсетная типография, 2000. 140с. Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. М.: Академический проект, 2007. 480 с. Бухарин С.Н. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. 384 с.

По нашему мнению, следует выявлять отдельные аспекты исследуемой проблематики. Психологическая парадигма позволяет изучать рычаги влияния на внутриличностные процессы индивидов. Социально-коммуникативный подход позволяет решать задачи, восполняя пробелы в знаниях о способах и характере интеракций, которые возникают в ходе информационного противостояния между субъектами. Геополитическое видение этого явления предоставляет возможность проанализировать различные методы современной мировой политики с целью достижения политического и экономического преобладания в мирное время. Конфликтологический подход дает возможность понимания адекватной оценки стратегического значения информации в достижении доминирующей позиции как следствия борьбы за власть, политический статус и ресурсы. Соответственно, системное представление позволяет проводить комплексное исследование концепта информационной войны, учитывая взаимосвязь его отдельных элементов, и влияние их на методы и тактики наступательных стратегий.

Таким образом, концепт информационной войны с каждым днем актуализируется в отечественных и зарубежных медиа. Научно-технический прогресс и интеграция мирового сообщества подтолкнули к становлению информационной войны как самостоятельного вида и эффективного формата реализации внешнеполитического курса того или иного государства.

Как известно, основной инструмент ведения информационной войны представляет собой информационное оружие, состоящее из совокупности средств, методов и технологий информационно-психологического влияния, созданных с целью тайного управления сферой информации противника, системами и процессами, работающими на основе информации, а также – для нанесения им ущерба. В ходе информационного противостояния проявляется феномен видеократии, который можно охарактеризовать как власть визуальных средств коммуникации над общественным сознанием, систему наглядных образов как источник или средство политического господства.

В основе традиционного способа воздействия лежат убеждение людей, обращение к их разуму, применяя рациональные аргументы, логику. «Бытие определяет сознание» – такое объяснение было в марксистской теории. Возникновение рабочих кружков на рубеже XIX и XX столетий ярко отражают суть этого способа, когда руководители этих кружков, анализируя внешний мир, объясняли что и как

делать, с чего нужно начинать и разъясняли рационально-логический путь событий.

Информационно-психологическая война предполагает использование множества механизмов, непосредственно воздействующих на процесс мышления человека. Философы-«идеалисты», такие как А.Ф. Лосев, Г. Фреге, Г. Лебон и Э. Кассирер работали над функциональным подходом к сознанию человека. Суть этого подхода заключалась в соответствиях, соотношениях, определенных разграничениях, постоянных элементах и связях, а не в самом материальном предмете.

Эти научные исследования привели к возникновению понятия «символическое пространство». Под символическим пространством теоретики подразумевают абстрактное мышление, которое осуществляется посредством символов, благодаря чему человек способен опосредованно анализировать внешний мир. Это говорит нам о том, что человек живет как в физическом, так и в символическом универсуме. Сегодня быстрыми темпами растет символическая активность человека, но вместе с этим происходит отдаление физической реальности, что облегчает процесс управления и манипулирования людьми. Символическое мышление привело не только к невиданному прорыву человечества к новым технологиям и знаниям, но и открыла новые возможности для управления человеческим сознанием. Помимо отдельных направлений использования символов существует общий подход, заключающийся в разработке компьютерной карты взаимосвязей в пространстве символов. Например, в США ведется разработка компьютерных образов конкретных клиентов фирм для ясного понимания их реакции на тот или иной подход и анализа действий, позволяющая достичь оптимального результата. Аналогичная карта может быть разработана как для общественного сознания, так и для военных действий.

Современное информационное общество обладает могучим средством реализации методов и приемов психологической войны – средства массовой информации. Так, например, по мнению известного американского политолога М. Паренти, СМИ «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций»¹.

---

¹ Parenti M. *Inventing Reality: The Politics of News Media*. 2nd. ed. 1993. New York: St. Martin's.

Сегодняшние средства массовой коммуникации создают «массового» человека XXI века. Они заменяют традиционные контакты и практики взаимодействия людей на телевидение и компьютеры, что разобщает и отдаляет людей друг от друга. Известный отечественный исследователь С. Кара-Мурза приводит характерные черты «массового человека» в своей работе «Манипуляция сознанием». Автор пишет о возникновении социальной дезориентации: большой интерес вызывает не аргументированный анализ, а уверенное, энергичное, хоть и бездоказательное, утверждение. На фоне этого снижаются способности и концентрация человека. Поэтому автор характеризует «массового человека», как импульсивного, переменчивого, способного лишь к относительно краткосрочным программам действия и чаще предпочитающего иллюзию действительности. Раньше, на протяжении мировой истории, главный источник подавления людей представлял собой физические методы воздействия и принуждения – от пыток инквизиции до современных средств массового уничтожения. Теперь же, после развала СССР в информационно-психологической войне, стало ясно, что появилось новое средство господства над людьми¹.

Методы ведения информационной войны весьма разнообразны, начиная с мелких хакерских взломов и заканчивая крупным шпионажем. В настоящее время «преступление в киберпространстве» неразрывно связано и с самим понятием информационной войны. Это обуславливает тот факт, что большая часть информации в современных реалиях хранится в цифровом виде на жестких дисках, в интернете и на виртуальных носителях («облаках»). Сегодня кроме традиционных методов воздействия на СМИ, атаки совершаются и на непосредственные хранилища данных, чтобы получить компрометирующую информацию. Именно поэтому в последнее время зафиксировано так много случаев промышленного шпионажа, способных привести к обострению политических и экономических проблем. Повсеместное развитие информационных технологий вызывает угрозу глобального характера. А это значит, что утечка какой-либо секретной информации может привести к обострению конфликта не только на локальном, но и на международном уровне.

Подробнее хотелось бы остановиться на одном из средств информационного оружия, которое может быть сформулировано как мирная пропаганда достоинств собственного образа жизни. А. Зиновьев ввел термин «западнизация». По определению выдающегося мыслителя, западнизация есть стремление Запада сделать другие

---

¹ Кара-Мурза С. Манипуляции сознанием. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 864 с.

страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собой вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. «Мы свободны, богаты и счастливы, – внушает Запад западнизиремым народам, – и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми». Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего¹.

Все теоретики и практики, имеющие дело с феноменом информационного оружия, главным преимуществом его обозначают относительную дешевизну в сравнении с другими видами вооружения. Это обусловлено тем, что для уничтожения противника не требуется особых издержек. Подразумевается, что противник уже имеет все необходимые медиасредства, чтобы уничтожить себя. И потому главной задачей применяющего информационное оружие является помощь противнику в направлении уже имеющихся у него коммуникационных средств, в том числе и технических, против самого себя.

Исследование спорного феномена информационных войн является сложной задачей ввиду нескольких причин. Во-первых, сегодня, в эпоху развитых технологий, информационное освещение любого происходящего в мире события, в том числе и регионального конфликта, не является чем-то удивительным и не обязательно должно быть связано с информационной атакой или информационным противоборством. Во-вторых, для исследователя достаточно сложно бывает уловить ту, крайне тонкую, грань, которая отделяет простое информационное освещение или трансляцию какой-либо точки зрения от информационной атаки и информационной войны.

Таким образом, крупномасштабное информационное противоборство, которое может быть развязано различными общественными группами, включая террористические группировки, наркотические картели или подпольных торговцев оружием массового поражения, преследует цель изменения баланса сил в обществе. И если смотреть в корень этого феномена, то это есть война за знания – за то, кому известны корректные ответы на ключевые вопросы.

---

¹ Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. М.: Харвест, 2000. 128 с.

Ларичев В.Д.,
*главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
доктор юридических наук, профессор*

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ БАНКОВСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Глобализация - процесс мирового объединения экономической, политической, культурной и других сфер общественной деятельности и интересов граждан. Глобализация экономики - одна из закономерностей мирового развития. В результате глобализации происходит международное разделение труда, миграция рабочей силы, производственных ресурсов, технологических процессов, перемещение капиталов в масштабах всей планеты, осуществляется рост международной торговли, происходит включение экономик отдельных государств в мировой рынок и их тесное переплетение. На этой базе осуществляется формирование единой мировой рыночной экономики, создаются мировые финансовые рынки.

В основе глобализации лежит информационный этап научно-технической революции, в результате чего произошли кардинальные перемены в современном миропорядке. Особенность этой научно-технической революции состоит в том, что она вторгается в информационную сферу, затрагивая такие основополагающие для различных видов деятельности процессы, как создание и обработка, хранение и передача информации, что ведет к коренным социальным трансформациям в области экономики, политики, культуры и др.

Глобализация социальных и экономических процессов породила и глобализацию преступности, делая ее все более организованной и транснациональной. Преступные сообщества гораздо быстрее, чем государственные структуры разных стран, реагируют на развитие различных типов коммуникаций, на облегчение передвижений и т.п.

Транснациональная преступность характеризуется значительным разнообразием и имеет своей целью в первую очередь удовлетворение корыстных интересов, получение финансовой и коммерческой прибыли и представляет реальную угрозу национальной безопасности государств.

«Преступный потенциал» глобализации экономики проявляет себя в следующем:

- большая скорость перемещения капитала приводят к монополизации финансовой системы, что усложняет процесс контроля над их деятельностью;

- через границы провозятся некачественные товары, различная нелегальная, в том числе браконьерская продукция, драгоценности и т. д.;

- создание единой глобальной информационной сети Интернет привело к увеличению количества компьютерных преступлений, а компьютерные мошенники получили возможность вмешиваться в ход различных финансовых операций, взламывать счета, системы кредитных карт и т. п.

Создание и развитие транснациональной преступности породило ряд проблем для государств, в первую очередь, проблему существенного снижения возможностей национальных правительств в управлении обществом и борьбе с преступностью.

Именно поэтому мировое сообщество ищет рецепты противодействия такой преступности в рамках ООН, Совета Европы, Интерпола, Европола и других международных организаций. Этими организациями разработаны и приняты различные конвенции, соглашения, руководящие принципы и рекомендации по основным направлениям борьбы с преступностью.

В связи с этим проблема преодоления криминализации экономики становится одной из важных проблем национальной и международной экономической политики и требует неотложных мер по ее реализации.

При этом следует отметить, что в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности отмечается, что преступление носит транснациональный характер, если:

а) оно совершено в более чем одном государстве;

б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;

в) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;

г) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве¹.

---

¹ См.: Ст. 3 Конвенции против транснациональной организованной преступности, принятой в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (с изм. от 15.11.2000).

К таким преступлениям в первую очередь следует отнести преступления (мошенничество) в сфере компьютерной информации. Компьютерные технологии позволяют увеличивать объемы и скорости международных финансовых расчетов, чем воспользовалась организованная преступность. Эти технологии уменьшили вероятность ее выявления и пресечения, что дало возможность легализовать доходы от различных видов незаконной деятельности. Ежедневно 1 млрд. криминальных долларов вливается в оборот мировых финансовых рынков. Каждый день через международные межбанковские электронные системы осуществляется более 465 тысяч электронных переводов на сумму более 2 триллионов долларов и 220 тысяч сделок¹.

Для мошенничества в сфере компьютерной информации, как правило, характерно несовпадение места совершения преступления и места происшествия. Выявление данных преступлений затрудняется качественными характеристиками сети Интернет, которые, в свою очередь, дают возможность преступным элементам использовать сервера, находящиеся вне юрисдикции Российской Федерации, для сокрытия фактов своей преступной деятельности.

Суть данного вида преступности заключается в хищении денежных средств потерпевших путем перехвата информации, незаконного получения конфиденциальной информации о клиенте и его счете, получения логинов и паролей граждан и юридических лиц и др.

Одним из направлений получения доступа к конфиденциальной информации является создание, использование и распространение вредоносных программ, которые затем могут самостоятельно создавать свои копии и распространять их различными способами. Вредоносные программы Н.А. Иванов делит на три группы:

- компьютерные вирусы;
- сетевые черви;
- троянские программы².

Компьютерные вирусы это программы, которые могут размножаться и заражать существующие файлы, становящиеся в результате заражения вредоносными. Так, 12 мая 2017 года в результате использования вредоносной программы WannaCry были подвергнуты хакер-

---

¹ См.: Пономарев Д.А. Информационные технологии как криминогенный фактор организованной преступности в условиях глобализации. Доклад на VI Международной конференции «Право и Интернет» // <http://www.consultant.ru>.

² См.: Иванов Н.А. Использование современных достижений науки и техники в преступной деятельности: специализированный учебный курс: Саратовский Центр по исследованию организованной преступности и коррупции. Саратов: Издательство ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. С. 77

ской атаке компьютеры более чем в 150 странах. В России атакам подверглись системы МЧС, МВД, РЖД, Сбербанк, мобильных операторов «Мегафон» и «Вымпелком».

Сетевые черви – вредоносные программы, не являющиеся частью других файлов. Их особенность состоит в достаточно быстром размножении. Опасность таких червей состоит в том, что внедрившись в сети они выполняют опасные для пользователя действия.

Задачей троянской программы является обеспечение мошеннику доступа к компьютеру и возможности управления им¹.

Для использования вредоносных программ злоумышленники собирают данные об уязвимостях в программном обеспечении.

По данным специалистов, 5% вредоносных программ созданы из хулиганских побуждений, 75% - для получения денег, 20% - для других целей².

Также для этого используются такие приемы, как:

- *фишинг* (англ. Phishing от password - пароль и fishing - рыбная ловля, выуживание) – массовая рассылка электронных писем от имени популярных брендов или банков с целью побуждения жертвы перейти на тот или иной сайт, после чего мошенники побуждают пользователя ввести свой логин и пароль³;

- разновидностью фишинга является *фарминг*, представляющий собой перенаправление жертвы по ложному адресу⁴;

- *использование DDoS-атак* - массовое распространение электронных сообщений на определенный сервер, в результате чего он «виснет». Во время зависания компьютера преступник выполняет нужные ему действия с помощью ранее внедренных туда вредоносных программ.

Используются и другие приемы получения конфиденциальной информации.

Банковский сектор – один из секторов, которым компьютерные мошенники уделяют наибольшее внимание. Особенно это касается

---

¹ Там же. С. 77-78.

² Там же. С. 78-79.

³ См.: Шевченко А.Г. Фишинг (phishing) как разновидность преступности в сфере высоких технологий (на примере Саратовской области) // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологических исследований / под ред. Н.А. Лопашенко; Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. Выпуск 6. С. 329-330; Мошенничества в Интернете // http://www.v.mvd.ru/mvd/stnicture/unit/k/moshen_intern.

⁴ См.: Безмалый В. Фишинг, вишинг, фарминг... // Мир ПК. 2006. № 12. С. 84.

систем дистанционного банковского обслуживания (ДБО), которое состоит в предоставлении банковских услуг на основании распоряжений клиентов банка, передаваемых через Интернет без визита в банк. Для обозначения этого используются такие термины, как «система Клиент-Банк», «Интернет-Банкинг» и другие. В.А. Окулесский и С.С. Потанин отмечают основные направления в системе ДБО:

- атаки на каналы передачи данных, атаки на передаваемые документы;
- атака на компьютер через Интернет с целью кражи электронной цифровой подписи (ЭЦП) и пароля;
- атака на компьютер через Интернет с целью захвата удаленного управления ресурсами компьютера¹ и др.

Вредоносные программы используются не только для заражения компьютеров, но и мобильных телефонов.

Другим видом банковской преступности в условиях глобализации является преступления, связанные с незаконным использованием банковских карт², с помощью которых совершаются различные преступления, на что указал Пленум Верховного суда Российской Федерации³.

Данные преступления осуществляются путем получения сведений о ПИН-кодах банковских карт, индивидуальных номеров банковских карт и других данных, после чего преступниками осуществляется снятие денежных средств со счета держателя карты. Хищения из банкоматов с использованием кредитных карт могут быть совершены по подлинным платежным картам и по поддельным. В первом случае используются следующие приемы:

- подглядывание значения ПИН-кода при его введении в банкомат держателем карты. Узнав ПИН-код, мошенниками осуществля-

---

¹ См.: Окулесский В.А., Потанин С.С. Несколько слов о безопасности систем Дистанционного Банковского Обслуживания // Вестник АРБ. 2011. № 5. С. 37.

² См.: Филиппов М.Н. Особенности расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов: монография. М.: Юрлитинформ, 2014; Воронцова С. В. Преступления в сфере электронных расчетов и платежей: правовые и организационно-тактические основы противодействия. Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010; Ветров Д. Н. Предупреждение хищений при использовании пластиковых денег в современных банковских системах (криминологические проблемы). Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1998; Вехов В. Б. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием пластиковых карт и их реквизитов: монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2005;.

³ См.: Постановление Пленум Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

ются различные меры по завладению картой, в том числе при помощи карманной кражи либо грабежа или разбоя;

- снятие денежных средств при помощи украденной либо утерянной карты, на которой содержится ПИН-код;

- несанкционированное снятие денежных средств при помощи карты, принадлежащей владельцу, доверившему ее 3-му лицу для проведения операций.

Для хищений из банкоматов, совершаемых при помощи поддельных платежных карт не нужно овладевать такой банковской картой. В этом случае мошенники стремятся узнать данные с магнитной полосы и ПИН-код карты. Для этого преступниками применяются следующие приемы и способы:

- применение технологии скимминга¹;

- использованием SMS-сообщений, при которых мошенники информируют свою жертву, что карточка якобы заблокирована, истек ее срок действия или изменился ПИН-код²;

- применение вредоносного программного обеспечения (ПО), используемого для хищения денежных средств из банкоматов. Проведенные исследования показывают большое количество «дыр» в банковском ПО, благодаря которым становится возможным проникновение и контроль над системой. Взлом ПО банкомата происходит потому, что хакеру удается изучить структуру установленных на банкоматах программ и понять как они работают³;

- использование фишинга, DDoS-атак⁴ и др.

К банковским преступлениям, совершенным в условиях глобализации, следует отнести также «Неправомерный оборот средств платежей» (ст. 187 УК РФ), при котором достаточно часто изготавливаются распоряжения о переводе денежных средств (например, платежного поручения, не являющегося ценной бумагой), документов или средств оплаты, а также электронных средств, электронных носителей

---

¹ Скимминг – установка на банкоматы оборудования, которое позволяет считывать информацию с магнитной полосы банковской карты и устройств для ввода пин-кода. В дальнейшем эта информация используется мошенниками для изготовления поддельных карт (так называемый белый пластик) и снятия с их помощью средств со счетов клиентов банков либо совершения покупок.

² См.: Каледина А. Вам звонят из прокуратуры // Известия.ру URL: [web-сайт] <http://izvestia.ru/economic/article3107478/> (28.04.10).

³ ДБО 2011: киберугрозы выходят на первый план // Вестник АРБ. 2012. № 1-2. С 37-38.

⁴ Подробнее об этом см.: Ларичев В. Д., Давыдова А. В., Иконников Д. Н., Казаков А. Я. Система и меры предупреждения преступлений в банках при проведении расчетно-кредитных операций: монография. - М.: Юрилитинформ, 2013. С. 172-193.

информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. Осуществляют такие действия лица, работающие с компьютерной техникой, в связи с чем такие деяния нередко квалифицируются по совокупности с преступлениями главы 28 УК РФ.

Так, Б. работая в должности начальника сектора обслуживания физических лиц операционного отдела одного банка, имея доступ к компьютерной системе, в том числе и к банковской программе АБС «МТ-Банк», содержащей данные о клиентах Банка и информацию по их счетам и вкладам, осуществила вход (доступ) в эту компьютерную систему, где вошла в данные по определенному счету, а затем, войдя в функции составления платежных документов по указанному счету, без ведома владельца счета составила от ее имени платежное поручение о перечислении денежных средств, сохранила его в программе, дав команду на его исполнение, в результате чего указанная сумма была перечислена на другой счет.

В другом случае, С. изготовил с целью последующего сбыта поддельные платежные поручения в электронном виде, в которых информация о платежах представлена в электронно-цифровой форме, не являющиеся ценными бумагами, в которых в качестве назначения платежа указал оплату за товар по сфальсифицированному договору поставки, содержащему поручение банку о перечислении денежных средств на расчетный счет одной иностранной фирмы.

Также к этим видам преступлений следует отнести и такое преступление, как «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации» (ст. 193 УК РФ), заключающееся в незачислении денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации в крупном размере на счета резидента в уполномоченном банке либо в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, причитающихся резиденту в соответствии с условиями внешнеторговых договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, а также не полученные на территории Российской Федерации товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, переданные информацию и результаты интеллектуальной деятельности.

Порядок репатриации денежных средств регламентирован ст. 19 Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (в ред. Федерального закона от

03.07.2016 № 285-ФЗ), согласно которому при осуществлении внешнеторговой деятельности резиденты обязаны в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечить:

1) получение от нерезидентов на свои банковские счета иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров (контрактов);

2) возврат в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за неввезенные в Российскую Федерацию (неполученные на территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги и т.п.¹

Еще одним видом банковских преступлений, совершаемых в условиях глобализации, является «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов» (ст. 193.1 УК РФ). Такие деяния осуществляются путем представления кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода.

С определенной долей условности к таким преступлениям можно отнести и «Контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» (ст. 200.1 УК РФ).

К проблемам применения и противодействия данным преступлениям относятся различные обстоятельства. Так, применительно к ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» следует отнести то обстоятельство, что отсутствует единое, универсальное определение данного вида преступности.

Так, В.М. Быков и В.Н. Черкасов в структуру таких преступлений включают преступления главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации»².

Другие говорят о «компьютерных преступлениях». Так, В.Б. Вехов под компьютерными преступлениями понимает предусмотренные уголовным законом общественно опасные действия, в которых машинная информация является объектом преступного посягательства. При этом в качестве предмета или орудия преступления выступают

---

¹ Подробнее об этом см.: Ларичев В.Д., Милякина Е. В. и др. Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности. М.: «Издательство «Экзамен», 2002. С. 274-296.

² См.: Быков В.М., Черкасов В.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.

машинная информация, компьютер, компьютерная система или компьютерная сеть. Особенностью этих преступлений является то, что компьютер в таких преступлениях может выступать одновременно в качестве предмета и в качестве орудия совершения преступления¹.

Т.М. Лопатина в структуру компьютерных преступлений включает преступления в сфере компьютерной информации и преступления с использованием компьютерных технологий, включающие другие различные посягательства, в том числе хищения².

А.Л. Осипенко говорит о сетевой компьютерной преступности³, В.Н. Черкасов – о компьютерных технологиях⁴.

В.В. Степанов и М.А. Бабаков считают, что следует говорить о преступлениях с использованием высоких технологий⁵.

Используются и другие наименования для обозначения данного вида преступности, в частности, киберпреступность⁶, преступления с использованием электронных платежных средств и систем⁷ и др.

В связи с отмеченным, В.И. Гладких отмечает неудачной диспозицию ст. 159.6 УК РФ, в которой способ совершения указанного деяния почти буквально повторяет диспозицию ст. 272 УК РФ. По его мнению, было бы логично, не перечисляя указанных способов, выделить в общем виде способ совершения компьютерного мошенничества - хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. Интернета⁸, с чем можно согласиться.

Для предупреждения компьютерных преступлений необходимо:

---

¹ См.: Вехов В.Б. Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия /Под ред. акад. Б.П. Смагоринского. М.: Право и закон, 1996. С. 23.

² См.: Лопатина Т.М. Компьютерная преступность и противодействие ей. Смоленск: Универсум, 2006.

³ См.: Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009.

⁴ См.: Черкасов В.Н. Борьба с экономической преступностью в условиях применения компьютерных технологий. Саратов, 1995.

⁵ См.: Степанов В.В., Бабаков М.А. Поисково-познавательная деятельность при расследовании преступлений, совершенных с использованием высоких технологий.

⁶ См.: Смирнова И.Г., Евдокимов К.Н., Егерова О.А. и др. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.

⁷ См.: Яковлев А.Н., Олиндер Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: Научно-методическое пособие. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2012.

⁸ См.: Гладких В.И. Проблемы уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности // Безопасность бизнеса. Научно-практическое и информационное издание. 2017. № 3. С. 45

- постоянно обновлять антивирус;
- не заходить на сайты сомнительного содержания;
- не открывать без проверки файлы, полученные от неизвестных лиц;

- делать копии наиболее важных документов и др.

Для преступлений, связанных с банковскими картами характерно то, что для снятия наличных денежных средств с использованием банкоматов достаточно часто используются карты с магнитной полосой, в то время как в странах, входящих в единое европейское пространство, полностью перешли на чиповую технологию. Снятие денежных средств по таким картам с помощью скимминговых устройств затруднительно.

Одним из способов предотвращения преступлений, совершаемых при помощи скиммеров является их оборудование антискимминговыми устройствами (антискиммер – накладка на приемную щель банкомата, которая препятствует установке скиммера). Данная практика применяется в Европе уже давно.

Также банкам следует информировать клиентов при пользовании банкомата соблюдать определенные правила.

Особое значение для предупреждения банкоматных мошенничеств имеет защита программного оборудования.

Для уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации характерно отсутствие в нормативных документах обязанности возврата валютной выручки в определенные конкретные сроки. В них лишь отмечено, что при осуществлении внешнеторговой деятельности резиденты обязаны в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечить зачисление денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета резидента, возврат в Российскую Федерацию на счета резидента в установленном порядке денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации за не ввезенные на территорию Российской Федерации товары, невыполненные работы, неоказанные услуги и т.п.

Бураева Л.А.,
доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат физико-математических наук, подполковник полиции

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СЕРЬЕЗНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ И ЖИЗНЕННО ВАЖНЫМ ИНТЕРЕСАМ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Информационный терроризм на современном этапе представляет одну из самых серьезных угроз безопасности и жизненно важным интересам как личности, так и общества и государства в целом. Причем степень опасности данной угрозы стремительно растет в современных условиях глобализации общества, когда средства телекоммуникаций приобретают исключительное значение, а влияние новых информационно-коммуникационных технологий на все сферы человеческой деятельности усиливается год от года. По данным аналитиков сегодня глобальное информационное пространство насчитывает уже около 3,2 миллиардов пользователей¹. Таким образом, в современных условиях глобализации и информатизации общества, в котором барьеры контроля и управления информационными потоками практически отсутствуют, для развития информационного терроризма появились дополнительные факторы, оказывающие усиленное воздействие на сознание и поведение людей.

Понятие информационного терроризма рассматривается прежде всего как форма негативного воздействия на личность, общество и государство в целом, с использованием всех видов информации. При этом указанное воздействие на психику и сознание людей используется для последующего формирования нужных мнений и суждений, поведения людей. Как правило, информационный терроризм опирается на распространение определенного типа слухов, цель которых состоит в создании разрушительной атмосферы страха, ужаса и паники. Обычно это происходит в периоды социального напряжения, например, во время террористических актов, войн, стихийных бедствий, сложных политических и социальных реформ, смены власти, режима или социально-политической системы в целом.

---

¹ Бураева, Л.А. О некоторых вопросах обеспечения кибербезопасности в современных условиях / Л.А. Бураева // Теория и практика общественного развития, 2015. – № 13. – С. 96-99.

Например, «продуктовая паника», представляющая собой психологический вирус, который стремительно передается, в том числе и через социальные сети. Становясь жертвой таких слухов, население бросается закупать продукты в неразумно огромных объемах, вследствие чего, товары стремительно исчезают с прилавков магазинов или быстро растут в цене, в результате чего может возникнуть голод. Так, «продуктовая паника» возникла в 2014 году, вследствие ответных санкций России, подразумевающих запрет на ввоз некоторых товаров из ряда стран. Несмотря на то, что самые страшные и нелепые слухи о дефиците были опровергнуты и почти забыты, цены на продукты питания все же выросли¹.

Так же серьезной угрозой безопасности и жизненно важным интересам личности, общества и государства относится «банковская паника», связанная с утратой доверия к конкретному банку или банковской системе. Она заключается в массовом изъятии депозитов вкладчиками, что может привести к падению курса национальной валюты, вызвать усиление инфляции и в итоге нестабильность всей финансовой системы государства. Так по данным аналитиков, можно констатировать, что за период с 2013 года по лето 2017-го Банк России, удержав 35 банков и ликвидировав 346, израсходовал средства на огромную сумму в 2,7 трлн руб., что примерно составляет сумму дефицита федерального бюджета России за 2016 год, а также половину от суммы текущего объема резервных фондов правительства².

Особую угрозу безопасности и жизненно важным интересам личности, общества и государства в рамках информационного терроризма играют слухи, цель которых – создать атмосферу террора³ в сфере информационного воздействия. Как правило, они опираются на страхи ожидания повторных террористических актов и направлены на запугивание населения, усиления хаоса и неразберихи, создание реальной угрозы национальной безопасности страны. По имеющимся данным, если в 1998 году террористические организации поддержи-

---

¹ «Продуктовая» паника: как санкции ударили по кошельку россиян. [Электронный ресурс]. URL: [http:// ktovkurse.com/save/produktovaya-panika-kak-sankcii-udarili-po-koshelku-rossiyan](http://ktovkurse.com/save/produktovaya-panika-kak-sankcii-udarili-po-koshelku-rossiyan)

² Пейзаж после паники: что ждет российскую банковскую систему. [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.rbc.ru/opinions/finances/04/10/2017/59d4890e9a7947a00d56a711](https://www.rbc.ru/opinions/finances/04/10/2017/59d4890e9a7947a00d56a711)

³ Гаужаева, В.А. Признаки терроризма, формирующие его понятие в нормативных и научных источниках // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. г. Санкт-Петербург, 2015.– Инновационный центр развития образования и науки.– С.69-72.

вали в развивающейся на тот момент «всемирной паутине» всего 12 сайтов, то в 2005 году их количество составляло 4800, а в настоящее время уже насчитывает около 10 тысяч.

Мощным инструментом манипуляции сознанием и поведением молодых людей сегодня являются социальные сети, которые способны эффективно влиять на общественное мнение. О совершенных терактах мы узнаем быстрее через социальные сервисы, прежде чем о них расскажут официальные СМИ. Для привлечения новых сторонников в ряды террористической организации ИГИЛ широко использует социальные сети. Привычный образ террориста сегодня кардинально изменился, для того, чтобы продвигать разрушительные идеи, совсем не нужно использовать автоматы и взрывчатку, достаточно лишь иметь смартфон и немного свободного времени. Так, к примеру, скромный компьютерный инженер «Кремниевой долины» в Индии стал лидером террористически направленного интернет-сообщества, а группа студентов Северного Кавказа – спящей ячейкой запрещенной организации ИГИЛ¹. По проведенным исследованиям, деятельность указанной группировки в соцсетях можно условно разбить на два этапа – этап «Twitter» и этап «Telegram», причем первый из них продолжался вплоть до 2015 года, а второй начался после 2015 года.

Весомую угрозу безопасности и жизненно важным интересам личности, общества и государства в рамках информационного терроризма представляют собой агрессивные слухи, которые непосредственно направлены на формирование агрессивного эмоционального состояния и поведения, жесткого агрессивного воздействия. Такие слухи обычно возникают во время острых противоречий, относящихся к межэтническим, межнациональным, социальным или межгрупповым конфликтам, они могут привести к нарушению общественного порядка и угрожают национальной безопасности.

Правовая база противодействия информационному терроризму и обеспечения информационной безопасности в России последовательно развивается с 2000 года, когда была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации². Необходимо отметить недавно принятый закон Яровой-Озерова³, который предоставляет ряд позитивных моментов, позволяющих на законодательном

---

¹ Как террористы используют соцсети для вербовки. [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/story/isis-uses-social-media/>

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 9 сент. 2000г. № Пр-1895 // Рос. Газ.–2000. – 28 сент.

³ О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер.закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ // Рос. Газ.–2016.–08 июля.

уровне ограничить деятельность террористов во всемирной сети Интернет. Указанный закон обеспечивает местную власть полномочиями в борьбе с пропагандой и распространением идеологии терроризма. Однако следует отметить, что проблемы, имеющиеся в сфере противодействия информационному терроризму сегодня не могут быть эффективно решены традиционными методами, поскольку требуют системного подхода для создания комплексной системы безопасности для обеспечения противостояния многочисленным информационным угрозам.

Дзидзоев В.Д.,

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания, Республики Южная Осетия и Кабардино-Балкарской Республики, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Горского государственного аграрного университета; главный научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А; профессор СОГУ: 8-928-485-01-05 dzidzoevv@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На Южном Кавказе в августе 2008 г. после Пятидневной войны возникли два молодых суверенных государства – Республика Абхазия (8 тыс. км²) и Республика Южная Осетия (3,9 тыс. км²). Как известно, абхазский и югоосетинский народы, являются коренными¹ на своих исторических территориях и вели продолжительную национально-освободительную борьбу против тбилисского диктата. Причем эта борьба продолжалась не только в дореволюционный и советский пе-

---

¹ Под «коренным народом» («коренной нацией») подразумевается «тот, который на данной конкретной территории живет веками, а то и тысячелетиями. Этногенез этого народа произошел именно здесь, и он создал на данной конкретной территории свои лучшие национальные творения (язык, эпос, культуру, традиции, духовность и т.д.), неоднократно защищал ее с оружием в руках от различных завоевателей и притеснителей, обильно проливая кровь своих сыновей и дочерей, что дает ему политическое и моральное право называть эту землю исконной, родной, отцовской, суверенной» (См.: Дзидзоев В.Д. Военно-политическое и межнациональное противостояние на Северном Кавказе в 1917-1925 гг. (к вопросу периодизации вооруженной борьбы в регионе) // Научная мысль Кавказа. Междисциплинарные и специальные исследования. Ростов-на-Дону. 2008, № 3, с. 50.

риоды, но усилилась в постсоветский период, когда Республика Грузия отделилась от СССР еще в 1990 г. Тбилисские власти вели борьбу против союзного центра и фактически занимались настоящим сепаратизмом в отношении СССР. В одностороннем порядке Грузия вышла из состава многонационального Советского государства, «прихватив» с собой и свои автономии – Абхазскую АССР и Юго-Осетинскую автономную область. Замечу, что граждане СССР, проживавшие на территориях автономий Грузии в большинстве своем никогда не хотели жить под эгидой грузинских властей. Распад СССР стал дополнительным стимулом в национально-освободительной борьбе абхазов и южных осетин. В конечном итоге эта борьба привела к широкомасштабной войне грузинской военной машины на территориях Абхазии и Южной Осетии. Фактически эту борьбу, перешедшую к кровопролитной, следует классифицировать как межнациональную войну¹. Обращаю внимание на то, что этот термин пока не имеет строгой научной дефиниции, кроме той, которую автор приводит в настоящем докладе. В августе 2008 г. в Южной Осетии начались боевые действия Вооруженных сил Грузии против российских миротворцев, которые были дислоцированы там, и Вооруженных сил Республики Южная Осетия. Российская Федерация вынуждена была заступиться за своих граждан и вступила в войну на стороне Южной Осетии. Военная операция, получившая кодовое название «Принуждение к миру» завершилась через 6 дней полным разгромом армии Грузии. А 26 августа 2008 г. Москва признала суверенитет Абхазии и Южной Осетии. Вслед за Москвой суверенитет и независимость двух молодых государств Южного Кавказа признали Никарагуа, Венесуэла, Науру и некоторые другие государства. Таким образом, Абхазия и Южная Осетия стали свободными, самостоятельными и суверенными государствами. Суверенитет предполагает, что в любом государственном образовании публичная власть, которая, как правило, выступает от име-

---

¹ Межнациональная война – масштабное социально-политическое явление, представляющая собой жесточайший акт разрешения территориальных, национальных, религиозных и других противоречий между народами (в том числе в одной федерации) вооруженными средствами. Межнациональная война порождается глубинными причинами, носящими как объективный, так и субъективный характер. Ее содержание соответствует национально-стратегическим целям, достигаемым насильственными методами. Главным орудием ведения межнациональной войны являются (в масштабах одной страны) незаконные вооруженные формирования (боевики), способные вести активные боевые действия. Межнациональная война приводит к большим человеческим жертвам, утрате материальных и духовных ценностей, созданию «образа врага», разрушительно воздействует на общественно-политическую, демографическую, межнациональную обстановку не только в зоне боевых действий, но и за ее пределами (См.: Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Издание второе. Владикавказ, 1998. С. 200).

ни государства, характеризуется следующими признаками. Во-первых, то, что в государстве функционирует высший орган государственной власти или совокупность этих органов, представляющих высшую государственную власть. Юридическими признаками такой власти должны быть: а) разные полномочия различных ветвей власти, вместе взятые, должны осуществлять функции государства; б) различные ветви власти государства не могут одновременно издавать предписания, постановления, установки и т.д., которые бы в одно и то же время находились в противоречии друг с другом. Замечу, что указанные юридические принципы могут дополняться и совершенствоваться, однако в своей основе они обязательны для функционирования государственной власти. Во-вторых, концентрация власти в руках государства в лице его органов – правительства, прокуратуры, суда и т.д. Принуждение в отношении отдельно взятого гражданина или группы граждан может осуществляться исключительно государством. В-третьих, огромные полномочия государственной власти, разумеется, в рамках конституции государства и других законов. По существу вышеперечисленные признаки представляют собой полновластие любого государства, в том числе Республики Абхазия и Республики Южная Осетия. Характеризуя суверенные, демократические и правовые аспекты двух молодых государств Южного Кавказа, необходимо коснуться хотя бы поверхностно проблемы внешней независимости власти Абхазии и Южной Осетии. По мнению одного из виднейших отечественных государствоведов XX в. профессора И.Д. Левина, «в аспекте содержания суверенитета она означает свободное от вмешательства извне осуществление господствующим классом своих задач и интересов, в аспекте юридической формы она выражает отсутствие внешних юридических ограничений такой свободы помимо общеобязательных для всех государств норм международного права».¹ Обращаю внимание на необходимость объединения этих признаков государственной власти, без которого, как правило, не бывает суверенитета, что вообще-то означает верховную власть, «верховенство и независимость власти»². Необходимо подчеркнуть и то, что соединение этих признаков происходит на определенной стадии становления государства.

Подчеркну, что некоторые известные западные государствоведы рассматривают суверенитет исключительно как юридическую категорию. Например, Кельзен указывает, что суверенитет является юридическим понятием. Он вообще утверждает, что фактический, то есть

---

¹ Левин И.Д. Суверенитет. СПб., 2003. С.72.

² Юридическая энциклопедия М., 2007. С. 829.

реальный суверенитет невозможен для любого государства. К этому следует добавить, что такую версию определения суверенитета разделяет и отечественный специалист конца XIX – нач. XX в. А. Палиенко, подчеркивавший, что «суверенитет есть лишь чисто формальное юридическое понятие, указывающее на юридически безусловное и независимое господство государства»¹. По нашему мнению, Кельзен, А. Палиенко и их сторонники не учитывают отдельные обстоятельства более точного определения суверенитета. Трудно доказать, а тем более обосновать аргументами и фактами отсутствие фактического суверенитета, например, у США или Российской Федерации. Трудно согласиться с А. Палиенко, который доказывает, что «понятие суверенитета совершенно не указывает на фактическое могущество и материальные средства и силу, состоящие в распоряжении данного государства для поддержания своего суверенитета».² Кроме того, этот авторитетный исследователь права Российской империи конца XIX – нач. XX в. пытается обосновать проблему суверенитета как весьма важный фактор в «политическом отношении», но не имеющий отношение к юридическому характеру. С этим утверждением еще труднее согласиться. По нашему мнению, ошибочным является противопоставлять юридическую и политическую стороны понятия суверенитет. С другой стороны, необходимо признать, что суверенитет, обладая юридическими и политическими составляющими частями, нуждается в более четких их характеристиках. К этому следует добавить, что юридическое, как правило, включает в качестве составной части и фактическое. По нашему убеждению, юридический суверенитет невозможно отделить от фактически составляющего феномена государственности. Прав профессор И.Д. Левин, который подчеркивает: «Право, не опирающееся на действительность, не есть право».³ С этим трудно спорить, а главное – нет аргументов.

В последние годы США и некоторые другие их союзники (Великобритания, Франция и др.) по Североатлантическому альянсу (НАТО) в обход ООН иногда нарушают уставные требования самой влиятельной и мощной международной организации, нарушая тем самым международное право. Об этом свидетельствуют войны в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане и т.д. Они начинаются не с разрешения Совета Безопасности ООН, как это требуется по международному праву, а по решению правителей Вашингтона. Разумеется,

---

¹ Палиенко. Суверенитет. Ярославль, 1903. С.340.

² Там же.

³ Левин И.Д. Указ. соч. С.73.

такие войны должны классифицироваться как чудовищные акты агрессии более сильного государства в отношении слабых и недостаточно защищенных государств. Это вопиющее нарушение международного права. В начале апреля 2017 г. по приказу Президента США Дональда Трампа американцы в обход СБ ООН нанесли мощные бомбовые удары по Сирии. Разумеется, против правительственных войск, которым помогают на законной основе военно-космические силы Вооруженных Сил РФ. Возвращаясь к анализу суверенитета, необходимо подчеркнуть, что в области международного права он проявляется в принципе эффективности на территории государства. Проще говоря, суверенитет является эффективным средством осуществления функции государства. А для США и некоторых их союзников суверенитет становится наличием эффективной государственной власти не только на их собственных территориях, но и далеко от национальных границ. Свидетельством этого является нарушение границ некоторых других государств, куда без разрешения СБ ООН и приглашения законных правительств вторгаются части вооруженных сил США и их союзники. Есть в современном мире достаточное количество конкретных примеров, подтверждающих нарушение международного права со стороны США. Это убеждает в необходимости внесения существенных корректировок в международные отношения. Международное право является обязательным только для тех государств, которые не обладают настоящим суверенитетом. А США, суверенитет которых фактически выходит за территориальные границы, могут себе позволить нарушать многие правила и принципы международного права. В этой связи следует отметить, что полномочие означает, что органы государства, например США, осуществляют волю, планы и интересы господствующего класса. Вряд ли можно утверждать, что интересы американского общества полностью совпадают с интересами господствующего класса США. Замечу, что интересы американского общества – стабильность, высокий уровень жизни, отсутствие безработицы, максимальные возможности реализации потенциальных начал каждой личности, независимо от национальной принадлежности, расы, религии, социального положения и т.д. и интересы господствующего класса американского общества находятся, по моему убеждению, в противоречии. И здесь необходимо вспомнить экономику любого государства, в том числе и США. Известно, что основой полновластия любого класса является собственность на орудия и средства производства. В первую очередь самые главные орудия и средства производства. Именно они обеспечивают данному

классу возможности командовать в сфере экономики, формировать «правила игры». Нет необходимости доказывать азбучные истины, такие, как, например, мелкий собственник чаще всего попадает в полную зависимость от крупного финансового капитала, который располагает в достаточном количестве кредитами, сырьем, удобрениями, необходимыми для скупающего все это мелкого и среднего собственника сельского хозяйства и т.д. Из этого можно сделать вывод, что собственность становится основой суверенитета. Класс, приходящий к власти в государстве то ли в результате революции, то ли в результате эволюции, то ли в результате военного путча, как правило, по своему распределяет собственность в государстве. Мировой опыт убедительно свидетельствует об этом. Опыт нашего государства, которое с 1991 г. перешло от социализма к капитализму, также подтверждает высказанный тезис.

Анализируя проблемы государственности Абхазии и Южной Осетии, необходимо обратить внимание еще на некоторые аспекты. В частности на то, что в период Гражданской войны в России драматические события, связанные с проблемами Абхазии и Южной Осетией развернулись в Закавказье. Фактически здесь произошла интервенция Вооруженных сил Грузии, которая в первые годы советской власти добилась практической реализации права нации на самоопределение вплоть до отделения и создания нового независимого государства. Грузия получила независимость от РСФСР уже в 1918 г., а в 1920 г. был подписан Договор между Советской Россией и Грузинской Демократической Республикой. Руководство РСФСР, где заметную роль играли этнические грузины, например, И.В. Сталин (Джугашвили), Г.К. Орджоникидзе, А.В. Енукидзе и др., передали Абхазию и Южную Осетию в состав Грузии. Нет сомнений в том, что Договор между РСФСР и ГДР подписывался в Москве из конъюнктурных соображений, особенно в той части, которая касалась территории Грузии. В РСФСР, как в Абхазии и Южной Осетии не проводились референдумы, никто не выяснял мнения народа по вопросу «добровольного вхождения» Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии. В этой по существу аннексии территорий исконного проживания абхазов и южных осетин была заинтересована только Грузия, а точнее говоря, ее политическое руководство. Руководители Грузии в царской России, в советский период и в настоящее время всегда доказывали, что территории Абхазии и Южной Осетии являются исконными грузинскими. Большую помощь руководителям и государственным чиновникам Грузии в решении этого вопроса оказывают грузинские ученые, кото-

рые «с научных позиций» обосновывают суверенитет Грузии на всей ее территории, включая бывшие автономии – Абхазию и Южную Осетию. Грузинские ученые, конечно, фальсифицируют факты, когда доказывают, что территории Абхазии и Южной Осетии являются суверенными для грузин. А что касается абхазов и южных осетин, то они должны довольствоваться положением «гостей на гостеприимной территории Грузии». Проще говоря, абхазы и южные осетины не являются, по логике грузинских ученых и политиков, коренными на своей исконной территории, т.е. в Абхазии и Южной Осетии. По мнению грузинских экспансионистов, среди которых не только политики и ученые Грузии, но также многие общественные и религиозные деятели, абхазы и южные осетины в Абхазии и Южной Осетии «являются гостями грузин». По этой причине многие абхазы и южные осетины, смирившись со своей участью, активно включились в этническую и психологическую культуру грузин. Это выражается в том, что они используют в основном только грузинский язык и грузинскую культуру, в ущерб абхазскому и югоосетинскому. Отсюда и фамилии, которые пишутся по грузинской традиции. Южные осетины в большинстве своем к своей фамилии, как правило, добавляли концовку «-швили» или «-дзе». Так, Хабаловы стали Хабалошвили, Алборовы - Алборошвили, Гаглыевы - Гаглошвили, Хинчаговы - Хинчагошвили, Олисаевы - Олисашвили, Базаевы - Базадзе и т.д. Тоже самое делали и абхазы. Так, Анчаба стал Анчабадзе, Отырба - Отырбадзе, Кецаба - Кецабшвили и т.д. Таких примеров множество и они свидетельствуют о том, что Грузия всегда старалась иметь шовинистические позиции и экспансионистскую политику не только в отношении абхазов и южных осетин, но и других народов, которые вольно или невольно оказались в составе «территориально целостной» Грузии. В этой связи можно было бы привести даже примеры из истории советского спорта. Так, известный кабардинский футболист Александр Апшев, который по приглашению футбольной команды «Динамо» (Тбилиси), играя за этот интересный клуб, стал чемпионом СССР 1962 г. Однако Апшев везде проходил, в том числе и по документам, как Апшелава. Другой известный армянский футболист Степанян, который также по приглашению руководства тбилисского «Динамо» играл за этот клуб и стал чемпионом страны, также вынужден был изменить свои документы и играл как Степаниа. Нынешний член сборной команды РФ по футболу Алан Дзагоев пока не переехал в Москву играл в Тбилиси как Дзагошвили. Не буду дальше приводить конкретные примеры, которые наглядно свидетельствуют о шовинизме и высокомерии гру-

зинского социума в отношении всех остальных негрузинских. Эти и многие другие объективные причины вынудили абхазов и южных осетин вести продолжительную национально-освободительную борьбу против грузинского диктата. Борьба, как известно, закончилась сначала провозглашением парламентами Абхазии и Южной Осетии своего суверенитета, а затем и признанием Москвы.

Бишенова М.М.,
*доцент кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин
Северо-Кавказского института ФГБОУ ВПО Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат философских наук*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Основные права и свободы были сформулированы в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года и одним из естественных, неотъемлемых прав каждого человека Декларация относит свободу совести и вероисповедания.

Так в ст. 18 Всеобщей декларации прав человека говорится, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии: это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу, исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков»¹.

Ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого человека на свободу мысли, совести и религии. Документ ратифицирован Россией 20 февраля 1998 г.

Россия подтвердила свою приверженность основным положениям и нормам международного права в ч. 4 ст.15 Конституции РФ. «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ

---

¹ Религия и закон. М., 1996. С. 18.

установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹.

После принятия закона РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий» воинствующий атеизм, как государственная идеология прекратила свое существование².

В свою очередь принятый в 1997 г. Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях", учел изменившуюся религиозную ситуацию в стране. В законе определяются и регулируются отношения государства и религиозных объединений, в результате появления данного закона позволило упорядочить регистрацию религиозных объединений, реализовал принцип равенства религиозных организаций перед законом, укрепил и развил нормативную базу регуливающую государственно-конфессиональные отношений в России. Также были определены параметры сотрудничества религиозных объединений с государством на правовых основаниях.

Проведенные социологические исследования³ религиозных отношений в России показывают, что после принятия Закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" респонденты отмечали отсутствие религиозной напряженности, а контент – анализ СМИ показал спад активности экстремистских и радикальных религиозных групп.

Необходимо отметить и положительное влияние на совершенствование законодательной базы в сфере конфессиональных отношений принятого в июле 2002 г. Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности". С учетом положений этого закона были внесены изменения в Закон "О свободе совести и о религиозных объединениях", которые позволили на правовой основе приостанавливать деятельность экстремистских религиозных групп

В ч. 2 ст.55. Конституции России закреплено следующее: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»⁴. Однако эта статья довольно часто нарушается, если мы говорим и свободе совести в РФ. Многие ученые считают, недостатком Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», его региональных аналогов, а также подзаконной базы данного Закона в фактическом закреплении

---

¹ Конституция Российской Федерации. Герб, гимн, флаг. М., 2014.

² Бурьянов С.А. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести //Государство и право. 2001. № 2. С. 21-26.

³ Этой проблематике были посвящены работы А.А. Нуруллаева, М.П. Мчедлова, Е.С. Элбакян, Р.А. Лопаткина и других исследователей в сфере социологии религии.

⁴ Конституция Российской Федерации. Герб, гимн, флаг. М., 2014.

религиозной дискриминации и предоставлении религиозным объединениям «возможность участия» «соответствующих религиозных организаций» в деятельности органов государственной власти (п. 7. ст. 8). Тем самым нарушается принцип светскости нашего государства.

В условиях России нарушение принципа светскости в виде конфессиональных предпочтений власти приводит к нарушению принципа свободы вероисповедания со стороны структур государства, формируют правовое пространство, которое носит характер «специального» ограничительного законодательства.

Как было отмечено правовое регулирование деятельности религиозных объединений в Российской Федерации осуществляется и в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Во многих субъектах РФ были приняты законы и подзаконные акты, нарушающие принцип равенства религиозных объединений перед законом.

Научно-исследовательский центр регионального законодательства при Дагестанском государственном университете в рамках выполнения госконтракта №111024 «Обеспечение единого правового пространства Российской Федерации: мониторинг регионального законодательства» провел исследования теоретико-правовых проблем обеспечения единого правового пространства РФ. Одним из целей исследования было, определение соответствия законов и иных нормативных правовых актов субъектов Конституции РФ, федеральному законодательству¹.

В данном исследовании нас интересовал вопрос обеспечения свободы совести и вероисповедания в республиках СКФО. Ниже мы приводим данные мониторинга законодательств субъектов СКФО по интересующему нас вопросу²:

Республика Дагестан – Постановление Правительства РД от 10.11.1999 №250 «О мерах по противодействию терроризму» противоречат ст. 71 и ч.1 ст. 130 Конституции РФ;

Республика Ингушетия – Ст. 1 Закона РИ от 08.12.1998 № 18-РЗ «О регулировании некоторых вопросов религиозной и миссионерской деятельности в Республике Ингушетия» противоречит ст. Федерального закона от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а ст. 3 – ст.11 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»;

---

¹ Обеспечение единого правового пространства Российской Федерации: мониторинг регионального законодательства. Махачкала, 2011.

² Там же. С. 81-95.

Кабардино-Балкарская Республика – Закон Кабардино-Балкарской Республики от 10.07.1999 № 27-РЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» противоречит пунктами 3 и 4 статьи 8, пункту 1 статьи 9 Федерального закона от 26.09.1997. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Статьей 1 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» предусмотрено понятие экстремистской деятельности, которое противоречит понятию, закрепленному в статье 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Закон Кабардино-Балкарской Республики от 01.06.2001 №47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» содержит значительное число пробелов. В соответствии со ст.6 Закона религиозная пропаганда, направленная на разрушение семьи и (или) разрыв родственных отношений влечет административную ответственность, однако не определен субъект данного правонарушения. В статье 15 Закона речь идет о пропаганде религиозного вероучения, представляющего угрозу общественной безопасности, правам и законным интересам граждан, однако не указано, какое именно религиозное вероучение.

Карачаево-Черкесская Республика – Нормы Конституции КЧР, посвященные регулированию прав и свобод человека и гражданина, дублируют Конституцию РФ.

Закон Карачаево-Черкесской Республики от 13.05.2003 №27-РЗ "О признании утратившим силу Закона Карачаево-Черкесской Республики «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики»" устранил противоречащий федеральному законодательству правовой акт, однако законодательная брешь в данной сфере правоотношений осталась открытой;

Чеченская республика - Нормы Конституции ЧР, посвященные регулированию прав и свобод человека и гражданина дублируют Конституцию РФ. Дублирование норм Конституции РФ в Конституции ЧР вполне допустимо, поскольку в 4.2 ст. 13 Конституции ЧР указано, что «учитывая особую политическую и правовую значимость положений Конституции Российской Федерации, относящихся к во-

просам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, они включены в Конституцию Чеченской Республики»;

Республика Северная – Осетия – Алания - Нормы Конституции РСОА, посвященные регулированию прав и свобод человека и гражданина, дублируют Конституцию РФ.

Наблюдаемые в конце XX и начале XXI века административно-правовые ограничения на Северном Кавказе с целью профилактики противоправной деятельности в сфере свободы совести со стороны религиозных объединений, нанесли большой урон гражданскому обществу.

Например, в Дагестане наблюдается обострение религиозно-политической обстановки в республике из-за административных мер, принимаемых в отношении т.н. салафитских мечетей. Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) при поддержке муниципальных властей и МВД по РД пытается установить контроль над ними и назначать имамами этих мечетей своих представителей¹.

Конфликтная ситуация вокруг т.н. салафитских мечетей давно назревала в дагестанском обществе, поскольку и правоохранительные структуры, и местные власти, и жители республики воспринимают их как рассадник экстремистских идей и место рекрута боевиков для террористических группировок. Ситуация требовала вмешательства как со стороны органов государственной власти, в рамках обеспечения общественной безопасности, так и со стороны дагестанского муфтията, который должен защитить ислам и мусульманскую общину от псевдорелигиозных и экстремистских идей. Без учета этнического многообразия Дагестана Духовным управлением мусульман республики в подготовке богословских кадров нет возможности осуществления эффективной борьбы с экстремизмом. По мнению старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Р. Курбанова: «ни одна из мусульманских общин Дагестана, включая и официальное Духовное управление, еще не смогли предложить от себя такой модели развития мусульманского поля, а также взаимоотношения му-

---

¹ Дагестанские полицейские запретили прихожанам мечети поселка Шамхал провести пятничную молитву // Сайт газеты «Черновик» <http://chernovik.net/content/lenta-novostey/dagestanskije-policeyskie-zapretili-prihozhanam-mechetiposjolka-shamhal> (дата обращения: 18.03.2016).

сульман со светской частью общества, которая бы устроила и верующих, и неверующих дагестанцев...»¹.

В Республике Ингушетия конфессиональные проблемы в основном решаются Управлением по делам религии при Главе республики Ингушетия. Руководство республики придерживается политики невмешательства в дела муфтията, однако не снимает с себя ответственности по решению религиозных проблем в связи с чем и было создано Управление.

Управление по делам религии является государственным органом и отвечает за взаимодействие с религиозными организациями, за богословское образование в различных учебных заведениях республики и прочие направления. В связи с неоднократными конфликтными ситуациями, возникавшими между официальным религиозным духовенством и новыми народными шейхами, происходит разобщение мусульман в связи с чем руководство республики на правой основе пытается регулировать деятельность муфтията РИ.

Отмечается, что деятельность муфтията не соответствует тем требованиям, которые в некой степени возлагаются на него региональными властями. Произошел конфликт властей и местного духовенства, который сохраняется и в настоящее время. Поскольку напрямую повлиять на деятельность муфтията главе региона не удалось, он принимает иные меры, а именно – создал при аппарате Правительства совещательный орган по религиозным вопросам.

Поскольку в Ингушетии сохраняется проблема борьбы с терроризмом и экстремизмом, Главой региона дано поручение о взаимодействии Управления по делам религий с вновь созданным Комитетом по борьбе с экстремизмом и терроризмом при Духовном управлении мусульман России.

Для снятия напряженности в отношениях различными религиозными течениями и суфийским братствам Ю.-Б. Евкуров в период священного для мусульман месяца Рамадан провел обряды разговения практически во всех домах религиозных деятелей, возглавляющих эти течения.

Мы считаем, что преступные проявления в деятельности религиозных групп должны пресекаться вне зависимости от того, какую религию они проповедают, какими идеями прикрывают экстремист-

---

¹ Раджабов Р. До и после Послания. Как в Дагестане реализуются поручения главы республики? // Дагестанская еженедельная газета «Новое дело». – № 3 (1247) от 29 января 2016 г.

скую направленность своей деятельности. Однако карательными мерами религиозные идеи искоренить невозможно.

Например, в КБР ислам подвергается наиболее тщательному надзору со стороны властных структур, которые объясняют свои действия опасностью проникновения экстремизма в ряды мусульман¹. В Кабардино-Балкарии действует свой закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (принят 23 июня 1999 г. Советом парламента Кабардино-Балкарской Республики). Статья 7 закона определяет, что «учредителями местной религиозной организации могут быть не менее пятидесяти совершеннолетних граждан Кабардино-Балкарской Республики (вместо 10 граждан – в Федеральном законе).

К сожалению, мы наступаем на одни и те же «грабли». Крайне жесткий подход советского государства в отношении ислама, вызвав ответную реакцию, привела к тому, что в КБР в конце 70-х гг. большая часть населения стала отождествлять понятия «мусульманское» и «народное».

14 марта 2016 г. в КБР состоялся VII съезд мусульман Кабардино-Балкарии. Главными задачами ДУМ КБР остаются ликвидация религиозной неграмотности среди мусульман, повышение образовательного уровня духовных лиц, а также социализация мусульманской молодежи КБР, защита прав граждан на свободу вероисповедания. Конструктивным результатом работы съезда является принятое обращение к религиозным и общественным организациям, в котором говорится что «мусульман КБР не может не беспокоить наличие в регионе деструктивных сил, и прежде всего, экстремистских, чья деятельность несет угрозу безопасности государства и его граждан». «Мы призываем религиозные объединения и общественные организации объединить свои усилия для дальнейшей консолидации общества во имя мира и гражданского согласия», с призывом объединиться для борьбы с проявлениями экстремизма в регионе².

В Карачаево-Черкесии созданы все условия, чтобы верующие могли свободно следовать религиозным предписаниям. В республике продолжается профилактическая работа с населением по противодействию идеологии терроризма и экстремизма. Особое внимание обращается на необходимость наращивания потенциала противодействия терроризму и распространению экстремистских идей на муниципаль-

---

¹ © Copyright Емельянова Надежда Михайловна (coordinator 2006@yandex.ru).

² Участники VII съезда мусульман КБР призвали жителей республики к борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] // URL: // http://kavpolit.com/articles/uchastniki_vii_sezda_musulman_kbr_prizvali_zhitele-24214/

ном уровне. В связи с этим принято решение в целях стимулирования гражданской активности в профилактике терроризма и экстремизма на плановой основе продолжить практику проведения неформальных встреч с активом политических партий, общественных организаций, национальных диаспор, сельской и рабочей молодежью, привлекая к их проведению депутатов всех уровней, представителей силовых структур, региональных и муниципальных СМИ¹. Важнейшим направлением совместной деятельности республиканских органов власти, местного самоуправления и сотрудников МВД является работа по защите населения от проявлений экстремизма и недопущению совершения террористических актов. Успешно проводится комплекс мероприятий по профилактике распространения экстремистской идеологии².

Несмотря на большое количество профилактических мероприятий Карачаево-Черкесия находится на третьем месте после Дагестана и Чечни по числу выходцев, воюющих в Сирии в рядах запрещенной в России террористической организации ИГИЛ³.

Важную роль в профилактике терроризма и экстремизма отводится Межнациональному совету общественных организаций КЧР и муфтияту республики. В частности, муфтият ведет профилактическую работу в следственном изоляторе, так как вербовка в террористические организации осуществляется в таких местах, где люди находятся в сложных жизненных ситуациях и легко поддаются влиянию.

Таким образом, можно констатировать, что в Карачаево-Черкесской Республике наблюдается активная совместная деятельность республиканских органов власти, местного самоуправления и общественных организаций этнической направленности в этноконфессиональной сфере по профилактике экстремизма и терроризма.

В республике Северная Осетия – Алания духовное управление мусульман, испытывает давление со стороны правоохранительных органов. В частности, главе мусульман Северной Осетии-Алания поступают угрозы⁴ в связи с его критикой работы силовых структур на Северном Кавказе после того, как 26 декабря 2012 г. был убит его заместитель И. Дударов, а 16 августа 2014 г. – занявший место Дударо-

---

¹ Не останавливаться на достигнутом. // День Республики, 2016 г., 7 апреля.

² Прежде всего – законность и порядок, согласие и стабильность в обществе. // День Республики, 2016 г., 5 мая.

³ Борьба с чуждой идеологией. // День Республики, 2016 г., 9 июня.

⁴ Муфтий Северной Осетии сообщил о подготовке покушения на него [Электронный ресурс] // URL: <http://region15.ru/news/2016/01/08/13-39/>

ва Р. Гамзатов. Расследование этих убийств Х. Гацалов назвал «имитацией действий». Х. Гацалов также критиковал задержания мусульман Северной Осетии-Алании в 2011 г.

На встрече министра МВД по РСО-А М. Скокова с представителями духовного управления мусульман Северной Осетии-Алании министр отметил, что в Сирии на стороне террористов воюют и представители Северной Осетии-Алании, есть и погибшие. М. Скоков отметил, что «мы совместно должны исключить случаи увлечения молодых людей радикальным исламом». «Наша общая цель – поставить заслон попыткам внести в нашу республику идей радикализма, уберечь нашу молодежь от чуждой нам идеологии и воспитать поколение, достойное славной истории Осетии». М. Скоков призвал представителей духовенства быть предельно открытыми в рамках сотрудничества с правоохранительными органами. Муфтий республики Х. Гацалов заверил министра в том, что духовенство окажет активное содействие правоохранительным органам в противодействии экстремизму и попыткам радикализации ислама в республике¹.

В Чеченской Республике ведется в основном религиозно-разъяснительная и просветительская работа. Большое внимание уделяется выявлению законспирированной сети в интернете распространяющих идеи ваххабизма и экстремизма. Считая источником экстремизма отклонение от традиционного ислама верующие и духовенство активно противодействуют деятельности последователей салафизма (ваххабизма). На встрече Р. Кадырова и Ю.-Б. Евкурова в Магасе согласованы также вопросы о совместном противодействии проявлениям ваххабизма и экстремизма.

Депутаты законодательных органов субъектов федерации не оставляют без своего внимания сферу государственно-конфессиональных отношений, и пытаются на законодательном уровне решить актуальные проблемы современной религиозной жизни. Однако их предложения не согласуются с нормами федерального законодательства, плохо проработаны с правовой точки зрения. Для учета мнений регионов в законотворчестве по проблемам государственно-конфессиональных отношений необходимо представлять законопроекты на экспертизу еще до их внесения в законодательные органы субъектов СКФО.

---

¹ Скоков: надо признать, что в Сирии на стороне террористов воюют представители Северной Осетии [Электронный ресурс] // URL: <http://region15.ru/docs/news-day/2016/05/25/>

Таким образом анализ данной проблемы показал, что законодательство регулирующее сферу государственно-церковных отношений в России развивается динамично в позитивном направлении. Однако для системной реализации конституционных принципов и практики вероисповедной политики требуется создание единой концепции государственно-церковных отношений, которая определила бы направления совершенствования правовой базы религиозной деятельности в России.

Голяндин Н.П.,

*профессор кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Начало XXI века правомерно называют «информационной революцией», поскольку компьютеры, всемирная сеть Интернета, виртуальные социальные сети не только окружают человека, но и прочно вошли во все сферы повседневной жизни современного общества, в том числе связанные с противоправным поведением его отдельных представителей.

По своему функциональному назначению Интернет по многим параметрам сегодня является наиболее привлекательным средством для экстремистско-террористической деятельности. Если перефразировать слова английского ученого Еугена Спаффорда, то Интернет сегодня - это «всемирный виртуальный тренировочный лагерь» террористов.

Привлекательность Интернета для экстремистско-террористических организаций обусловлена:

- легкой доступностью;
- незначительным или полным отсутствием национального контроля в форме законодательных норм ограничения или цензуры;
- неисчерпаемой аудиторией по всем мире;
- анонимностью общения;
- быстротой передачи информации;
- недорогой установкой, содержанием и техническим обслуживанием средств передачи информации;

– достаточно простым программным обеспечением интерактивной среды в сфере мультимедиа, позволяющим загружать и объединять информацию в различных форматах;

– применение традиционных средств массовой информации, использующих ресурсы Интернета, как источники тем для публикаций.

В настоящее время подавляющее большинство из 26 террористических организаций, запрещенных на территории Российской Федерации, имеют свои Интернет - ресурсы, в том числе медиа-агентства и центры. Только за период с 2011 по 2016 годы террористической организацией «Исламское Государство» (далее по тексту - ИГ-ДАИШ) созданы медиа-агентство «Аль-Фуркан», «Итисаам», медиа-фонд «Айнад» и медиа-центр «Аль-Хайят», предоставляющие информацию, вещающие на различных языках мира: арабском, английском, французском, немецком и др. В 2015 году ИГ-ДАИШ запустили в Интернете новый сайт под названием «Халифат. Исламское государство. Информационный сайт» только для русскоязычной аудитории.

Более 100 000 владельцев аккаунтов в Twitter либо согласны с идеологией ИГ-ДАИШ, либо проявляют интерес к ее деятельности. При этом если взять во внимание, что подписаться на один из аккаунтов этой социальной сети может от 2 до 50 тысяч человек, то не трудно подсчитать возможный информационный массив, который в общей массе неумышленно вовлекается в распространение экстремистско-террористических взглядов и новостных фэйков этой террористической организации. Для еще большего охвата аудитории в отношении владельцев смартфонов и мобильных устройств по заданию ИГ-ДАИШ в 2015 году создано специальное приложение в многозадачной операционной системе Android под наименованием «Рассвет радостных вестей» (The Dawn of Glad Tidings). Основная задача приложения - в автоматическом режиме осуществлять массовое размножение и рассылку сообщений от имени пользователя в интересах ИГ-ДАИШ вдоль всех установленных связей.

Проведенный нами анализ зарубежных и отечественных исследований по проблемам информационного противоборства в глобальной сети позволяет выделить достаточно обширный круг направлений деятельности экстремистско-террористических организаций в Интернете:

– совершение информационно-психологических атак на интернет сообщество;

- пропаганда экстремистских концепций с целью оправдания своего насилия в достижении целей организации;
- создание виртуальной всемирной экстремистско-террористической сети;
- планирование и координация деятельности участников по совершению конкретных террористических актов и экстремистских акций;
- сбор информации об объектах планируемых акции и актов;
- хаккерские атаки на государственные сайты и международные интернет ресурсы;
- предоставление доступной информации о приемах и методах ведения экстремистско-террористической деятельности, вплоть до рекомендаций по изготовлению средств массового уничтожения населения;
- организация различных форм финансирования и привлечения дополнительных средств для обеспечения деятельности организации;
- выявление сочувствующих и вербовка новых членов организации.

Рассмотрение каждого из названных направлений может стать предметом самостоятельного исследования. Однако, учитывая заявленную тематику, мы вынуждены только обозначить их множественность и проблематичность для обеспечения безопасности человеческого общества.

Анализ содержания экстремистско-террористических сайтов показывает, что на них, как правило, размещаются сообщения об истории создания организации и ее современном состоянии с обязательным красочным описанием биографий основателей, лидеров или совершенных ими значимых событий - «подвигов», дается подробный обзор ее политических и идеологических целей, прослеживаются социальные и политические связи с известными и публичными личностями, публикуются новостные сообщения об успехах организации и ее членах, а также осуществляется бескомпромиссная критика противников и врагов.

Особую тревогу у правоохранителей вызывает использование экстремистскими группами интерактивных возможностей социальных сетей, которые предоставляют их пользователям услуги по загрузке своей информации (контент) и обмену ее в режиме реального времени (онлайн) с другими пользователями.

Согласно данным компании «Brand Analytics» - «АНАЛИТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ БРЕНДА» - в Российской Федерации количество активных («говорящих») авторов, которые пользуются

социальными медиа, составляет почти 40 миллионов человек. Ими только в феврале 2017 года создано около полутора миллиардов сообщений. Основная часть пользователей предпочитает социальные сети, ими сгенерировано более 69,6% всех сообщений от совокупного объема упоминаний в социальных медиа. Самой активной из них признается социальная сеть «ВКонтакте», объединяющая более 13 миллионов авторов или около 10% от населения России. Второе место занимает микроблог Twitter - 21,7% от общей статистики авторов. Третье место за видеохостингами youtube.com и vimeo.com – по 5% соответственно.

Половозрастная характеристика социальных сетей свидетельствует, что женская аудитория превалирует во всех основных социальных сетях, причем в Instagram она составляет почти 80% от общей аудитории. Самой возрастной считается социальная сеть «Мой Мир», где 72 % пользователей старше 35 лет, а самой молодой - «ВКонтакте» - 75 % авторов младше 35 лет.

Именно последняя наиболее привлекательна для ведения пропагандистской работы экстремистских групп и рекрутирования новых членов экстремистско-террористических организаций. В виду большого объема информации, требующего постоянного мониторинга, принимаемые меры правоохранительных органов по выявлению и блокированию экстремистского контента в настоящее время не могут существенно повлиять на складывающуюся ситуацию в медиaprостранстве. Без особых усилий в социальных сетях можно найти отдельных пользователей, группы по интересам, сообщества и даже целые сайты, которые ведут не только завуалированную пропаганду, но и открыто призывают к изменению государственного строя и убийству людей иных взглядов и веры. Данное обстоятельство вызвано еще и тем, что многие интернет - ресурсы экстремистско-террористических организаций находятся вне законодательного поля Российской Федерации. Например, сайт террористической организации «Кавказ-Центр», вещающий на русскоязычных пользователей, многие годы располагается на хостинге литовской компании ELNETA. Неоднократные обращения Российской Федерации на дипломатическом уровне о закрытии этого сайта остаются без реагирования со стороны Литовского руководства.

Практика правоохранительных органов зарубежных стран наглядно демонстрирует, что информационное противодействие экстремизму в сети Интернет в настоящее время требует качественно новых подходов.

В этой связи достаточно перспективными являются методики информационного противодействия экстремизму, разработанные и используемые в США, Китае, Израиле и других странах.

Например, Бюро расследований штата Джорджии (Georgia Bureau of Intelligence, GBI) в октябре 2012 г. опубликовало свои стратегические наработки по организации присутствия сотрудников специальных служб в социальных сетях. Согласно им сотрудникам Бюро предоставлено право применения различных тактических приемов использования своего статуса в сети: открытого, не привлечения внимания (зашифрованного) и тайного (негласного) присутствия. Офицеры и аналитики могут также действовать на различных уровнях в случае визуального наблюдения и сбора информации из социальных сетей. Первый уровень – очевидный, или открытый – имеет место тогда, когда сотрудник не скрывает свою принадлежность к ведомству и рассматривает открытые источники информации. Например, наблюдающему можно увидеть открытую страницу в Facebook, профиль в LinkedIn или страницу в Twitter, чтобы выяснить необходимую информацию.

На втором уровне – не привлечения внимания – отличительные черты правоохранительного учреждения не явные, потому что усилия по сбору информации могут быть затруднены, если будет обнаружено, какое ведомство интересуется информацией. Например, аналитик из разведслужбы, который работает по делу о сексуальной эксплуатации детей, может захотеть ознакомиться с блогом или страницей в Facebook. Отдельные лица могут располагать механизмами контроля и отслеживать адреса интернет-протоколов (IP), поэтому аналитику потребуется механизм, при помощи которого можно избежать правоохранительного IP-адреса. Политика ведомства должна гарантировать надзорное одобрение и контроль над такими действиями.

Последний уровень – тайный – имеет место тогда, когда усилия сотрудника правоохранительного ведомства требуют, чтобы его личность была неизвестна. Например, у сотрудника есть секретный профиль или вымышленное имя, чтобы взаимодействовать с лицом, которое покупает и продает фотографии с детской порнографией. Поскольку этот уровень предполагает значительное взаимодействие сотрудника правоохранительной службы и подозреваемого, политика ведомства должна определять, кто может выполнять эту роль, а также устанавливать надзорные полномочия, необходимые для того, чтобы одобрить использование такого уровня. Кроме того, сотруднику следует учитывать действия, принимаемые на местном и федеральном

уровне и на уровне штата, чтобы избежать дублирования или вмешательства других правоохранительных структур, расследующих то же дело. Уверенность в надежности источника.

Политика Бюро расследований штата Джорджии (GBI) требует наличия письменного запроса для использования механизмов контроля за соцсетями. Такой запрос показывает цель, временные рамки, тип механизма контроля, перечень вебсайтов для мониторинга, будет ли и как долго сохраняться полученная информация.

В Китайской Народной Республике контроль за Интернет пространством в интересах защиты национальной безопасности и общественных интересов обеспечивается эффективной системой комплексных мер под общим наименованием Great Firewall of China. Данная система основана на фильтрации получаемой и передаваемой информации по сети Интернет с помощью правовых, регламентных, программных и аппаратных средств. В правоохранительных органах КНР созданы специализированные подразделения интернет-полиции, которые помимо выявления противоправного контента, имеют технические возможности блокировать сайты, на которых появляется информация, идущая вразрез с национальным законодательством. С 2009 года на все компьютеры предусмотрена обязательная установка интернет-фильтров, препятствующих доступу к запрещенным или использующим сомнительную информацию сайтам. При этом в законодательстве Китая предусмотрены достаточно строгие меры ответственности за распространение и использование экстремистских материалов как в отношении владельцев сайтов и провайдеров, так и самих пользователей глобальной информационной сети.

В Израиле основное внимание уделяется привлечению к борьбе с интернет терроризмом и экстремизмом общественных организаций. Их основное назначение ведение разъяснительной работы в среде интернет пользователей. Например, общественная организация под названием Международный институт по противодействию терроризму (International Institute for Counter-Terrorism) позиционирует себя как некоммерческая организация ведущая научно-исследовательскую, консультативную и пропагандистскую деятельность о недопустимости пособничества террористам, а также об угрозе «гражданской халатности» – нежелании населения беспокоиться о своей безопасности и безопасности окружающих.

Имеется положительный опыт и в нашей стране. В этом плане можно отметить отечественную разработку системно-программного продукта «ZEUS - Социальные сети», с помощью которого проводит-

ся мониторинг различных социальных групп, представляющих интерес для правоохранительных органов.

Функциональные возможности системы позволяют осуществлять:

- поиск определенного пользователя социальной сетью (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Twitter);
- сегментацию пользователей социальной сети по различным поисковым признакам;
- агрегацию различных аккаунтов пользователя в один учетный профиль;
- постановку различных учетных профилей на регулярный контроль;
- поиск произвольного текста по постам, сообщениям пользователя или их темам;
- фиксацию результатов по значимым темам;
- визуализацию социальных связей пользователя с фильтрацией по значимости;
- мониторинг активности пользователя в социальных сетях;
- выделение «окраски» пользователя по результатам семантического анализа его сообщений;
- отображение полной истории постов, сообщений со стен пользователей;
- создания пользовательского семантического ядра для проведения специализированного анализа;
- формирование настраиваемых отчетов.

Данный продукт прошел успешное апробирование и активно используется в деятельности правоохранительных органов семи регионов Российской Федерации.

Активно функционируют в российском сегменте Интернета более десятка сайтов, ориентированных на контрпропагандистскую работу по неприятию экстремистско-террористической идеологии и формированию в российском обществе нравственно-ценностных приоритетов. В их числе «Национальный портал противодействия терроризму» (<http://www.antiterror.ru>), портал «Наука и образование против террора» (<http://scienceport.ru>), сайт «Кавказ-антитеррор» (<http://kavkaz-antiterror.ru>) и другие.

Вместе с тем, проведенный нами анализ деятельности оперативных подразделений МВД России в борьбе с экстремизмом и терроризмом на современном этапе свидетельствует о наличии проблемных вопросов методического, тактического, материального и кадро-

вого обеспечения правоохранительных органов в сфере информационного противодействия с рассматриваемыми явлениями. Но если материально-техническое обеспечение правоохранительных органов в развитии информатизации мало зависит от степени изучения данной проблемы, то состояние методического и кадрового обеспечения имеет прямую зависимость от результатов научных исследований и разработок в сфере информационных технологий.

Данное положение определяет высокую актуальность и необходимость научных исследований, направленных на решение практических проблем правоохранительных органов, а современные инновационные реалии обуславливают необходимость комплексного подхода к информационному противодействию в сети Интернет, который бы предусматривал:

- функционирование в системе правоохранительных органов специализированных структур постоянного мониторинга социальных сетей и своевременного принятия нормативно-технических мер по пресечению пропаганды политического и религиозного экстремизма, а также планируемых акций участников радикальных, экстремистских и террористических групп;

- обеспечение высокой профессиональной подготовки сотрудников таких специализированных подразделений с привлечением к образовательному процессу специалистов в сфере психологии, теологии (ученых, священнослужителей, религиозных деятелей и т.п.), медиа-пространства (блогеров, интернет-провайдеров, программистов и т.п.), а также должностных лиц органов исполнительной, законодательной и судебной власти;

- объединение усилий общественных, негосударственных, некоммерческих, религиозных, научных интернет - сообществ по созданию агитационно-пропагандистского продукта противодействия идеологии экстремизма и терроризма с последующим его размещением на различных информационных ресурсах Интернета, а также организации эффективного правового воспитания пользователей Интернета;

- изучение и внедрение в правовое пространство национального законодательства положительного опыта зарубежных стран в борьбе с кибертерроризмом и информационным экстремизмом, а также создание условий для действенного сотрудничества и формирование правового механизма по обеспечению взаимодействию правоохранительных органов различных государств.

Аргунов А.К.,
старший оперативный уполномоченный Центра «Э» МВД по КЧР,
майор полиции

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ С УЧЕТОМ ОПЫТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Глобальное информационное пространство 21 века характеризуется активным использованием различными деструктивными силами информационно-коммуникационных технологий. В первую очередь Интернета.

Анализ зарубежных и отечественных исследований по проблемам информационного противоборства в глобальной сети позволяет выделить следующие современные направления деятельности экстремистско-террористических организаций в Интернета.

Информационно-психологический терроризм как одна из форм психологической войны. В данном случае Интернет используется для распространения дезинформации, угрозы с намерением вызвать страх и ощущение беспомощности, а также кадров насилия с последних операций. Террористы могут проводить психологические нападения посредством кибертерроризма или внушая страх перед ним.

Примером может служить деятельность ИГИЛ (ДАИШ) по распространению видеосюжетов на видео-хостинге «Ю-туба» о массовых казнях заложников, захваченных военнопленных и мирных жителей, исповедующих другие религии.

Пропаганда экстремистских взглядов и оправдание насилия. Интернет существенно расширил возможности террористов в массовом распространении своих взглядов и методов. Так, террористические организации на своих сайтах обычно используют три группы риторических приемов для оправдания применения ими насилия.

Первая - заявление о том, что у них нет другого выбора, кроме применения насилия. Насилие представляется как навязанная необходимость и единственное средство подавления жестокого врага. Террористические организации описываются как постоянно преследуемые, их лидеры и сторонники якобы постоянно подвергаются попыткам уничтожения, они лишены свободы самовыражения, а их сторонники арестовываются. Эта тактика, которая изображает террористическую организацию как небольшую, слабую и подавляемую сильным врагом или государством, превращает террористов в аутсайдеров.

Вторая - относится к законности использования насилия. Члены движения или организации представляются борцами за свободу, вынуждаемыми против их воли применять насилие, поскольку безжалостный враг уничтожает права и достоинство их народа или организации (группы). Риторика террористов пытается перенести ответственность за насилие на плечи противника, которого обвиняют в жестокости, бесчеловечности и безнравственности.

Третий риторический прием - активное использование языка ненасилия в попытке сломать имидж террористов как использующих насилие. Несмотря на то, что террористические организации практикуют применение насилия, на своих сайтах они заявляют о стремлении к мирным решениям, а их конечной целью является дипломатическое урегулирование путем переговоров и оказания международного давления на государство, применяющее репрессивные меры.

Получение информации об объектах планируемых акций. Интернет можно рассматривать как огромную цифровую библиотеку. Всемирная паутина только сама по себе содержит около миллиарда страниц информации, большая часть которых бесплатна и представляет интерес для террористических организаций. Например, террористы могут узнать в Интернете много подробностей о своих мишенях, таких как транспортные средства, предприятия ядерного цикла, общественные здания, аэропорты и порты, и даже о предпринимаемых мерах борьбы с терроризмом. Для сбора таких данных имеются многочисленные способы, включая поисковый механизм, список распространения по электронной почте, чат-румы и обсуждения. Многие веб-сайты предлагают свои поисковые системы для получения информации из баз данных их сайтов.

Хаккерские атаки. По информации компании Group-IB с лета 2014 г. было зарегистрировано более 2000 хакерских атак на российские сайты со стороны ДАИШ. Атаке подвергаются самые разные ресурсы, а не только имеющие отношение к органам государственной власти. Специалисты сделали вывод, что жертвы выбирались исходя из сложности проведения атаки, а в группу риска попадали слабо защищенные сайты. Это свидетельствовало пока еще о низкой квалификации хакеров, работающих на ДАИШ. По общемировой статистике атаки кибертеррористов сейчас оставляют более 14% от общего числа кибератак¹.

Взлом российских интернет-ресурсов, как правило, носит примитивный характер, хакеры делают дефейс – блокируют содержимое

---

¹ URL: <https://onofri.org/p/2014/11/page/2/>

сайта и размещают на главной странице баннер с символикой ДАИШ, лозунгами и угрозами. Выбор для взлома обычных ресурсов может свидетельствовать о попытках набраться опыта и понять особенности российского сегмента сети для последующих атак на государственные и другие важные ресурсы.

Сейчас наибольшую активность проявляют следующие хакерские группы, работающие на ДАИШ: *FallaGa Team*, *CyberCaliphate* и *Team System Dz*.

FallaGa Team – исламистская хакерская группа из Туниса. Помимо атак на российские ресурсы, группировка известна рядом взломов французских тунисских и израильских сайтов. Представители данной группировки ведут официальные аккаунты в Twitter и Facebook.

Cyber Caliphate - исламистская хакерская группа, известная атаками на ресурсы информационных агентств в США, массовым взломом аккаунтов в Twitter и атакой на сервер Центрального командования ВС США, в результате чего, предположительно, были похищены конфиденциальные данные. Касательно последней атаки, официальные представители Пентагона не подтвердили утечку, однако представители группировки выложили в сеть часть украденных данных, в частности списки с именами, фамилиями и адресами военнослужащих ВС США, которые выглядят достаточно убедительно.

Team System Dz - исламистская хакерская группа, известная участием в кибератаках на Израиль.

Мусульманский клуб хакеров (Muslim Hackers Club) заявил о взломе секретной информации: кодовых названий и радиочастот, используемых секретной службой США. На сайте группы можно найти руководства по созданию и распространению вирусов, изобретению разнообразных хакерских уловок, саботированию сетей и разработке шифров¹.

В перспективе можно прогнозировать увеличение таких атак на официальные ресурсы государственных органов РФ. Вероятнее всего, наибольшей опасности будут подвержены аккаунты официальных лиц и ведомств в социальных сетях, в первую очередь правоохранительных органов.

Создание виртуальной всемирной сети террористических организаций. Многие террористические организации подверглись трансформации от строго иерархической организации с четко определенными лидерами до присоединения полунезависимых группировок, в

---

¹ URL: <https://onofri.org/p/2014/11/page/2/>

которых отсутствует иерархия единого руководства (командования). Используя Интернет, эти группы, лишенные прочной взаимосвязи, могут поддерживать контакт друг с другом и членами других террористических групп.

Предоставление доступной информации об изготовлении средств уничтожения. Всемирная паутина - место для десятков сайтов, на которых содержится информация о том, как создать химическое оружие и приготовить взрывное устройство.

На многих сайтах представлены «Справочник террориста» и «Кулинарная книга анархиста», два хорошо известных руководства, в которых даны подробные инструкции о том, как сделать самые разные бомбы. Еще одно руководство – «Справочник муджахадина по ядам», написанное Абдель-Азизом в 1996 г. и «опубликованное» на официальном сайте Хамас, - в подробностях на 23 страницах описывает, как в домашних условиях приготовить различные яды, ядовитые газы и другие смертельно опасные вещества, которые могут быть использованы при совершении террористического акта. Гораздо большее по объему руководство, прозванное «Энциклопедия джихада», насчитывает до тысячи страниц. Выложенное в Интернете, оно содержит подробные инструкции касательно создания подпольной организации и проведения терактов¹.

Такой вид информации стремятся получить не только искушенные террористические организации, но и не связанные с ними лица, готовые применять террористическую тактику для продвижения своей собственной программы.

Планирование и координация деятельности по совершению конкретных террористических актов и экстремистских акций. Террористы используют Интернет не только для того, чтобы узнать, как сделать бомбу, но также и для того, чтобы планировать и координировать конкретные теракты.

Активисты Хамас на Ближнем Востоке, например, используют чат-румы для планирования операций, и агенты обмениваются электронными сообщениями, чтобы координировать действия через Сектор Газа, Западный берег реки Иордан, Ливан и Израиль. Инструкции в форме карт, фотографий, указаний и технических подробностей того, как использовать взрывные устройства, часто замаскированы стеганографией, которая предполагает сокрытие сообщений в графиче-

---

¹ Шамов М.И.. Государственная стратегия и политические технологии предупреждения информационного терроризма в современном российском обществе: дис... канд. полит.наук - Нижний Новгород, 2007. С. 94.

ские файлы. Однако иногда инструкции передаются зашифрованными простейшими кодами.

Организация финансирования и привлечение дополнительных средств. Как и многие другие политические организации, экстремистско-террористические группировки используют Интернет для того, чтобы привлекать денежные средства.

Демографические характеристики пользователей Интернета (выбранные исходя из информации личного характера, включенной в анкеты и другие формы) позволяют террористам выявить лиц, сочувствующих отдельно взятой цели террористов или проблеме, а затем просят сделать пожертвование по электронной почте.

Выявление сочувствующих и вербовка новых членов. Интернет можно использовать не только для того, чтобы привлечь пожертвования от сочувствующих, но еще и для вербовки и мобилизации сторонников, чтобы играть более активную роль в оказании поддержки террористической деятельности и целям. Кроме стремления заполучить новичков, используя весь спектр технологий Интернета (аудио, цифровой видео и т.д.), для того чтобы как можно лучше представить свою миссию, террористические организации собирают информацию о пользователях, просматривающих соответствующие веб-сайты. С пользователями, которые подробно интересуются целями террористической организации или подходят для выполнения в ней работы, затем связываются.

Сегодня особое внимание экстремистские группы обращают на социальные сети. Технически социальная сеть является объединением группы людей на одной Интернет-платформе, позволяющей пользователю загружать свой контент и обмениваться им с другими пользователями. Возможности общения пользователей по публикации и обмену контентом отличают социальные сети от других Интернет-ресурсов. Немаловажной чертой социальных сетей является высокий уровень интерактивности, при котором скорость обмена контентом и скорость общения зачастую не уступают общению вне сети¹.

Кроме того, помимо информационно-пропагандистской функции социальные сети могут выполнять и функции по организации и координации массовых акций в виде флэш-мобов², имеющих своей

---

¹ Доколин А.С. Чернова Е.В. Ганиева Л.Ф. Колобова О.Л. Формирование компетенций по противодействию киберэкстремистской деятельности у студентов вуза. - / Фундаментальные исследования. 2015. № 9 (часть 3).– С. 434-439

² Флэшмоб – тактический прием, акция, когда ее участники собираются в одно и то же время в заранее обусловленном месте, по единому сценарию совершают определенные действия, после чего быстро покидают место акции. Криминальный флэшмоб – это одноразовое преступление, однако оно имеет большой эффект, поскольку после его совершения очень сложно найти преступника.

целью завуалированную или открытую конфронтацию законно избранной власти.

Безусловно, для эффективной борьбы с пропагандой экстремизма в социальных сетях необходимо наличие действенного механизма по осуществлению непрерывного мониторинга и оперативного блокирования вредоносного контента и принятия мер в рамках законодательства РФ в отношении лиц, распространяющих данный контент.

Однако если установить экстремистскую направленность в случае сообществ, где звучат прямые призывы к свержению действующей власти, достаточно просто и сомнений в выводах экспертизы практически нет, то в случае пропаганды религиозного экстремизма все гораздо сложнее, так как пропаганда здесь ведется в существующих группах, посвященных вопросам религии¹. Также дополнительные сложности создает тесная связь религиозного фундаментализма и религии, в рамках которой действует данное течение.

В качестве примера можно привести такие радикальные течения ислама, как ваххабизм, хариджизм, которые исповедуют запрещенные на территории России экстремистско-террористические группы: ИМАРАТ КАВКАЗ, ИГИЛ (ДАИШ), ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛЬ-ИСЛАМИ и др.

В этой связи достаточно перспективными являются разработки Израильской компанией CELLEBRITE телеметрической аппаратуры и программных продуктов UFED Physical Analyzer, адаптированных российскими партнерами под нужды правоохранительных органов.

Следует отметить, что аналогичные системы достаточно успешно используются в США, Германии, Великобритании и Китае.

В завершении, хотелось бы отметить, что современные реалии обуславливают необходимость функционирования специальных структур, которые могут успешно осуществлять мониторинг социальных сетей и своевременно информировать правоохранительные органы о фактах пропаганды политического и религиозного экстремизма, а также планируемых акциях участников радикальных, экстремистских и террористических групп. Это позволит существенно повысить эффективность по противодействию экстремизму, не давая заинтересованным лицам вести пропаганду и распространение экстремистских материалов.

---

¹ Гладышев-Лядов В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма / Обзор НЦПИ, 2013. № 2. С.28-31

СОДЕРЖАНИЕ

Кулик О.В. Легализация правовой практики в сфере противодействия терроризму.....	3
Яхьяев М.Я. Идеино-политические истоки и причины даиш.....	10
Решняк М.Г. О некоторых особенностях расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет.....	17
Ищенко С.А., Скребец Е.С. Координация деятельности полиции по противодействию экстремизму.....	21
Баженов С.В. Использование оружия и предметов вооружения оперативными подразделениями органов внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий.....	25
Триkoz Е. Н., Швец А.А. Особенности преступления «терроризм» в уголовных кодексах Австралии, Канады, Индии.....	30
Кочеров Ю.Н., Кочерова Л.А. Особенности подготовки сотрудников органов внутренних дел по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка при проведении публичных и массовых мероприятий.....	39
Верховецкий И.В., Голяндин Н.П. Проблемные вопросы противодействия экстремизму и терроризму в условиях Северо-Кавказского региона.....	45
Цалиев А.М. Законодательство о коррупционных преступлениях и вопросы его совершенствования.....	51
Карнаушенко Л.В. «Электронное государство» как феномен постиндустриального миропорядка: проблемы и перспективы.....	58
Курсаев А.В. Концептуальные основы выделения в УК РФ главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».....	67
Бзаров Р. С. Социокультурные и образовательные технологии предотвращения радикализации.....	78
Пихов А.Х-А., Гонтарь В.Н. Участие органов внутренних дел в ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.....	83
Тарчоков Б.А. К вопросу об основных направлениях и перспективах совершенствования антитеррористической деятельности в Российской Федерации.....	87
Шайдуллина Э.Д. Вопросы определения подследственности органов внутренних дел по уголовным делам экстремистской направленности и террористического характера.....	90

Гришай Е.В. Перспективы юридического статуса личности в комплексе проблем развития гражданского общества.....	95
Эриашвили Н.Д. Преступность в Российской Федерации и в ее субъектах: общий подход и особенности противодействия.....	99
Халилов Т.А. Концепт информационной войны в отечественных научных исследованиях.....	105
Ларичев В.Д. Основные виды банковских преступлений в России в условиях глобализации. Некоторые проблемы правоприменения и меры предупреждения.....	113
Бураева Л.А. Информационный терроризм как серьезная угроза безопасности и жизненно важным интересам личности, общества и государства.....	123
Дзидзоев В.Д. Государственность Абхазии и Южной Осетии в постсоветский период: история и современность.....	126
Бишенова М.М. Особенности правового регулирования конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе.....	133
Голяндин Н.П. Выявление и противодействие экстремистской пропаганде в сети Интернет.....	142
Аргунов А.К. Противодействие экстремизму с учетом опыта правоохранительных органов зарубежных стран.....	150

Научное издание

**ЭФФЕКТИВНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы
Международной научно-практической конференции

(26–27 мая 2017 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-1453-1

Подписано в печать 26.02.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 9,2. Тираж 150 экз. Заказ 668.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.